

3

2013



РОССИЯ XXI

3.2013 май-июнь



Теория и практика политических игр

Сергей Кургинян

Безумье удушья: истощенные ресурсы _____ **6**



Геоглобалистика

Вячеслав Зимонин

«Холодная» война зарождалась
в войне «горячей» _____ **28**



Ярлыки и мифы

Геннадий Костырченко

Карьерные страдания молодого Андропова:
как он «отмывал» свое прошлое _____ **50**

Владимир Дегоев

Шейх Мансур с расстояния веков _____ **74**



Пути духовных исканий

Андрей Юрганов

Художественный язык древней Руси
как проблема (на примере Лицевого
свода Ивана Грозного) _____ **110**

Андрей Каравашкин

Две стратегии нарратива:
убедительность и доказательность
в агиографии Епифания
Премудрого _____ **132**



Актуальный архив

Виктор Мальков

«Только лично и конфиденциально».
Американские дипломаты
об истоках и тайных пружинах
мировой катастрофы
1938–1939 годов _____ **148**

Contents in English look at the page 184

РОССИЯ XXI

Редакционный совет

Председатель – Дегоев В.В., доктор исторических наук, руководитель Центра проблем Кавказа и региональной безопасности, профессор МГИМО-Университета МИД России;

Белова О.В., доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН;

Гриневский О.А., доктор исторических наук, чрезвычайный и полномочный посол в отставке, руководитель Центра Европа–США, институт Европы РАН, профессор РГГУ и МГИМО;

Журавлев В.В., доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой новейшей истории России МГОУ, руководитель Центра по разработке и реализации программ документальных публикаций федеральных госархивов РГАСПИ, лауреат Государственной премии РФ;

Княнская О.И., доктор исторических наук, профессор кафедры литературной критики факультета журналистики РГГУ;

Либих Андре, профессор истории, школа международных исследований, Женева, Швейцария;

Мальков В.Л., доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, руководитель научного Центра историко-теоретических исследований Института всеобщей истории РАН;

Милюков В.В., доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института философии РАН;

Панин В.Н., доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой Международных отношений, связей с общественностью и журналистики Пятигорского Государственного Лингвистического Университета;

Розенберг Уильям, профессор истории, Мичиганский университет, США;

Розенталь И.С., доктор исторических наук, профессор, главный специалист РГАСПИ;

Фридман Л.А., доктор экономических наук, профессор, руководитель Лаборатории по комплексному изучению Центральной Азии и Кавказа Института стран Азии и Африки при МГУ;

Юрганов А.Л., доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России Средневековья и раннего Нового времени РГГУ

Журнал «Россия XXI» включен
в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов,
в которых должны быть опубликованы
основные научные результаты диссертаций
на соискание ученой степени доктора и кандидата наук

Редколлегия

Главный редактор – Кургинян С.Е.;
Бялый Ю.В. (заместитель гл. редактора);
Мамиконян Е.Р. (заместитель гл. редактора);
Каравашкин А.В.;
Куриленкова А.А.;
Петрова И.Н.

Требования к статьям, представляемым для публикации в журнале «Россия XXI»

В журнале публикуются оригинальные научные статьи, посвященные вопросам политологии, геополитики, отечественной и зарубежной истории, социологии, экономики, культурологии. Предпочтение отдается актуальным проблемным материалам, связанным с современными социальными процессами, изложению новейших взглядов ученых на прошлое и сегодняшний день России. Редколлегия оставляет за собой право отбора рукописей для публикации. Рукописи рецензируются Экспертным советом. Плата с аспирантов за публикацию статей не взимается.

Представляемая статья должна включать:

Информацию об авторе (фамилия, имя, отчество; ученая степень, ученое звание, место работы и должность, телефон и адрес электронной почты для контактов).

Название статьи.

Аннотацию (500–900 знаков с пробелами).

Классификацию работы по УДК.

Ключевые слова.

Основной текст, включая возможный иллюстративный материал.

Справочный аппарат, оформленный в соответствии с требованиями ГОСТ.

Объем статьи, включая справочный аппарат, от 20 до 60 тысяч знаков с пробелами. Публикация большего объема возможна в двух–трех номерах журнала.

Статья представляется в редакцию на электронном (MS Word) и бумажном (1 экз., подписанный автором) носителях.

Мы обнаружили, что приобретение вещей и их потребление не удовлетворяет нашей потребности в смысле... Накопление материальных вещей не может заполнить пустоту жизни тех, у кого нет уверенности и цели.

Дж. Картер

**Идеал – это путеводная звезда.
Без нее нет
твердого направления,
а нет направления – нет жизни.**

Лев Толстой





УДК
323

Сергей Кургинян

**БЕЗУМИЕ УДУШЬЯ:
ИСЧЕРПАННЫЕ
РЕСУРСЫ**

**ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА
ПОЛИТИЧЕСКИХ ИГР**

The author deals with the nearest prospects of humankind that has lost its historical future. Humankind is suffocating in the gripe of crisis. It is the crisis of the world political class, the elite monster. In connection with that the author is concerned with chances that fall to the lot of Russia. So far the vector of Russia's development was the movement to the West. However this way is exhausted for the Western civilization has rejected values of Modern and opted for anti-Communist project. The elite has built the civilization of lust to prolong the age of capitalist heaven. But the end will be soon put to this condition and the whole humankind will be subject to reduction. The response of Russia may be contained in promotion of the advanced ideology of counter-elite, the cognitariat that will be able to take upon itself specific and complex mission of control and management in the interests of laboring people.

Ключевые слова: элита; кризис; коммунизм; контрэлита; когни- тариат.

Kew words: global crisis; elite; communism; counter-elite; cog- ni- tariat.

E-mail: ecc@ecc.ru

ЭЛИТНЫЙ МОНСТР

В политической деятельности важно соединять два регистра: высший, духовно-политический регистр и живую политическую жизнь. Такую живую, что живет некуда. И делать

так, чтобы жизнь двигалась между этими двумя регистрами. Даже, точнее сказать, не «между», а вовлекая их в себя.

Разумеется, возникают зоны такой активной и бурной живой политической жизни, что в этот момент духовная проблематика как бы уходит на второй план. Хотя это и не совсем так. Но даже в моменты максимального кипения живой политической жизни надо стремиться, чтобы духовная проблематика как-то присутствовала. Я убежден, что политический субъект современной России может быть только духовно-политическим, потому что без такого соединения страна обязательно проиграет.

Теперь о том, почему я это считаю основным. Произошли некоторые бурные события и есть что пообсуждать в режиме, который я называю трансцендентированием. То есть переводом чего-то реального и бурного в смысл. В чем, собственно, смысл этого реального, бурного, безумного и бог знает еще какого? Я буду обсуждать именно политическое безумие. А политическое безумие – это безумие класса, задыхающегося в отсутствие исторического кислорода. Наш политический класс задыхается потому, что исторический кислород полностью перекрыт. Это удушье. Нет никакой исторической перспективы. Это касается не только нас, но и мира. Но сначала поговорим о нас.

Заметили ли вы, с какой скоростью все политические обсуждения переходят в разряд светской хроники? Может что угодно происходить в Сирии, или в Африке, или на Дальнем Востоке, где сейчас выстраивается новый эшелон американского ПРО. Но это неинтересно. Гораздо интереснее любая светская хроника. Светская хроника «Где зарегистрирован фонд» или светская хроника «Кто и почему покончил самоубийством». Эта светская хроника настолько бурно врывается в информационное пространство, настолько съедает все остальное, собственно политическое, что возникает вопрос – почему? А потому, что светская хроника еще может жить в условиях отсутствия исторического кислорода. А политика не может. Она быстро теряет всяческий драйв, она становится неинтересна, скучна, бессмысленна, выморочена. В этом смысле все, что происходит сейчас, это безумие удушья.

Я вспоминаю:

*Душно, душно ото лжи....
Россия, снега одолжи!
Но слухи ходят – что за бред! –
Что и в России снега нет.*

(Е.Евтушенко. Жара в Риме)

Вот это всеобщее удушье, которое, прежде всего, распространяется на политический класс, он же «элита», порождает очень определенный жанр нашей жизни. Двадцатилетие, которое мы прожили, – это двадцатилетие истощения. Истощены ресурсы надежд, истощены ресурсы упований, истощены ресурсы вождельных, истощены ресурсы много-много-многого. Сформировался «элитный» монстр. Мощный, прожорливый, пожирающий все подряд.

Сначала этот монстр пожирал народ. А обглоданные кости кидал среднему классу и интеллигенции. Теперь монстр начинает пожирать саму эту интеллигенцию и средний класс. Тогда они выходят на Болотную и Сахарова и начинают кричать: «А зачем же ты меня пожираешь?!». Далее монстр начинает пожирать самого себя. Это называется «война с коррупцией». Но кто и почему его сформировал, этого монстра?

Идет некое сворачивание жизни. Была какая-то настоящая жизнь. Я убежден, что это была советская жизнь. А дальше началось сворачивание. И это касается каждого, потому что жизнь сворачивается целиком. Это коллапс. Коллапс системы. Коллапс общества. Который порожден, как я неоднократно говорил, двумя катастрофами. Катастрофой смысла (она же метафизическая катастрофа). Это то, что осуществил Горбачев и продолжил Ельцин. И катастрофа онтологическая – бытия. Которую, конечно, в основном осуществил Ельцин, когда создал за 5 лет капитализм. Поклявшись, что он его создаст и выполнив обещание, но забыв рассказать о том, что обещание можно было выполнить, только создав полностью криминальный капитализм. Теперь этот монстр укрепляется и все съедает.

Дальше что? Где-то в матрице жизни есть культура, армия, безопасность, наука и так далее. И даже если в ней все сворачивается, то где-то, из какой-то точки должен начаться обратный процесс. Такие точки мы называем «точками будущего», они же «точки роста». И отсюда начнет восстанавливаться все.

Нет нормальной специализации, существовавшей прежде. Когда кто-то занимался театром, а кто-то занимался аналитикой, кто-то занимался политикой, кто-то занимался естественными науками. Все кончено. Вихрь, который сворачивает всю жизнь в ноль, может только волевым, чудовищным усилием быть развернут во что-то вновь. Это как конец мира. Был мир – и он уходит.

В сущности, в тот момент, когда все сворачивается, люди теряют способность интересоваться, формулировать, понимать. Потому что процессы настолько мощные, что возникает вопрос: «А что их понимать-то? Зачем это все нужно? Тут понимай – не понимай, а все равно кранты». И тогда нужно не просто понимание, нужно реальное, очень мощное соединение интеллекта, страсти и воли. Когда они, соединяясь в одной точке, начинают восстанавливать жизнь. Творить новый мир.

Этот мир, в котором мы живем, сворачивается. Постоянно сворачивается. Возникает вопрос, где его развернуть, где эта точка? Я, конечно, надеюсь, что таких точек много. Потому что иначе слишком большой безнадегой дышит. Вдумайтесь вообще в самую необходимость так все разворачивать. Это же не классическая политическая борьба, где мир существует, где он стабилен более или менее, где вопрос заключается лишь в том, чтобы перевести его из одного качества в другое. Здесь же сворачивается все!

В связи с этим снова и снова возникает вопрос о соединении страсти, глубины понимания и воли, реальной политической воли, в одной точке. Если это не соединить, то все пропало. Даже страсти и понимания вместе недостаточно. Нет воли – нет ничего. Именно это соединение несоединимого есть та стратегическая задача, которую мы должны решать. Иначе страна приговорена. И фактически сейчас идет речь именно о том, что она приговорена.

Все, кто это отрицает, очень убедительно доказывают нынешней власти, что отношения с Западом могут быть построены, что на пути этого построения есть отдельные препятствия, что есть отдельные люди, которые этому мешают, что вот чуть-чуть, еще чуть-чуть – и все будет построено. Они все не говорят правды: отношения рухнули, мост взорван. Стоять на этом взорванном мосту и кричать: «Да еще один шаг, да еще чуть-чуть – и все будет восстановлено», – можно только в одном случае, если подталкиваешь к падению в пропасть.

Это делается по ряду причин. Прежде всего, это выгодно. Потому что, когда говоришь, что вот-вот сейчас мы соединимся, то ты нужен как соединитель. Это ценностно очень важно.

Что значит сказать: мост рухнул? Это значит куда-то повернуть и двигать жизнь в каком-то совершенно другом направлении. А в каком направлении? Словом, проблем хватает. Но рухнувший мост становится все более очевиден. А все, все строилось под то, что мост есть. Даже он назывался «мост». Казалось, по этому мосту Россия мирно будет переведена на Запад. Теперь вдруг выясняется, что вместо моста и ликования по поводу перехода по нему, – пропасть.

ЧЕЛОВЕЧЕСТВО ДО 2040-ГО ГОДА

Почему Запад так круто повернул?
Он же шел в определенную сторону.
И в этом его историческом движении
было место и морали, и семье, и
четкому пониманию прогресса, и

гуманизму. Почему он повернул? Потому что впереди замаячил коммунизм. Коммунизм плюс Россия. И это так напугало, что к 1960-му году включились гигантские силы, чтобы повернуть. Было ясно, что поворот будет подлым. Что повернуть можно, только предав историю, гуманизм, прогресс, семью, ценности, – все надо предать ради того, чтобы повернуть. И не просто предать какие-то частности, но совершить некое чудовищное метафизическое действие.

Вопрос заключался в том, что увидев, куда Россия «под ручку с коммунизмом» движется, свернули в сторону покоя. В сторону конца. В сторону капитуляции человечества. И только там, где существует эта капитуляция человечества, там возникает некая купленная Капиталом возможность продлить свое существование, продлить свое роскошное прозябание.

Конец этого прозябания тоже близок. Могильщиками являются сейчас не пролетарии. Увы! Уж в России – точно не они. Могильщиками являются три главные технологии. Или три супертехнологии.

Первая – генная инженерия.

Вторая – искусственный интеллект.

Третья – робототехника.

Все. Этих бурно развивающихся технологий достаточно для того, чтобы при таком повороте уничтожить человечество. И оно будет уничтожено скоро. Россию, если она не пробудится и не мобилизуется, уничтожат до 2020-го года. Человечество – до 2040-го. Я впервые говорю о таком уничтожении человечества, потому что процесс все более и более виден. Человечество будет уничтожено. Целиком.

Это не слишком часто обсуждающаяся проблема так называемого экспоненциального роста технологических потенциалов. Экспоненциальный рост потенциалов робототехники, нанотехнологий, искусственного интеллекта, геной инженерии – все это вместе безусловно приведет к тому, что, во-первых, будет создано новое оружие. Называется ли это «вирус Судного дня» или как-то иначе – один вопрос. Во-вторых, сами эти технологии начнут создавать такую новую реальность, которая выйдет из-под контроля.

Масса людей боялась по поводу того, что будут применяться сильные антибиотики, к чему это приведет. Привело это к тому, что побеждают бактерии. Они выстояли и сумели приспособиться к этим антибиотическим условиям, то есть создать новые, более ядерные модификации самих себя. Такие, по отношению к которым нужно изобретать новые лекарства, потому что к обычным человечество приспособлялось достаточно долго, а к этим – нет. Но то же самое может произойти в перспективе просто потому, что генноизмененная пища породит такое количество проблем, с которыми человечество в ближайшее время не сумеет справиться.

Рост искусственного интеллекта вместе с робототехникой способен создать гигантские проблемы. А зачем вообще оно нужно – человечество? Оставим в стороне всякого рода суперфутурологию, согласно которой искусственный интеллект победит человека, хотя при существующем положении вещей это отнюдь не является фантастикой. Это реальность. Представим себе, что искусственный интеллект не победит человека, а будет как-то с ним сосуществовать. Но он будет сосуществовать с узкой группой людей, которые будут им управлять.

Ну зачем этой группе людей остальное человечество? Зачем оно этой группе людей вообще и зачем оно этой группе людей в условиях рано или поздно разрешаемой проблемы практического бессмертия? Это все не нужно. Вид становится ненужным. Целиком. Малая часть вида может пытаться сохранить контроль над технологиями. Повторяю: геной инженерией, нанотехнологиями, робототехникой, искусственным интеллектом.

Наверное, возникнут и новые супертехнологии – наука не стоит на месте. Малая элитная группа может попытаться сохранять контроль над этими технологиями и жировать, пользуясь открывшимися для нее возможностями: практически неограниченным сроком жизни, неограниченными техническими возможностями и т.д., и т.п. Ей человечество не нужно. И все, что сейчас происходит: разрушение семьи, образования и

медицины – все это культурное постмодернистское безумие нужно для того, чтобы большая часть человечества пришла в такое состояние, о котором можно сказать: «А зачем это человечество?» Зачем нужен весь этот «фарш»? Он ничего не может. Он не нужен производственному процессу.

Столько людей не нужно для того, чтобы поддерживать искусственную среду, именуемую антропосферой. Для ее поддержания нужно гораздо меньшее количество людей, и они там хотя бы размещаться по-другому. Предположим, что это произойдет не к 2030, а к 2040 году. Но все равно произойдет. И не позже 2040-го года. Не такой уж космический интервал времени.

Единственная возможность здесь что-то изменить связана с человеком. Человек и человечество могут противопоставить этому свой собственный сумасшедший рост. Рост антропологических возможностей, антропологическую революцию. Надо превзойти по скорости рост технологических возможностей. Если антропологические возможности стоят на месте или падают, как это сейчас происходит, за счет разрушения образования, культуры и всего прочего, то рост технологических возможностей при этом не просто приводит к войне, а к победе в ней «узкой технократической элиты» над всем человечеством. Потому что ее потенциал становится невероятно высоким, а потенциал человечества невероятно низким. Зачем оно, это человечество?

Если раньше оно нужно было для каких-то гигантских армий или для того, чтобы трудиться, трудиться и трудиться, гигантским количеством сельскохозяйственных орудий распахивая землю, то теперь все это не нужно. Необходимый продукт будет произведен с помощью огромного технического потенциала и очень ограниченного количества людей.

Остальное человечество не просто лишнее. Оно опасно. А потому даже если гигантский технологический рост, так сильно превышающий антропологические возможности людей, не приведет к катастрофе типа военной, то почему бы на этой основе не создать новые военные технологии? Многие об этом говорят. Говорят, что на подходе вирус «Судного дня» и не только он.

Без коммунистической революции, без какого-то другого устройства общества и другого решения проблемы Человека, позволяющего антропологической мощи снова воспарить, узкая группа людей все равно будет контролировать некие невероятные возможности и абсолютно пренебрегать всем остальным. Все эти разговоры про «анчоусов» ведь не случайны. Это только проба пера. На самом деле разговор-то идет о

чем? О том, чтобы так «загнать за Можай» большую часть человечества, чтобы не жалко было ею пожертвовать. «Чего беречь? – как говорила героиня Достоевского, мачеха Сони Мармеладовой Екатерина Ивановна – Эко сокровище!» Жалеть нечего.

А поскольку гуманизм – это и есть бесконечная жалость к большинству, то это большинство надо обязательно загнать в полуживотное состояние. Чтобы совсем было понятно, что тут жалеть нечего. Тут все. Тут кранты. Тут уже ничего не сделаешь. Если жизнь будет двигаться не только в этом русле, но и в любом другом сходном – все, конец. Одни технологии растут экспоненциально, другие падают. Остановить этот процесс невозможно. Это тоже означает – убить часть человечества. Все эти «фонды дикой природы», принца Филиппа и так далее – лирика. Никто на остановку технологического роста не решится. Не успеют. Не смогут.

Есть единственная возможность – повернуть кривую антропологического роста в сторону коммунизма. Не о социализме сейчас идет речь. Не о распределении продуктов, а о коренном переустройстве жизни. Не о подавлении вожделения, которое предлагает Модерн, и не о раскрутке вожделений ради гибели человечества, которое предлагает Постмодерн. И не о возвращении к каким-то средневековым нормам, о чем говорит Контрмодерн. А о том, чтобы счастье нового восхождения смело бы все бактерии вожделения. Чтобы в алхимическом потоке счастья, связанного с возможностью стремительного восхождения Человека, оказалось сожжено все то злое, что такому восхождению препятствует.

Коммунизм есть раскрепощение и пробуждение высших творческих способностей, высших творческих потенциалов *в каждом* человеке. *В каждом* человеке! И никакого другого содержания в коммунизме нет. И именно это содержание вкладывали в него и классики, и все, кто классиков развивал.

Теперь я бы хотел поговорить об «элите». Ничего более нет для меня мерзкого, чем само это слово, его нынешнее наполнение. Давайте разберемся... Это слово вообще отвратительно. У нас, в России, оно стало гиперотвратительным. Потому что возникли «элитные унитаза», «элитные кресла» и все прочее. Здесь вся эта «элита» приобрела, во-первых, особо вульгарный и, во-вторых, особо высокомерный вид. Как никогда это соединение вульгарности с высокомерием вызывает особенно глубокое презрение и отвращение. Потому что в мерзком, холодном, жесточком, но разумном мире (западном или восточном – неважно) есть

какие-то требования, есть какой-то стиль. У нас – нет ничего. Это пародия, чудовищная пародия.

Но значит ли это, что мы имеем право снять проблему элиты вообще с повестки дня? Ну сказать, что «элита – это пакость, а потому нужно...» – что? «Простые люди должны...» – что? Они должны смести элиту и... кого посадить себе на голову? Править самим, стать властью, да? А как они ею станут, если они отчуждены от всего того, что позволяет им эту власть осуществлять? Если все, что связано с осуществлением управления, неизбежно находится в руках у соответствующей касты, именуемой себя «элитой». Оно там взращивается, оно там воспитуется, оно там концентрируется и тем самым оно отчуждается от тех простых людей, которые должны ткать ткань, печь хлеб, выплавлять металл и делать все остальное. И которым мы, естественно, всем обязаны. И которые действительно являются солью земли.

Но как эта «соль земли» возьмет в свои руки управление в условиях, когда это управление является сложнейшей технологией, и в условиях, когда злые силы, которые хотят отнять у этой «соли земли» возможность управлять, обладают потенциалом, гораздо большим, чем эти простые люди? Как они защитят себя?

В связи с этим и возникают два слова. Первое – «элита» в кавычках как элита мерзавцев, «дельфинов» и так далее. Второе – элита без кавычек, как то, что изобрело человечество для того, чтобы управлять. И наконец, контрэлита. «Элита» в кавычках – это наша пакость. Элита без кавычек – это, например, английская аристократия. Жестокая, холодная, весьма специфически относящаяся к народу. И тем не менее эффективная в чем-то. А контрэлита – это то, что необходимо создавать, для того чтобы «дельфины» не погубили страну. И мир.

Есть такой термин – элита служения. Почему-то элита должна служить народу. Почему-то она должна любить его. Почему-то она должна исповедовать собственный аскетизм во имя его счастья. И почему-то, говорю уже в пределе, она должна умирать за него. Чем же для этого должен быть народ? Уж никак не множеством корчащихся существ, жаждущих вождения и неспособных его насытить. Ведь проблема сейчас заключается именно в том, что масса существ, которым можно сколь угодно сострадать, корчится от неудовлетворенного вождения. И ненавидит тех, кто его не может удовлетворить. А также готова преклониться перед теми, кто его удовлетворит.

Вождения эти очень просты. Они разбужены потребительским обществом. Сейчас, когда Михаил Горбачев начал говорить о второй

Перестройке в России, стало понятно, что такое была первая. Это были разбуженные вожделения. Все разбуженные низкие вожделения. Вожделеющему субъекту, homo вожделеющему, было понятно, что такое капитализм. Да? Это когда у каждого 600-й мерс, три видака и барышни в шубах, валяющиеся на заднем сиденье.

Потом оказалось, что не хватает мерсов, видаков и барышень и что большая часть населения не получает ничего. Кроме резкого ухудшения уровня жизни, потери способности воспроизводиться (то есть получать квартиры, получать правильную медицину и правильное образование), потери каналов вертикальной мобильности, потери возможности перелететь из Москвы во Владивосток и так далее. Разговор о том, что зато можно ездить за границу, анекдотичен, потому что за границу может ездить не более 5% населения. Разговоры о том, что зато получена какая-то информационная свобода – тоже анекдотичны. Не будем это даже обсуждать.

Вопрос заключается в том, что 90% населения, с точки зрения «дельфинов», должны дать себя съесть, для того чтобы «дельфины» дальше продолжали более или менее жировать, кайфовать. Они кайфуют. Несколько процентов населения. Максимум 3–4 миллиона людей. И они хотят, чтобы все остальные дали себя пожираться ради продления их кайфа. А люди не хотят. Но сами-то эти люди все еще пребывают в состоянии разбуженного вожделения.

Сначала олигархи, не глядя ни на что вокруг, не замечая преступных своих деяний, растаптывая окружающих и называя себя суперсуществами, пожирают все, а потом, обезумев, на машинах, каких-нибудь снегоходах, несутся на такой скорости, что данное транспортное средство становится неуправляемым, и куда-нибудь врезаются. Последняя фаза – это уже не алчущее и вожделеющее существо, а существо, стремящееся к самоликвидации, ликвидации всего вокруг. И это закономерно. Низ вожделеет, а суперниз – это бездна, которая алчет смерти, которая истомлена своим вожделением, своей алчностью настолько, что дальше двигаться не может.

Значит, самое главное – как вожделение избыть. Не «как его насытить», а как его избыть. Потому что конкуренция за его насыщение – тупик. Да, я понимаю, что когда речь идет не о насыщении вожделения, а о хлебе насущном, о плачущих от голода детях, то преступно говорить о том, что материальные потребности ничего не значат. Но ключевая-то проблема не в этом. Да, омерзительно, что людей довели до состояния

унизительной бедности. Но что люди делают в этом состоянии? Они же продолжают вожделеть.

Как только абсолютный ужас нищеты превратился в возможность какого-то прозябания – за счет пенсии родителей и бабушек с дедушками, за счет чего угодно, – сразу прекратили держать коров и все прочее. Хотя деревенское существование осмысленно только в том случае, если ты можешь хотя бы есть свежие, нормальные продукты. Схватили генноизмененную гадость, так сказать, и сказали коровам «гуд бай», потому что есть вожделение, потому что есть желание жить потребительски, потому что никто не хочет послать это куда подальше и начать жить по-другому.

Никто взвалить на себя снова крест труда не хочет. А каждый день по телевизору рассказывают, что и не надо. А те, кто взваливает, – идиоты. А у тех, кто, взвалив, чего-то добьется, будет все отобрано. И так далее, и так далее, и тому подобное.

Выход в том, чтобы это вожделение избыть. Можно просто завернуть гайку потребления. Но, естественно, тогда ее надо заворачивать всем. Нельзя завернуть ее одним и дать жировать олигархии. Но ведь не в этом же дело. От того, что гайка будет завернута просто грубо, ничего не изменится. Вожделение приобретет другой характер. Значит, нужно включить какие-то такие механизмы в человеке, чтобы все это вожделение сгорело.

*Но какое мне было дело,
Чем нас кормят, в конце концов.
Если будущее глядело
На меня с газетных столбцов?
Под развернутым красным знаменем
Вышли мы на дорогу свою,
И суровое наше сознание
Диктовало пути бытию.*

(Б.Слуцкий. О счастье быть)

Есть такое счастье *быть*, а не *иметь*, при котором с жалостью смотрит человек, обладающий бытием, на того, кто жаждет и вожделет. Даже на того, кто это вожделение насыщает. Не будем говорить о том, чем это разбуженное вожделение страшно для экологии. Повторяю, генная инженерия, нанотехнологии, робототехника и искусственный

интеллект уничтожат все быстрее, чем нарушенная экология. Гораздо более беспощадно.

Хочу сказать об одном – об антропологическом возвышении человека. Эта необходимость сейчас как нож к горлу... Люди в возрасте 35–40 лет! Ваши дети не доживут в нынешнем человечестве свою жизнь! Услышьте меня. Это произойдет не где-то там, в XXII столетии. Это произойдет скоро. К этому все идет. Единственный способ это остановить – вырвать супертехнологии из рук злодеев и правящего, преступного, уже посткапиталистического класса и обеспечить антропологическое восхождение. Потому что, не вырвав все эти средства из рук преступного класса, ничего не добьешься. И наконец, третье: простым людям надо передать все то, что отчуждает элита. Это и называется «создать контрэлиту». Когнитариат – это пролетариат, овладевший суперуправленческими знаниями. Или, как говорил Богданов, интегральной наукой.

КОНТРЭЛИТА СЛУЖЕНИЯ

Только когда пролетариат ею овладеет по-настоящему, можно будет считать, что человечество спасено от отчуждения и элитаризации. Если контрэлита не станет на путь жертвенного служения и передачи знаний народу, то произойдет элитаризация. А в сочетании с технологиями она уничтожит человеческий род. Быстро. На это не понадобится ста лет. Самое страшное – дожить до этого.

Если бы задачей было всего лишь национальное освобождение, нужна была бы национальная интеллигенция. А ее нет. Интеллигенция как раз и превратилась в эту самую «элилу» в кавычках. Она предала свой народ. Она отдает его на растерзание местному Капиталу и иноземцам.

Но ведь перед нами не стоит сейчас задача только национального освобождения. Хотя уже для этой задачи, для того чтобы выковать новую интеллигенцию, новую и, прежде всего, именно гуманитарную интеллигенцию, которая сможет поднять народ, нужно перенапрячься. Нужно неистовое мобилизационное усилие. Это почти невозможное решение. А без него никуда не двинешься. Но нужно еще нечто большее. Нужно действительно победить в стратегическом смысле. В противном случае мы превращаемся то ли в луддитов, которые разрушали машины, то ли в хранителей машин, которые по каждому поводу причитают: «Боже мой, боже мой, это не трогайте, это не трогайте и это не трогайте!».

«Машина родилась в мире конкуренции, общественного антагонизма. Эту конкуренцию, этот антагонизм она, как известно, обострила, довела до крайности. Но тем самым она обострила и усилила потребность развития.

Для конкуренции становится необходимым непрерывное, планомерное совершенствование техники в каждой данной ее области. Потребность эта удовлетворяется выработкой общих технических методов.

Общие методы техники ведут к тому, что все машины шаг за шагом приближаются к высшему их типу, автоматическому механизму. Этот процесс не только прямо и непосредственно уменьшает значение специализации, увеличивая сходство различных форм труда, – он имеет еще иное, косвенное, но громадное значение для дела собирания человека»¹.

100 лет назад, в начале XX века, о деле собирания знаний, о деле собирания человека говорил большевик Богданов. И о деле планомерного развития. Ради чего? Ради свершения антропологической революции, которая есть коммунизм. Предоставим слово Богданову.

«Наука в своей основе есть систематизация техники: ее материалом является "труд, который есть опыт, и опыт, который есть труд". Общие технические методы она выражает и отражает в общих методах познания. Она становится монистичной. (Богданов верил в это. Наука не стала монистичной. Но ее пытались сделать таковой. – С.К.)

Всеобщий научный закон сохранения и превращения энергии есть именно всеобщий технический принцип машинного производства: он выражает собою тот основной факт всякого человеческого труда, что работа необходимо почерпается из какого-нибудь наличного запаса сил. А дополняющий собою закон энергии всеобщий ограничительный закон энтропии отражает собою всеобщую ограниченность человеческой техники: наличный запас энергии никогда не может быть всецело, полностью использован человеком».

Все это принадлежит своему времени. Говорить о всеобщем царстве энтропии уже невозможно. Да и с энергией в эпоху синергетики дело обстоит не так просто. Но неважно. К чему он рвется-то, Богданов? Только к одному – к общему знанию. К тому, чтобы было выработано интегральное знание. И это интегральное знание передано пролетариату. Который тогда станет когнитариатом. И вот тогда спасется от власти технократов и прочих разных элит.

¹ Богданов А.А. *Собирание человека. Новый мир (статьи 1904–1905 гг.)*. М., 1905; 3-е изд. М., 1920; http://ruslit.tremlibrary.net/book/bogdanov-voprosy-socialisma/bogdanov-voprosy-socialisma.html#return_n_135

Но для того, чтобы передать ему это знание, нужна контрэлита. Контрэлита служения.

«Так систематизируется весь коллективный опыт в объединяющие формы познания, доступные психике отдельного человека. Знание общих методов заменяет знакомство с бесконечными деталями. Неспециалист тогда в любой специальной области перестает чувствовать себя чуждым: ему, конечно, многие частности и мелочи неизвестны, но все в общем для него понятно, и с каждой из этих частности и мелочей он может легко ознакомиться, как только пожелает».

Напоминаю, что Богданов первым создал теорию систем. До Бергланфи, до всех, кто потом начал заниматься теорией систем. Тектология была первой теорией систем. Вот здесь он говорит о ней. И о том, что ее надо передать пролетариату. Тектология ушла в прошлое, но метод, идея остаются в будущем.

«Специалист же остается таким лишь в сфере деталей; а в сфере методов, т.е. во всей активной стороне своего специального опыта, он уже – человек.

Специалист прежнего типа становится не только уродливой, но и бесполезной фигурой, он не в силах ничего создать в своей области, потому что приемы его стереотипны, а психика узка и бедна. В лучшем случае он годится еще для собирания фактов; но и тут зачастую приносит вред вместо пользы, не умея разобраться в этих фактах, без толку их нагромождая или даже бессознательно их искажая соответственно своей отжившей точке зрения. Когда же он вступает в область широких обобщений, то оказывается прямо реакционером... Тут он еще вреден, но для развивающегося познания уже не страшен; его величественная мина вызывает только веселый смех молодой критики.

На смену старому филистеру-специалисту приходит новый тип ученого: широко образованный, монистически мыслящий, социально-живущий. В нем выражается сознательно-систематическое собирание человека, оно идет чем дальше, тем успешнее, потому что находит себе опору в стихийно-общественном процессе. Лучшим, почти идеальным, воплощением этого типа был тот, кто первый дал монистическое понимание общественной жизни и развития, – великий философ-боец Карл Маркс».

Как мы видим, Богданов не только не противостоит Марксу, он им восхищается.

«Собирание человека происходит различными путями: я указал для них только основные – в сфере техники и познания. Проследить все производные – в области "политических", "правовых", "нравственных"

отношений – было бы слишком долго. Важно то, что каждый новый шаг на этом пути облегчает дальнейшие, увеличивая связь и взаимное понимание тех элементов человечества, которые вовлечены в процесс "собираения". Следовательно, как ни труден, как ни мучителен порою этот процесс, но с каждой новой своей фазой он осуществляется все легче. Скорость его возрастает.

Куда же ведет эта линия развития? К превращению человека-дробь в человека-целое. Но что это значит?

Должно ли при этом получиться возвращение к первобытному типу стихийно-целостной жизни, когда опыт каждого и опыт всех совпадали, когда человек был стереотипно повторяющимся элементом недифференцированного целого? Конечно, нет.

По мере завоевания человеком природы сумма коллективного опыта возрастает до таких колоссальных размеров, что ее нельзя себе представить полностью вмещающей в каждую отдельную психику. (А вот в машину – можно. – *С.К.*) И самый процесс собирания человека, насколько он нам известен, направлен вовсе не к такому чудовищному распуханию человеческой души. (А вот в машине распухание будет происходить. Искусственный интеллект здесь пойдет другой дорогой. – *С.К.*)

Дело идет о возрастающей общности основного содержания опыта, а не бесчисленных частных переживаний, о возможности полного взаимного понимания людей, а не об их психическом тождестве; о способности каждого во всякое время овладеть какой угодно частью опыта других людей, а не о фактическом обладании всем этим опытом.

Первобытная цельность основывалась на ограниченности жизни и соединялась с крайним ее консерватизмом: та новая цельность, к которой ведет собирание человека, должна охватить громадное богатство жизни и дать простор ее беспредельному развитию. Первая (предыдущая целостность, консервативная, первобытная. – *С.К.*) имеет статический характер, вторая (та будущая, которая есть коммунизм. – *С.К.*) – динамический; первая является привычной, вторая – пластичной; сущность первой составляет простота, сущность второй – гармония (то есть, особое, уникальное сочетание разного, в единстве. – *С.К.*).

Вы смотрите вокруг себя, в поле вашего зрения разворачивается бесконечный мир. В ваших глазах лучи света рисуют изображения предметов; это уменьшенные, но "верные" изображения. Одни предметы ближе к нам и воспринимаются с большей детальностью, другие дальше и воспринимаются лишь в общих чертах, третьи в данный момент недоступны нашему зрению. Для другого человека все отношения иные: он видит те

предметы, которых вы не видите, и, наоборот, для него с мелкими подробностями выступают такие части среды, которые вам являются лишь в виде смутных контуров, и т.д.»

«Словом, поле зрения у него другое. Но вам стоит только подойти или приложить к глазам бинокль, чтобы разглядеть любой из ближайших к нему предметов настолько же ясно и детально, насколько он его видит. Зрительный мир у вас обоих один и тот же, и оба вы располагаете общими методами, чтобы зрительно "овладеть" любой частью этого мира.

Однако если вы живете на маленьком острове, которого не можете покинуть, или если вы не знаете употребления оптических инструментов, которыми пользуются другие, то для вас зрительный мир не тот, что для других людей, и вам "непонятны" их описания других стран, их сообщения относительно формы и движения планет и тому подобные высказывания.

Поставьте в обоих случаях вместо зрительного мира коллективный опыт, и вы получите антитезу между гармонической жизнью будущего, к которой ведет собирание человека, – и современной отживающей специализацией. Если человек владеет выработанными общими методами познания и практики, то стоит ему "подойти" с этими методами к любому вопросу, к любой жизненной задаче, и он разрешит этот вопрос, эту задачу, хотя они вне его "специальности". А при старой специализации человек "подойти" не в силах, общих методов не имеется, – для разрешения частного вопроса, частной задачи надо овладеть целой новой специальностью, что может потребовать всей жизни человека.

Когда в опыте каждого имеется уменьшенное, но верное и гармоничное отражение опыта всех, когда в переживаниях другого никто не находит ничего принципиально недоступного и непонятного, тогда "специальный" труд так же мало отрывает человека от коллективной жизни, как данное поле зрения отрывает его от всего зрительного мира. Тогда жизнь может свободно расширяться во всяком данном направлении, не уродуясь, не искажаясь, не делаясь болезненно-односторонней.

К этому ведет собирание человека.

Человек – отражение общества. Каким же общественным отношениям соответствует новый, развивающийся тип человеческой жизни?

Принципиальное равенство опыта, соединенное с полным взаимным пониманием людей, может явиться лишь результатом широкого общения людей при полном равенстве их взаимного положения. Этим условиям соответствует только один тип отношений между людьми – отношения товарищеские. Отношения эти по существу враждебны всяким переого-

родкам между людьми – всякому подчинению и сужению, всякому дроблению человека».

Значит, ему претит конкуренция и всякие рыночные деления не потому, что кто-то кого-то жестко толкает, а потому что не собирается это вместе. Как писал Блок: «Товарищи! Мы будем – братья!»

«Собирание человека и совершается в действительности именно там и постольку, где и поскольку отношения авторитаризма и специализации сменяются товарищескими.

Доказывать это нет надобности; подробно выяснять – здесь не приходится.

Несомненно, что всеобщие товарищеские отношения и полное взаимное понимание людей означают уничтожение общественных противоречий и антагонизмов.

Здесь возникает вопрос о силах развития.

Противники товарищеских отношений утверждают, что сами по себе эти отношения застойны, именно потому, что гармоничны. Только борьба между людьми, в виде войн, конкуренции, группового антагонизма, наконец, хотя бы ослабленного психического отражения этой борьбы – соревнования, только она, по их мнению, вызывает развитие и гарантирует его непрерывность. Где есть гармония, там некуда и незачем идти дальше.

Так ли это?

Разве жизненная борьба прекращается с прекращением борьбы между людьми? Разве стихийная природа заключает тогда мир с человеческим сознанием? Разве страдания, смерть, непознанное нашего мира и неизвестное других отдаленных миров перестают окружать человека? Разве великий враг раскрывает ему тогда свои объятия?

Борьба человека против человека – это только дорогая цена, которую покупается стихийное развитие. Масса сил бесплодно растрачивается на эту борьбу, и только небольшая часть их идет прямо на то, чтобы сделать человека сильнее и совершеннее. С прекращением такой растраты сил начинается эпоха сознательного развития.

Там, где опыт каждого непрерывно получает новое и новое содержание из опыта всех, где из взаимного общения людей для каждого непрерывно возникают новые и новые вопросы и задачи, где гармоническое объединение коллективных сил дает каждому возможность вступить в общую борьбу против стихийной природы с уверенностью в победе – там не может быть вопроса о стимулах развития.

Кто считает борьбу между людьми необходимым условием их развития, тот просто обобщает свой узкий опыт, грубо перенося прошлое в будущее. Нередко человек, воспитанный на розге, считает невозможным без ее помощи научить детей чему-нибудь. Это та же логика.

Собирание человека ведет не к застою, а к смене одного типа развития другим: дисгармонического развития человечества раздробленного – гармоническим развитием объединенного человечества.

В сущности, дробление человека никогда не было только дроблением. Оно совершалось гораздо больше путем одностороннего развития, чем путем сокращения жизни, гораздо больше путем гипертрофии одной ее стороны, чем путем атрофии других сторон. Полнота жизни при этом не уменьшалась, а возрастала.

Даже самый узкий специалист нашего времени – какой-нибудь кузнец, выковывающий одни гвозди, или запыленный гносеолог, видящий жизнь только через тусклые стекла своего кабинета, – даже они обладают неизмеримо большим богатством переживаний, чем первобытно-целостный человек времен давно минувших. И таково же должно оказаться различие суммы жизни для одностороннего, противоречиво развивающегося человека наших времен – и (суммы жизни, гораздо большей. – *С.К.*) для того гармоничного, разностороннего существа, которое его сменит (этого одностороннего, противоречиво развивающегося человека. – *С.К.*).

При громадном количественном различии опыта и при коренном несходстве самого типа жизни представитель одной фазы развития человечества не в силах даже понять представителя другой фазы, не в силах конкретно вообразить его психическую жизнь; исследуя ее, он может только абстрактно характеризовать ее основные черты, как делаю это я по отношению к типу доисторического прошлого и к типу исторически намечающегося будущего.

Тут возникает вопрос: имеет ли смысл одним и тем же словом "человек" обозначать существа, настолько разнородные?

И да, и нет. Да, потому что цепь развития здесь все же непрерывна. Нет, потому что мало пользы в объединяющем понятии там, где реальные различия преобладают над сходством, где нет психической связи и единства, достаточных для взаимного понимания живых существ. Очевидно, что "нет" здесь вернее, чем "да".

Итак, что же такое человек? Ответом на этот вопрос служит вся обрисованная картина развития.

Признаем ли мы человеком существо эмбрионально-простое, стихийное, чуждое развития? Мне кажется, нет.

Признаем ли мы человеком существо неполное, часть, оторванную от своего целого, дисгармонически развивающуюся? Мне кажется, нет.

Но если человеком мы признаем существо развитое, а не эмбриональное, целостное, а не дробное (в своем развитии. – С.К.), то наш вывод будет такой:

Человек еще не пришел, но он близко, и его силуэт ясно вырисовывается на горизонте.»

Так говорит Богданов. И все пишется ради этого вывода.

Вот чем они жили. Никто не может понять жизни большевиков, жизни той коммунистической элиты, которая делала революцию и потом строила новый мир, если не понять этой фразы: «Человек еще не пришел, но он близко», мы на пороге, и мы можем впервые обладать невероятным счастьем, по отношению к которому все эти вождения – ничто, мы можем сделать шаг – и оказаться за порогом. Представьте себе, какое это счастье. Он уже на пороге, этот человек. Нам остается одно усилие – и мы перешагнем порог. Если не понять, каков масштаб этой мечты, что за нею стоит, то все остальное непонятно тоже.

Элитарность отвратительна.

Наступает время, когда антиэлита будет отчуждаться от народа, соединяясь с новыми техническими возможностями и уничтожая и народы, и человечество. Тем важнее, чтобы контрэлита сформулировала повестку дня, при которой человечество сможет так стремительно антропологически развиваться, чтобы союз развивающихся технологий и элиты не истребил человечество. Эта задача невероятно трудна. Ее решение потребует от каждого из нас огромной работоспособности, дисциплины, точной, четкой, самопожертвенной работы.

И здесь я говорю: не чурайтесь понятия контрэлиты. Потому что его не чурался Ленин. Партия авангардного типа – что это такое? Это и есть партия контрэлиты. Когда пролетариат – авангард народа, а партия – авангард пролетариата, что это такое? Это концепция контрэлиты.

На концепции народа, простоты и всего прочего стояли народники. Для них народ, в его таком клубящемся, простом состоянии, был самодостаточен. Они проиграли все. Уже Плеханов стал на позицию ограниченного авангардизма, объявив пролетариат авангардом народной борьбы. А Ленин объявил партию не просто авангардом пролетариата. Он сказал больше. Он сказал: если пролетариата в нужном виде нет, то мы создадим партию пролетариата, и партия создаст пролетариат.

Эта мысль, кстати, не марксистская. Она суперавангардистская. Но Ленин же это и сделал. Да, тогда не было слова «элита». Слово «элита» ввел в оборот Питирим Сорокин. Наш соотечественник, эмигрировавший в Соединенные Штаты.

Перед этим кто-то еще использовал это слово. В основном, в фашистском контексте. Повторяю: элитарность вообще, особенно вульгарная и отчуждающая себя от народа, а не основанная на служении, – это жуткая пакость. Но если мы теряем элиту в лучшем смысле, если контрэлита не готова служить народу и не может выправить этот вывих, то мы сталкиваемся с феноменом простоты, которая хуже воровства.

Мы сталкиваемся с трактористами, которых быстро затаскивают наверх, которые учатся только облизывать зады и интриговать, потом дико восхищаются элитой Запада и предают свой народ. Лжепростота, немедленно превращающаяся в высокомерие, чудовищное высокомерие, была губительной чертой советского общества. Когда исчезли люди духовного служения, люди великой мечты, и на их место стало все это, рекрутируемое снизу по каналам весьма сомнительным, и когда оно, поднимаясь наверх, из грязи в князи, стало презирать до невероятности то, откуда оно поднялось, а также лебезить перед Западом, – вот тогда мы погибли. От этой лжепростоты.

Ленин не был прост – Ленин был суперавангардистом. «Искра» была суперсложной газетой для своего времени. И Ленин на этом поднял народ. И на этом сумел его направить. В каждой точке, куда приезжала партия, царил дух, то есть организация. Беспощадное чувство высокоорганизованной работы. Организационная технология. Внутренняя неумолимость. Она подавляла махновщину. Она подавляла клубящуюся стихию хаоса, которая готова была погубить все на свете.

Сейчас встает вопрос о служении и аккумуляции знаний, воли и страсти, необходимых для того, чтобы возглавить борьбу и стать авангардом, т.е. контрэлитой. Это вопрос огромной значимости. Он намного важнее всех текущих политических вопросов.

Главный вопрос – это вопрос о служении во имя настоящего авангардизма, во имя контрэлиты. Которая, аккумулировав волю, страсть и знания, передаст это народу и поможет человечеству перешагнуть через тот порог, за которым – подлинное человеческое бытие, высокая антропологическая революция и возможность спасти человечество для новой, гуманной жизни, основанной на ином типе развития. То есть для жизни коммунистической.

Быть созданным, чтобы творить, любить и побеждать, – значит быть созданным, чтобы жить в мире. Но война учит все проигрывать и становиться тем, чем мы не были.

Альбер Камю

Война – не настоящий подвиг, война – суррогат подвига. В основе подвига – богатство связей, которые он создает, задачи, которые он ставит, свершения, к которым побуждает. Простая игра

**в орла или решку не превратится
в подвиг, даже если ставка в ней
будет на жизнь или смерть. Война –
это не подвиг. Война – болезнь.
Вроде тифа.**

Анукан де Сент-Экзюпери





Вячеслав Зимонин

**«ХОЛОДНАЯ» ВОЙНА
ЗАРОЖДАЛАСЬ
В ВОЙНЕ «ГОРЯЧЕЙ»**

ГЕОГЛОБАЛИСТИКА

УДК
327

The middle and the second half of last century of Second Millennium were noted for unprecedented acuteness of comprehensive confrontation of two extremely hostile to each other social systems. This phenomenon, called "cold" war, also has a big impact on people's fates now, in Third Millennium. Important thing is that it didn't led to a "hot" war. Nevertheless it has repeatedly drive the ideologically parted society into a border of "hot" war by the impermissibility of using military expenses on the development needs. "Cold" war can be compared with "hot" World Wars I and II by the influence on people's fates, heavy human casualties and the damage to the environment. The background of such a way of society life since World War II should be founded in quite impartial events, in actual of world war, especially its final stage, and in its conclusions.

Ключевые слова: холодная война; Вторая мировая война; идеологическое противостояние; социальная система.

Key words: cold war; Second World War; ideological confrontation; social system.

E-mail: vp-zimonin@mail.ru

I. ФЕНОМЕН XX ВЕКА

ТРЕТЬЯ МИРОВАЯ, НО «ХОЛОДНАЯ»

Середина и вторая половина последнего столетия Второго тысячелетия отличались невиданным ранее по своей остроте всеобъемлющим противостоянием крайне враждебных друг относительно друга социальных систем, не приведшим, однако, к глобальной «горячей» войне. Имя этому феномену, оказывающему существенное влияние на судьбы мира и в начале Третьего тысячелетия, – «холодная война».

Что же собой представляет «холодная война»? Президент США Джордж Буш-старший назвал ее «большой войной», на ведение которой только американцы истратили около 4 (по некоторым данным 5 и более) трлн долл. Авторы «Советского энциклопедического словаря» «холодную войну» определяли как «термин, означающий враждебный политический курс, который правительства западных держав стали проводить в отношении СССР и других социалистических государств по окончании Второй мировой войны»². В предисловии к одному из отечественных изданий выражается мнение, что «холодная война» означала «политическую, идеологическую, экономическую и локальную военную конфронтацию двух антагонистических систем – капиталистической и социалистической (а в рамках этих систем – прежде всего США и СССР), в состоянии которой они пребывали все послевоенные десятилетия вплоть до исхода 1980-х годов и которая по ряду причин, к счастью, не переросла в третью мировую войну»³. Видный политический деятель СССР доктор исторических наук В.М.Фалин, много пишущий по проблемам геополитики В.Л.Петров и японский профессор Х.Сирай, напротив, рассматривают «холодную войну» именно как «Третью мировую войну»⁴.

¹ См.: *Информационные войны (по опыту зарубежных государств)* / Под общ. ред. А.А.Костюхина. М., 2004. С.14.

² *Советский энциклопедический словарь*. М., 1984. С.1450.

³ См.: *Советская внешняя политика в годы «холодной войны» (1945–1985): новое прочтение* / Ред. Л.Н.Нежинский. М., 1995. С.5.

⁴ Фалин В. *Есть стены покрепче берлинской...* // *Комсомольская правда*. 1994. 26 января; Петров В. *Локальные войны (статья вторая)* // *Безопасность: Информационный сбор-*

Действительно, «холодная война» причинила народам мира много горя и страданий. Она не раз ставила идеологически разделенное человечество на грань новой «горячей» мировой войны, не позволяла направить огромные средства, составлявшие непроизводительные военные расходы, на нужды развития. Генеральный секретарь Организации Объединенных Наций Б.Гали в свое время свидетельствовал: с момента создания этой организации (1945) на начало 1990-х годов⁵ в мире произошло более 100 крупных конфликтов, в которых погибло около 20 млн. человек. Б.Гали констатировал, что противоборство на протяжении десятилетий «холодной войны» не позволило ООН выполнить ее изначальные обещания, что она «была лишена возможности что-либо сделать во многих из этих кризисных ситуаций из-за тех – в общей сложности 279 – вето (по сути идеологических вето. – *Прим. ред.*), которые были использованы в Совете Безопасности и которые явились наглядным отражением противоречий того периода». По окончании «холодной войны» в ее наиболее остром с точки зрения идеологического противоборства периоде такое право вето не использовалось с 31 мая 1990 года⁶. Однако на фоне бесцеремонного, грубо нарушающего нормы международного права вмешательства США и других государств-членов НАТО во внутренние дела Югославии, Ирака, Ливии и ряда других стран Россия и Китай в 2012 году сочли необходимым вернуться к подобной практике в связи с событиями в Сирии.

Глобальные расходы на оборону в конце 80-х годов прошлого века составляли в годовом исчислении около 1 трлн. долларов США⁷. Между тем для проведения миротворческих акций ООН требовалось лишь около 3 млрд. долларов в год. Цифры несоизмеримые, но военные расходы ежегодно аккуратно изымались у миллионов налогоплательщиков, и Организация Объединенных Наций постоянно ощущала при этом задолженность по взносам на миротворческие цели, равную почти од-

ник. 1994. №1–2. С.89; Россия – Япония на пороге XXI века: Материалы международного симпозиума. М., 1999. С.111.

⁵ Которое он, как и многие другие политики и ученые тех лет, считал временем окончания «холодной войны».

⁶ Гали Б.Б. Повестка дня для мира: Превентивная дипломатия, миротворчество и поддержание мира. Нью-Йорк, 1992. С.1, 7.

⁷ В 2011 году мировые военные расходы превысили 1,5 трлн. американских долларов, более трети из них приходится на США (См.: Независимое военное обозрение. 2013. 22–28 февраля).

ной трети от необходимой суммы. Все эти годы информационно-пропагандистские баталии «холодной войны» подпитывали локальные «горячие» источники войны и держали на голодном пайке усилия ООН по поддержанию мира: до 1992 года на миротворческие операции было выделено лишь 8,3 млрд. долл.⁸ С начала нового тысячелетия ситуация изменилась незначительно: в годовом исчислении на указанные цели выделяется немногим более 2 млрд. долл., хотя число вооруженных конфликтов и уровень требуемых затрат на миротворческие усилия значительно возросли⁹.

По своим последствиям – влиянию на судьбы человечества, людским потерям, ущербу, нанесенному окружающей среде, – «холодная война», действительно, сравнима с «горячими» Первой и Второй мировыми войнами.

«ГОРЯЧИЙ» ИСТОЧНИК «ХОЛОДНОЙ» ВОЙНЫ

Существует множество мнений относительно причин и временных пределов «холодной войны». Некоторые исследователи считают, что она началась после Октябрьской

социалистической революции. И приверженцы этого мнения, по сути, правы. Вплоть до 1933 года (признание Соединенными Штатами первого в мире социалистического государства – СССР) между «демократическим» Западом и Востоком существовала железобетонная стена непонимания и идеологической вражды; да и в последующие годы полной нормализации отношений между Советским Союзом и странами капитала достичь не удалось. Другие авторы (их немного) считают началом «холодной войны» мюнхенский сговор руководителей крупных европейских держав (часто именуемых родоначальниками демократии) – Великобритании и Франции – с Гитлером и Муссолини по разделу Чехословакии (1938)¹⁰. Антисоветский оттенок «умиротворения» фашизма был очевиден.

И все же следует согласиться с тем, что начало «холодной войны» в ее современном понимании следует относить к периоду завершения Второй мировой войны и первым послевоенным годам¹¹. Распространено мнение,

⁸ Там же. С.33, 34

⁹ См.: *Независимое военное обозрение*. 2002. 29 сентября – 5 октября.

¹⁰ См. подробнее: *Информационные войны...* С.15–16.

¹¹ *Советская внешняя политика в годы «холодной войны»*. С.6.

что отсчет «холодной войны» начинается с фултонской (март 1946 г.) речи видного британского политического и государственного деятеля У.Черчилля. И это тоже в какой-то мере справедливо, так как о борьбе с коммунизмом было сказано открыто и громогласно, и не кем иным, как «великим консерваторм» У.Черчиллем, и ни в каком ином месте, а в США, причем в присутствии американского президента Г.Трумэна.

Не отдавая предпочтения ни одной из вышеназванных версий, российский историк А.М.Филитов ищет «момент начала» «холодной войны» путем анализа «коренной характеристики и особенности» этой войны. «Она, – считает исследователь, – указывает на "ядерный фактор" как на новый, революционно новый фактор послевоенной мировой истории. Несколько упрощая, можно сказать, что состояние "холодной войны" определялось гонкой ядерных вооружений. Предлагаемое определение, разумеется, неполное, но оно передает основную специфику "холодной войны" и, думается, позволяет вполне точно датировать и момент ее начала». «Для этого, – пишет А.М.Филитов, – достаточно проследить динамику роста атомного потенциала США, используемого в военных целях. Официальных данных здесь до сих пор нет, но имеющиеся в работах некоторых исследователей дают следующую картину: в 1946 году США имели 6 атомных бомб, в 1947-м – 13, в 1948-м – около 50, в 1949-м – около 250, в 1950-м – около 450. Нетрудно заметить, что момент "перелома" кривой – это 1948 год. Советский Союз вступил в эту гонку годом позже (первое ядерное испытание он провел в сентябре 1949 г.), данные о развитии его атомного потенциала и поныне остаются строго засекреченными. Но и для СССР 1948 год был переломным: до этого, начиная с 1945 года, его Вооруженные силы постоянно сокращались, с 1948-го их численность стала расти; преимущество в области обычных вооружений, видимо, рассматривалось как известная компенсация за отставание в ядерной гонке»¹².

Конечно, преуменьшать значение «атомного фактора» и его существенной роли в годы «холодной войны» нельзя. Атомное оружие, действительно, на долгие годы стало оружием «холодной войны». Рассуждения А.М.Филитова ценны, в первую очередь, тем, что они делают очевидным тот факт, что отнюдь не Советский Союз явился инициатором использования атомной дубинки в баталиях «холодной войны». Следует согласиться и с суждением Алексея Митрофановича о том, что путь

¹² Филитов А.М. Как начиналась «холодная война» // Советская внешняя политика в годы «холодной войны». С.55–56.

«ХОЛОДНАЯ» ВОЙНА ЗАРОЖДАЛАСЬ В ВОЙНЕ «ГОРЯЧЕЙ»

сползания к «холодной войне» «не был прямым и гладким». Это, действительно, «была ломаная, извилистая линия, в дипломатии обеих сторон имелись элементы и конфронтации, и компромиссности, хотя первые явно превалировали. Это была "атомная дипломатия", но не в смысле, что речь всегда и при всех обстоятельствах шла об "атомном шантаже" и жестком противостоянии ему, а в том, что атомный фактор, постоянно присутствуя в ней, определяющим образом влиял на межгосударственные отношения»¹³.

Вместе с тем, как представляется, жесткая увязка «момента начала» «холодной войны» с появлением атомного оружия является недостаточно убедительной. И уж совершенно невозможно по данному критерию определить «момент окончания» этой войны: сегодня она, по достаточно распространенному мнению, завершилась, а ядерное противостояние продолжается и становится все менее управляемым.

Говорят и об объективных факторах – появлении социализма, победе СССР в войне с Германией и создании социалистической системы в результате Второй мировой войны, с чем не могли смириться западные демократии. Ведут речь и о личностном факторе, дескать, «дальновидный Рузвельт рано умер», а «диктатор Сталин слишком долго жил», и непомерным амбициям последнего некому было противостоять. Результат – «холодная война»¹⁴.

Очевидно, однако, что истоки «холодной войны» в ее наиболее общем понимании как способа жизни мирового сообщества с рубежа Второй мировой войны следует искать во вполне объективных событиях, в реалиях последней мировой войны, особенно ее завершающего этапа, в том, как формировались и каковыми сложились итоги этой войны¹⁵. И если уж увязывать начало «холодной войны» с какой-то «злой личностью», то, скорее всего, на эту роль, действительно, более всего претендует У.Черчилль; но начал он ее играть задолго до выступления со своей знаменитой, уже упоминавшейся речью.

¹³ Там же. С.59.

¹⁴ Такая «концепция» выдвигалась одним западным ученым на конференции по проблемам «холодной войны» в Москве в январе 1993 г. (См.: Информационные войны ... С.19).

¹⁵ Подтверждение этого тезиса имеется в статье С.Ю.Шенина («Холодная война в Азии: парадоксы советско-американской конфронтации (1945–1950 гг.)», опубликованной в седьмом номере за 1994 г. журнала «США: экономика, политика, идеология»), который пишет, что «корни конфронтации» уходят в заключительный этап Второй мировой войны.

**КТО И КАК ИНИЦИИРОВАЛ
«ХОЛОДНУЮ ВОЙНУ»**

Предпосылки «холодной войны» зрели в горниле «горячей» Второй мировой войны, причем с первых месяцев создания «альянса странных сожителей» – антигитлеровской

коалиции в составе СССР, США и Великобритании. Коалиции, сыгравшей выдающуюся роль в достижении общей победы во Второй мировой войне. Ситуация складывалась постепенно.

Ключевым вопросом для западных союзников был вопрос о степени необходимости и глубины сотрудничества с Советским Союзом. Даже после того, как в июне 1942 г. Красная армия сорвала гитлеровский план блицкрига и союзники приняли решение об открытии второго фронта высадкой американско-английского десанта в том же году во Франции через Ла-Манш, реализация этого решения сразу же стала затягиваться. Одна из причин отказа от данного Москве обещания была связана с последовавшей нестабильностью на советско-германском фронте, его откатом к Волге и Северному Кавказу и активизацией в Англии и США сил, готовых реанимировать стратегический расчет на войну между СССР и Германией на истощение¹⁶. Последнее обеспечивало воплощение доктрины, в соответствии с которой именно «ангლოსаксы должны управлять миром»¹⁷.

Миссия – возглавить объединенную Европу против России – была «голубой мечтой» У.Черчилля, одновременно понимавшего спасительную для Великобритании и многих других стран роль СССР в борьбе с фашизмом и страшно боявшегося повышения этой роли. В секретном меморандуме в октябре 1942 г. Черчилль заявил: «Все мои помыслы обращены, прежде всего, к Европе... произошла бы страшная катастрофа, если бы русское варварство уничтожило культуру и независимость древних европейских государств. Хотя и трудно говорить об этом сейчас, я верю, что европейская семья наций сможет действовать единым фронтом, как единое целое... Я обращаю свои взоры к единой Европе»¹⁸. Советский Союз в эту единую Европу Черчилль не включал.

¹⁶ *Time*. 1943. July 5. P.3–5.

¹⁷ См.: Мальков В.Л. *Путь к имперству: Америка в первой половине XX века*. М., 2004. С.378–380.

¹⁸ Цит. по: Четверикова О. *Объединенная Европа против «русского варварства»*. К 70-летию начала Великой Отечественной войны // Интернет-портал «История и культура». 2011. 21 июня.

«ХОЛОДНАЯ» ВОЙНА ЗАРОЖДАЛАСЬ В ВОЙНЕ «ГОРЯЧЕЙ»

Однако «холодность» в политике западных держав по отношению к СССР стала проявляться и после новых, а в последующем и необратимых успехов Советского Союза в борьбе с немецким агрессором, причем тем активнее, чем эти успехи были весомее. Постепенно это вело к развитию кризиса антифашистской коалиции.

Первые признаки кризиса коалиции проявились уже в 1943 году. Произошел коренной перелом в войне с Германией в результате битв за Сталинград и Кавказ, состоялась Курская битва, советские войска после битвы на Днепре вышли к довоенным границам Советского Союза. Ни у кого уже не было сомнения в том, что СССР один может изгнать врага со всей территории Восточной Европы – своей и соседних государств – и разгромить нацистского зверя в собственном логове, лишив могучие союзные державы, США и Великобританию, славы победителей.

Подобная перспектива развития ситуации стала очевидной в канун работы Тегеранской конференции руководителей трех союзных держав в конце ноября – начале декабря 1943 года, и она весьма беспокоила союзников СССР. Следствием этой обеспокоенности следует признать принятие в дни работы конференции долгое время откладывавшегося «окончательного» решения США и Англии все же открыть весной 1944 года второй фронт¹⁹ (фактически открыт 6 июня 1944 года).

По мере того, как возможность освобождения Красной армией стран Центральной и Юго-Восточной Европы становилась реальнее и приближалось время вступления СССР в войну с Японией, в стратегических концепциях правящих кругов западных союзников (в первую очередь, Великобритании) на передний план все более стали выдвигаться антисоветские мотивы, боязнь допустить ослабление позиций капитализма и укрепление влияния социализма в мире. Парадоксом, однако, являлось то, что обеспечить сдерживающие, антисоветские, по сути, действия можно было только на пути расширения военного сотрудничества с СССР, наращивания англо-американского военного вклада в систему общих усилий антигитлеровской коалиции в Европе. Именно поэтому и был в июне 1944 г. открыт второй фронт с целью не допустить распространения «красной опасности» (уже не только в виде идеологии, но и через присутствие солдата Красной армии с ружьем) на просторах Европы.

¹⁹ При том, что предыдущие обещания о его открытии так и не были выполнены ни в 1942-м, ни в 1943 году.

НА ВОСТОКЕ ЕВРАЗИИ

По той же причине и исходя из тех же антикоммунистических целей, в Каире, куда после Тегерана отправились Ф.Рузвельт и У.Черчилль для встречи с гоминьдановским лидером

Китая Чан Кайши, ими было решено, несмотря на настойчивые просьбы последнего, искусственно затормозить операции союзников на Азиатско-Тихоокеанском театре войны. Взять, к примеру, Бирму. Уже на рубеже 1943–1944 гг. японцы потеряли здесь стратегическую инициативу. Ф.Рузвельт поэтому поначалу не мог понять, почему же британцы, да и сами китайцы не хотели активизации здесь военных действий. «Ларчик», однако, открывался просто. Об этом с генеральской прямотой сказал американцам начальник британского имперского генерального штаба А.Брук, который заявил, что быстрое изгнание японцев из Бирмы может «превратить ее в огромный вакуум», а это «шло вразрез с основными политическими и стратегическими установками правительства Великобритании»²⁰.

Что же это мог быть за «вакуум» и чем же он так пугал Британскую империю? А дело заключалось в том, что сразу же после освобождения Бирмы перед английским правительством неминуемо должна была возникнуть сложная политическая проблема – как быть с этой отобранной японцами британской колонией? Предоставлять ей независимость, тем более выпускать ее из объятий капиталистической системы, в планы Лондона не входило. Но и оставлять ее на довоенном колониальном положении было невозможно, ибо это грозило разоблачением политики английских колонизаторов, способствовало бы росту национально-освободительного движения и в Бирме, и в Индии, и в других странах Южной и Восточной Азии, где рос авторитет «коммунистического» Советского Союза. Вместе с тем англичане боялись и распространения на Бирму контроля США и гоминьдановского Китая. Последний, в свою очередь, опасался, что усиление борьбы на китайско-бирманской границе ослабит натиск японцев против коммунистических сил Китая, а значит, усилит их борьбу против антикоммунистически настроенного Гоминьдана. Вот почему в то время, несмотря на благоприятные условия и перевес сил, ни в Бирме, ни в Китае, ни на Тихоокеанском театре воен-

²⁰ См. об этом подробнее: Зимонин В.П. *Канун и финал Второй мировой: Советский Союз и принуждение дальневосточного агрессора к миру. Историкографический анализ.* М., 2010. С.96.

ных действий²¹ до осени 1944 года союзники не предприняли ни одной стратегической операции²².

События первых месяцев 1945 года и главное из них – конференция союзников в Ялте (февраль), где речь шла о завершении войны против Германии, перспективах окончания войны против Японии и о послевоенном устройстве мира, – еще более усложнили ситуацию. Здесь вплотную встал вопрос о вступлении Советского Союза в войну против Японии.

Следует отметить, что британскую делегацию вопросы войны на Тихом океане и теперь волновали гораздо меньше, чем американскую. «Дальний Восток не играл никакой роли в наших официальных переговорах в Ялте», – отмечал У.Черчилль в своих мемуарах²³. Однако британский премьер острее, чем заокеанский президент Ф.Рузвельт, чувствовал рост авторитета и влияния Советского Союза в мире, особенно в Евразии. И очень опасался его дальнейшего усиления, что неминуемо должно было, по мысли У.Черчилля, привести к трениям между ведущими державами мира после войны. В откровенной беседе вечером 8 февраля с И.В.Сталиным, характеризуя уровень сотрудничества союзных держав, У.Черчилль сказал: «...Мы понимаем, что достигли вершины холма, и перед нами простирается открытая местность. Не будем преуменьшать трудности. В прошлом народы, товарищи по оружию, лет через пять – десять после войны расходились в разные стороны»²⁴. Уже тогда У.Черчилль готовился к такому разводу. Однако и США, и Англия вынуждены были снова просить СССР о его вступлении в войну против Японии, заранее зная о негативных для них политических последствиях: дружного пути у них в связи с отсутствием достаточных сил не было.

Военные эксперты США были уверены, что война на Тихом океане продлится еще, как минимум, 18 месяцев после полной капитуляции Германии, даже если участие в ней СССР будет широкомасштабным. Без участия же Советского Союза в главных сражениях на континенте эта война могла длиться неопределенное время и унести около 10 млн. жизней японцев и, что особенно волновало Вашингтон и Лондон, не менее 1,5 млн. жизней воинов союзных армий²⁵.

²¹ В случае ускорения событий, ситуация, аналогичная той, что боялись британцы, могла сложиться, например, в бывшей американской колонии – Филиппинах.

²² См.: Информационные войны... С.22–23.

²³ Churchill W. *The Second World War: Triumph and Tragedy*. N.Y., 1974. Vol.6. P.333.

²⁴ *Ibid.* P.310.

²⁵ Ялта. 1945 год: Проблемы войны и мира. М., 1992. С.67.

ЗЕРНА НЕДОВЕРИЯ

Первые зерна недоверия, однако, были брошены нашими союзниками еще в ходе войны против основного врага – Германии, врага, против которого лидеры Большой Тройки

обязались вести совместно бескомпромиссную борьбу. Успехи Советского Союза в этой борьбе, выход войск Красной армии за пределы его территории с освободительной миссией пугали Вашингтон и Лондон.

В число акций, направленных на снижение темпов наступления советских войск, входит операция американской и британской разведок по дезинформации советского руководства о планах военного командования Германии, что было особенно показательно и неприятно в период завершающей кампании 1945 г. Именно на советско-германском фронте происходили главные сражения конца зимы и весны того года, и, конечно же, советское командование было заинтересовано в объективных данных. Однако Москва получила откровенную согласованную дезинформацию через официальных представителей США и Англии. Имеются в виду сведения, переданные 12 февраля 1945 года в советский Генеральный штаб представителем английской военной миссии полковником Бринкманом, которые 20 февраля по указанию генерала Дж.Маршалла были подтверждены военным представителем США в Москве бригадным генералом Дж.Дином. Речь шла о том, что основная группировка немецких войск, включавшая выведенную из Арденн 6-ую танковую армию (ТА) СС, была сосредоточена в Померании для удара на Торн и в районе Вена, Моравска Острава – для наступления в направлении на Лодзь. Информация не соответствовала действительности и, очевидно, была нацелена на снижение темпов советского наступления в направлении Берлина. Это было своевременно обнаружено советской разведкой, имевшей доступ к ее источникам в Лондоне. Фактически упомянутая группировка была нацелена Гитлером для контрнаступления в Венгрии в районе озера Балатон. Если бы советская разведка не перепроверила полученную от союзников информацию, последствия для действий советских войск были бы серьезными.

В письме от 30 марта 1945 г. Дж.Дину начальник Генерального штаба генерал армии А.И.Антонов дал оценку сведениям, переданным Бринкманом и Дином: «Боевые действия на Восточном фронте в течение марта месяца не подтвердили данную информацию, ибо бои эти показали, что основная группировка немецких войск, включавшая 6-ю танковую армию СС, была сосредоточена не в Померании и не в районе

Моравска Острава, а в районе озера Балатон, откуда немцы вели наступление с целью выйти к Дунаю и форсировать его южнее Будапешта.

Этот факт показывает, что информация, которой пользовался генерал Маршалл, не соответствовала действительному ходу событий на Восточном фронте в марте месяце. Не исключена возможность, что некоторые источники этой информации имели своей целью дезориентировать как англо-американское (в то время еще не было точно известно о подложном характере информации союзников. – *Прим. ред.*), так и советское командование и отвлечь внимание советского командования от того района, где готовилась немцами основная наступательная операция на Восточном фронте... Это сообщение я считал своим долгом довести до сведения генерала Маршалла исключительно для того, чтобы он мог сделать соответствующие выводы в отношении источника этой информации»²⁶.

Вероятно, и полковник Бринкман, и американский генерал Дин, подтвердивший данные английского полковника, стали, по мнению историка военной разведки В.И.Лоты, разменной картой в большой политической игре, которая тайно велась американской и английской разведками весной 1945 г.

Какие замыслы были сорваны в результате активных и успешных действий советской военной разведки на завершающем этапе Второй мировой войны в Венгрии? – задается вопросом В.И.Лота. Следует с ним согласиться в том, что «в случае внезапного появления 6-й ТА СС в районе озера Балатон судьба 3-го Украинского фронта была бы незавидной. В тяжелых боях силы южного фланга советского фронта были бы обескровлены. Гитлер мог бы добиться временного успеха. Возможно, этот успех был бы промежуточным шагом в более серьезном стратегическом замысле США и Англии на завершающем этапе войны в Европе»²⁷.

А такие замыслы у союзников, и в первую очередь у У.Черчилля, очевидно, были.

Показательным в этом отношении является проведение после поражения гитлеровцев под Сталинградом тайных американо-британских консультаций с представителями немецких финансово-промышленных кругов о предотвращении доминирующего влияния СССР в Европе

²⁶ Цит. по: Лота В.И. ГРУ. Испытание войной. Военная разведка России накануне и в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М., 2010. С.583–584.

²⁷ Там же. С.584–585.

после войны, а также о политическом будущем Германии²⁸. Тайные дипломатические интриги правительств США и Англии активно велись в 1943 году и с представителями Италии, Болгарии, Турции и Финляндии. В ходе контактов начали обсуждаться перспективы обустройства Европы после окончания Второй мировой войны. Представители СССР к таким переговорам не привлекались и об их ходе и результатах не информировались²⁹. В то время советское руководство, зная о таких контактах от разведки, не стало высказывать союзникам свои опасения по этому поводу.

Однако инцидент с переговорами англо-американской стороны с немцами в Швейцарии за спиной Советского Союза в марте 1945 г., также немедленно ставший известным советской разведке, не мог остаться без реакции со стороны руководителей СССР. В Вашингтоне и Лондоне пытались представить проводившиеся в Берне переговоры главы резидентуры американского Управления стратегических служб А. Даллеса с высокопоставленным нацистским генералом СС К. Вольфом «попыткой проверить полномочия генерала Вольфа». Однако В. М. Молотов 22 марта заявил, что во всем этом «Советское правительство усматривает не какое-либо недоразумение, а нечто худшее»³⁰.

3 апреля 1945 г. телеграмму от И. В. Сталина получил американский президент Ф. Рузвельт. В словах Сталина слышались нотки горечи и обиды, но он был крайне жестким в своих выводах:

«Получил Ваше послание по вопросу о переговорах в Берне.

Вы совершенно правы, что в связи с историей о переговорах англо-американского командования с немецким командованием где-то в Берне или в другом месте "создалась теперь атмосфера достойных сожаления опасений и недоверия".

Вы утверждаете, что никаких переговоров не было еще. Надо полагать, что Вас не информировали полностью. Что касается моих военных коллег, то они, на основании имеющихся у них данных, не сомневаются в том, что переговоры были и они закончились соглашением с немцами, в силу которого немецкий командующий на западном фронте маршал Кессельринг согласился открыть фронт и пропустить на восток англо-американские войска, а англо-американцы обещались за это облегчить для немцев условия перемирия.

²⁸ См. об этом подробнее: Там же. С.356; Мальков В.Л. Указ. соч. С.383–387.

²⁹ См.: Лота В.И. Указ. соч. С.359.

³⁰ Цит. по: Лавренов С.Я., Попов И.М. Крах Третьего рейха. М., 2000. С.509.

Я думаю, что мои коллеги близки к истине. В противном случае был бы непонятен тот факт, что англо-американцы отказались допустить в Берн представителей Советского командования для участия в переговорах с немцами.

Мне непонятно также молчание англичан, которые предоставили Вам вести переписку со мной по этому неприятному вопросу, а сами продолжают молчать, хотя известно, что инициатива во всей этой истории с переговорами в Берне принадлежит англичанам.

Я понимаю, что известные плюсы для англо-американских войск имеются в результате этих сепаратных переговоров в Берне или где-то в другом месте, поскольку англо-американские войска получают возможность продвигаться в глубь Германии почти без всякого сопротивления со стороны немцев, но почему надо было скрывать это от русских и почему не предупредили об этом своих союзников – русских?

И вот получается, что в данную минуту немцы на западном фронте на деле прекратили войну против Англии и Америки. Вместе с тем немцы продолжают войну с Россией – с союзницей Англии и США.

Понятно, что такая ситуация никак не может служить делу сохранения и укрепления доверия между нашими странами.

Я уже писал Вам в предыдущем послании и считаю нужным повторить здесь, что я лично и мои коллеги ни в коем случае не пошли бы на такой рискованный шаг, сознавая, что минутная выгода, какая бы она ни была, бледнеет перед принципиальной выгодой по сохранению и укреплению доверия между союзниками...»³¹.

В ответном послании от 5 апреля 1945 года Ф.Рузвельт попытался убедить Сталина, что в Швейцарии никаких переговоров не происходило. Президент утверждал, в частности, что имевшиеся у Сталина «об этом сведения, должно быть, исходят из германских источников, которые упорно старались вызвать разлад между нами с тем, чтобы в какой-то мере избежать ответственности за совершенные ими военные преступления. Если таковой была цель Вольфа, то Ваше послание доказывает, что он добился некоторого успеха»³².

Сталину пришлось направить американскому президенту еще одно послание, в котором он, используя данные Главного разведывательного

³¹ Цит. по: *Переписка Председателя Совета министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны, 1941–1945 гг.* 2-е изд. М., 1989. Т.2. С.219–220.

³² Цит. по: Там же. С.221.

управления, сообщал: «Трудно согласиться, что отсутствие сопротивления со стороны немцев на западном фронте объясняется лишь тем, что они оказались разбитыми. У немцев имеется на восточном фронте 147 дивизий. Они могли бы без ущерба для своего дела снять с восточного фронта 15–20 дивизий и перебросить их на помощь своим войскам на западном фронте. Однако немцы этого не сделали и не делают. Они продолжают с остервенением драться с русскими за какую-то малоизвестную станцию Земляницу в Чехословакии, которая им столько же нужна, как мертвому припарки, но без всякого сопротивления сдают такие важные города в центре Германии, как Оснабрюк, Мангейм, Кассель. Согласитесь, что такое поведение немцев является более чем странным и непонятным»³³.

Как и предполагал И.В.Сталин, английский премьер-министр был полностью информирован, очевидно, Ф.Рузвельтом, о содержании и направленности тайных контактов А.Даллеса с немецкими военными, что подтвердил после войны этот крупный деятель американской разведки, много сделавший для разжигания «холодной войны»³⁴.

В конечном счете, инцидент был смягчен, западные союзники заверили И.В.Сталина в искренности своих действий и намерений. Однако каждая из сторон осталась убежденной в правоте своих позиций.

Ситуация повторилась летом 1945 года, в период подготовки и проведения Потсдамской конференции союзников, одним из вопросов которой было согласование деталей вступления Советского Союза в войну против Японии. Единственной возможностью предотвратить участие СССР в войне, а значит, и ослабить его роль в решении проблем послевоенного устройства в Азиатско-Тихоокеанском регионе было склонение Японии к капитуляции без развертывания масштабных военных действий на сухопутных ТВД и в Японской метрополии.

Однако отчаянная попытка склонить Японию к сепаратному миру за спиной Советского Союза³⁵, предпринятая в том же швейцарском Берне тем же А.Даллесом³⁶, не дала результата. Потсдамский ультиматум³⁷ был

³³ *Цит. по: Там же. С.222.*

³⁴ *См. об этом подробнее: Лота В.И. Указ. соч. С.624–626.*

³⁵ *Москва, будучи верной союзническим решениям добиться от Японии только безоговорочной капитуляции, не пошла на переговоры с бывшим японским премьер-министром Ф.Коноэ.*

³⁶ *А.Даллес прибыл в Потсдам 20 июля с целью сообщить президенту о своих контактах с японцами на предмет капитуляции их страны (См.: Мальков В.Л. Указ. соч. С.545).*

³⁷ *Подписанная 26 июля 1945 г. лидерами США, Великобритании и Китая Потсдамская декларация, призывающая Японию к капитуляции, также была разработана за спиной*

«ХОЛОДНАЯ» ВОЙНА ЗАРОЖДАЛАСЬ В ВОЙНЕ «ГОРЯЧЕЙ»

отклонен японским правительством. Этот ультиматум, по мнению В.Л.Малькова, «был адресован не только Токио, но фактически и Москве – как последнее предупреждение». Не привело к немедленной капитуляции Японии и применение разработанных втайне от СССР атомных бомб против японских городов Хиросима и Нагасаки. «Одной рукой подписывая в Потсдаме разного рода соглашения, а другой открывая зеленую улицу для сепаратных действий в области производства новейшего наступательного оружия массового уничтожения, – считает В.Л.Мальков, – и США, и СССР стремительно приближались к той черте, за которой последовало быстрое окостенение межгосударственных отношений и общественных связей, наступил период дипломатической зимы и военной тревоги»³⁸.

Итак, не успели отгреметь последние залпы мировой войны в Европе, как мир начал постепенно скатываться в «окопы» новой, на этот раз – «холодной войны». Военно-политическое руководство стран-союзниц по антигитлеровской коалиции (переросшей – после разгрома Германии по мере расширения операций на Азиатско-Тихоокеанском театре и с учетом участия Советского Союза в войне против дальневосточного агрессора – в широкую антифашистскую коалицию³⁹) в рамках своих военных ведомств начало подготовку к послевоенному противостоянию. Классовые и геополитические противоречия между Востоком и Западом выходили на первый план, холод недоверия опускался на Европу и мир в целом.

СТОЯ НА «ВЕРШИНЕ ХОЛМА»

После завершения разгрома Германии, по мере приближения окончания войны против Японии и в целом Второй мировой войны, проблемы взаимоотношений между ведущими державами антифашистской коалиции стали еще более обостряться. При этом решающий толчок к развертыванию масштабной «холодной войны» был дан именно в дни ликования по поводу совместной победы союзников над нацистской Германией. Эта победа привела к кардинальным изменениям в мировой военно-политической ситуации, свя-

СССР.

³⁸ *Цит. по: Мальков В. Указ. соч. С.546; 545.*

³⁹ *В коалиции с США, Великобританией и СССР взаимодействовали Китай, Индия, Австралия и ряд других стран.*

занным с резким повышением международного авторитета Советского Союза и его влияния на судьбы народов, в первую очередь Европы. Это понимали и не хотели мириться с этим в стане его бывших союзников в борьбе с общим врагом. Это отлично понимал и не мог не исходить из этого в своей политике в Восточной Европе И.В.Сталин. Он также прекрасно отдавал себе отчет в том, что с победой над Германией связующие нити в рамках Большой Тройки в отсутствие общего врага рано или поздно исчезнут, хотя бы этого лидеры или нет. Победа над Германией стала тем рубежом («холмом», по словам У.Черчилля), стоя на котором западные державы решали для себя: а отвечает ли сложившийся в годы Второй мировой войны союз послевоенным реалиям? Тем временем ряды сторонников ухудшения отношений с СССР на Западе росли.

Вот как видел ситуацию в тот переломный момент истории британский лидер: «Уничтожение военной мощи Германии повлекло за собой коренное изменение отношений между коммунистической Россией и западными демократиями. Они потеряли своего общего врага, война против которого была почти единственным звеном, связывавшим их союз. Отныне русский империализм и коммунистическая доктрина не видели и не ставили предела своему продвижению и стремлению к окончательному господству». Главными среди «решающих практических вопросов стратегии и политики» Великобритании и США в этой новой ситуации У.Черчилль видел следующие:

«Во-первых, Советская Россия стала смертельной угрозой для свободного мира; во-вторых, надо немедленно создать новый фронт против ее стремительного продвижения...»⁴⁰.

12 мая 1945 г., спустя всего лишь несколько дней после торжеств по случаю подписания Акта о капитуляции немецких войск, У.Черчилль направил новому президенту США Г.Трумэну жесткую антисоветскую телеграмму. Характерен и комментарий самого Черчилля по поводу этого послания американскому президенту: «В эти дни я направил президенту Трумэну телеграмму, если можно так выразиться, телеграмму "железного занавеса". Из всех государственных документов, написанных мною по этому вопросу, я предпочел бы, чтобы обо мне судили именно на основании этого послания». Ниже приводится часть текста этой телеграммы.

«...3. Железный занавес опускается над их (советских дивизий. – *Прим. ред.*) фронтом. Мы не знаем, что делается позади него. Можно

⁴⁰ Churchill W. *Op. cit.* Vol.6. P.391.

почти не сомневаться в том, что весь район восточнее линии Любек, Триест, Корфу будет в скором времени полностью в их руках. К этому нужно добавить простирающийся дальше огромный район, завоеванный американскими армиями между Эйзенахом и Эльбой, который, как я полагаю, будет через несколько недель – когда американцы отступят – оккупирован русскими силами. Генералу Эйзенхауэру придется принять все возможные меры для того, чтобы предотвратить новое бегство огромных масс германского населения на Запад при этом гигантском продвижении москвитов в центр Европы. И тогда занавес снова опустится очень намного, если не целиком. И, таким образом, широкая полоса оккупированной русскими территории протяжением во много сот миль отрежет нас от Польши.

4. Тем временем внимание наших народов будет отвлечено навязыванием сурового обращения с Германией, которая разорена и повержена, и в весьма скором времени перед русскими откроется дорога для продвижения, если им это будет угодно, к водам Северного моря и Атлантического океана.

5. Безусловно, сейчас жизненно важно прийти к соглашению с Россией или выяснить наши с ней отношения, прежде чем мы смертельно ослабим свои армии или уйдем в свои зоны оккупации. Это может быть сделано только путем личной встречи. Я буду чрезвычайно благодарен Вам за высказанное Вами мнение и совет. Конечно, мы можем прийти к мнению, что Россия будет вести себя безупречно, и это, несомненно, наиболее удобный выход. Короче говоря, с моей точки зрения, проблема урегулирования с Россией прежде, чем наша сила исчезнет, затмевает все остальные проблемы»⁴¹.

Подобные настроения активно проявлялись и в Соединенных Штатах. В американском посольстве и в военной миссии США в Москве посол А.Гарриман и глава миссии генерал Дж.Дин развернули в марте и особенно после смерти 12 апреля 1945 г. президента США Ф.Рузвельта кампанию по разрушению рузвельтовской политики сотрудничества с СССР. Как свидетельствует американская исследовательница, в серии посланий, наводнивших в начале апреля Вашингтон, эти два американских представителя, непосредственно отвечавшие за поддержание контактов с Москвой, пытались убедить политическое и военное руководство США в наличии грозящей Соединенным Штатам советской опас-

⁴¹ Цит. по: *Ibid.* P.513–514.

ности и склонить его к существенному пересмотру политики в отношении СССР⁴².

Следует сказать, что при жизни президента Ф.Рузвельта это сделать было практически невозможно. Однако уже 17 апреля, спустя 5 дней после его кончины, Объединенный комитет начальников штабов направил в качестве рекомендованного к исполнению документ (подготовленный днем раньше генералом Дином) за №1313, под названием «Пересмотр политики в отношении России». В пункте 1 (всего было восемь пунктов) говорилось о том, что США помогли «спасти Россию от поражения» и затем «позволили ей нанести сокрушительные удары по врагу». С успехом этой политики «возникло новое и серьезное положение. Мы имеем дело не только с Россией, которая одержала победу над Германией, но и с тем государством, которое так уверено в своих силах, что может занять линию доминирующего поведения по отношению к своим союзникам». В пункте 5 констатировалось, что «военное сотрудничество с Советским Союзом не является важным для США», а в следующем пункте этого документа содержался призыв к отказу от всех не являвшихся необходимыми для США направлений сотрудничества с Советским Союзом⁴³.

Однако курс на пересмотр отношений с СССР еще не был одобрен новым президентом США Г.Трумэном. Несмотря на явно настороженное отношение к СССР, его все же сдерживала в стремлении снизить уровень отношений со Страной Советов перспектива затяжной и кровопролитной войны против Японии. Эта нерешительность весьма беспокоила главу правительства Англии. Настолько беспокоила, что он не преминул обратить на это внимание американского президента в своей записке (от 27 мая 1945 г.) «Замечания премьер-министра по поводу послания Дэвиса» (о концепции послевоенного мира. – *Прим. ред.*). В пункте 5 этого документа У.Черчилль записал: «Следует помнить, что Англия и Соединенные Штаты объединены общей идеологией, а именно – свободой и принципами, изложенными в американской конституции, которые с учетом современных изменений были скромно воспроизведены в Атлантической хартии. Советское правительство придержи-

⁴² См.: Клеменс Д. *На пути к «холодной войне»: роль Гарримана, Дина и объединенного комитета начальников штабов в свертывании сотрудничества с Советским Союзом в апреле 1945 года // Ялта. 1945 год: Проблемы войны и мира. С.56.*

⁴³ *Revision of Policy with Relations to Russia. JCS 1313. April 16 // JCS. P.1. USSR. Reel 1. 0179-0181 for the first five points; Decision on JCS 1313 // Ibid. 0177.*

«ХОЛОДНАЯ» ВОЙНА ЗАРОЖДАЛАСЬ В ВОЙНЕ «ГОРЯЧЕЙ»

вается иной философии, а именно – коммунизма, в полной мере использует методы полицейского правления, применяемые им во всех государствах, которые пали жертвой его освободительных объятий. Премьер-министру (Черчилль говорит о себе в третьем лице. – *Прим. ред.*) трудно согласиться с мыслью, будто тезис Соединенных Штатов гласит, что Англия и Советская Россия – это просто две иностранные державы, ничем не отличающиеся друг от друга, с которыми приходится улаживать все неприятности закончившейся войны. Если не считать только степени силы, то между добром и злом равенства не существует. Великие дела и принципы, во имя которых страдали и победили Англия и Соединенные Штаты, – это не просто проблема соотношения сил. С ними по существу связано спасение всего мира»⁴⁴.

«Спасение мира» британский премьер видел, к сожалению, не в продолжении сотрудничества или хотя бы поиске компромиссов с «коммунистической Россией», а в противопоставлении «добра и зла». При этом преднамеренно или нет, но им было предано забвению то, что наряду с Англией и Соединенными Штатами во имя «великих дел и принципов» точно так же «страдал и побеждал» Советский Союз. Когда перед Британской империей стояла смертельная гитлеровская угроза, оказывается, можно было мириться со «злом» и принимать от народа, якобы олицетворявшего это «зло», жертвы во имя «великих дел и принципов». Когда же эта угроза исчезла, в силу иных принципов и иных подходов к оценке союзников, на первый план выдвинулся политический, классовый эгоизм, идеологическая нетерпимость, что повело бывших союзников по тропе взаимной ненависти, по тропе «холодной войны».

(Окончание следует)

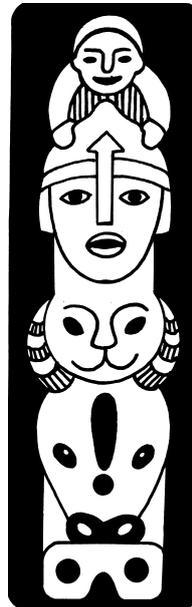
⁴⁴ Churchill W. *Op. cit.* Vol.6. P.494–495.

Функционер – очень емкое слово. Занимая официальную должность, ты становишься человеком функции. Вырваться за диктуемые ею пределы невозможно без губительного скандала. Функция подавляет тебя. В угоду функции твои представления незаметно искажаются. И ты уже не принадлежишь себе.

Сергей Довлатов

Нация, которая относится к другой нации с привычной ненавистью или привычными добрыми чувствами, в определенной степени является рабом. Такая нация – раб своей враждебности или своих добрых чувств, любого из двух достаточно, чтобы увести ее от своего долга и интересов.

Джордж Вашингтон





Геннадий Костырченко

**КАРЬЕРНЫЕ
СТРАДАНИЯ
МОЛОДОГО
АНДРОПОВА:**

**КАК ОН «ОТМЫВАЛ»
СВОЕ ПРОШЛОЕ**

ЯРЛЫКИ И МИФЫ

УДК
929

Gennady Kostyrchenko, a prominent historian, challenges the authenticity of the official biography of Yuri Vladimirovich Andropov who was in charge of the KGB for many years and by the end of his life became a head of the USSR and the CPSU for a short period. Having scrupulously examined numerous historical evidence and documents, including documents from the state archive collections the author demonstrates in detail how this prominent political leader “corrected” his own personal data for the sake of a successful career and concealed his true social background that could be dangerous at those times. Andropov carried out this first special operation on creation of his own legend so neatly and fundamentally that it is still impossible to reveal his real past to the very end. It remains just to speculate about his real parents, his ethnic origin, and place of his birth.

Ключевые слова: Юрий Андропов; биография; семья; родители; место рождения; происхождение; немцы; евреи; образование; комсомол; женитьба; карьера; Москва; Рыбинск; Ярославль; Северный Кавказ; Карелия.

Key words: Yuri Andropov; biography; family; parents; place of birth; origin; Germans; Jews; education; the Young Communist League; marriage; career; Moscow; Rybinsk; Yaroslavl; Northern Caucasus; Karelia.

E-mail: genkost@mail.ru

КАРЬЕРНЫЕ СТРАДАНИЯ МОЛОДОГО АНДРОПОВА

*Да, все мы смертны, хоть не по нутру
Мне эта истина, страшней которой нету.
Но в час положенный и я, как все, умру,
И память обо мне сотрет святая Лета.*

Юрий Андропов

«ПРОКЛЯТАЯ БИОГРАФИЯ»

Родившись за три года до Октябрьской революции, Юрий Владимирович Андропов начинал формироваться как политик в период «большого террора», когда волна обильных аппаратных кровопусканий стремительно возносила наверх многих таких же, как и он, провинциальных низовых комсомольских функционеров. Пожалуй, одним из первых его существенных достижений в этой карьерной возгонке стало пришедшееся на декабрь 1938 года выдвижение на пост первого секретаря Ярославского обкома ВЛКСМ. Правда, сама процедура избрания неожиданно осложнилась из-за скандальной ситуации, возникшей накануне IV отчетно-выборного пленума комсомольского обкома, долженствовавшего, как планировалось сверху, поддержать кандидатуру Андропова. Конкретно сыр-бор разгорелся потому, что тот, кому он шел на смену (некто Попков), решил побороться за свою должность, видимо, не желая расставаться с нею просто так. С этой целью он встретился с прибывшей в Ярославль Капустиной (инструктором ЦК ВЛКСМ, куратором) и доверительно сообщил ей о том, что еще при приеме Андропова в мае 1937 года в кандидаты партии «поднимался вопрос» о подозрительном социальном происхождении его родителей: «якобы отец тов. Андропова был офицером царской армии, а мать происходила из купеческой семьи»¹.

¹ Цитируется по докладной записке Капустиной секретарю ЦК ВЛКСМ Г.П.Громову (Личный фонд Ю.В.Андропова. – Этой, использующейся здесь и далее, формулировкой обозначается тот комплекс архивной информации из практически засекреченного фонда Ю.В.Андропова в Российском государственном архиве новейшей истории, который стал частично доступен автору благодаря следующим публикациям: Бабиченко Д.Л. Легендарная личность // *Итоги.* 2005. 3 октября. №40 (486). URL: <http://www.itogi.ru/archive/2005/40/60618.html>; Млечин Л.М. Детство Юрия и другие тайны из жизни Председателя // *Совершенно секретно.* 2008. №5 (228). С.32–34; Его же. *Юрий Андропов. Последняя надежда режима.* М.: Центрполиграф, 2008; Рябой В. Молодой Юрий Андропов. URL: <http://www.wid-m-2002.ru/Celebs/Yuonng-Yuri-Andropov.htm>

Восприняв данный сигнал чрезвычайно серьезно, представительница центра немедленно начала тщательную проверку полученного компромата. Ознакомившись в партколлегии с партийным личным делом Андропова, Капустина учинила Андропову своего рода допрос. Беседа происходила в присутствии первого секретаря Ярославского обкома ВКП (б) А.И.Шахурина (1904–1975; с 1940 года нарком авиапромышленности) и второго секретаря обкома А.Н.Ларионова (1907–1960)².

Как Капустина затем проинформировала влиятельного второго секретаря ЦК ВЛКСМ (по кадрам) Григория Громова³, Андропов «категорически отрицал принадлежность отца к белой армии и происхождение матери из купеческой семьи»⁴.

Такой ответ показался Капустиной сомнительным. В противном случае она, присутствовавшая вскоре на упомянутом пленуме и непосредственно наблюдавшая, как благодаря поддержке регионального партийного начальства Андропов без каких-либо проблем «прошел» в первые секретари обкома ВЛКСМ, не продолжила бы потом своего расследования. Для точного установления социального происхождения отца Андропова, родившегося, по всей видимости, в Ростове-на-Дону (там жили и умерли его отец – инспектор реальных училищ и двое дядей), она отправила на Северный Кавказ работника Ярославского обкома комсомола Пуляева. Как и следовало ожидать, этот подчиненный Андропову молодой аппаратчик, чье командировочное задание состояло в опросе проживавших в Моздоке (Орджоникидзевский край⁵) родных и близких своего шефа, возвратившись обратно, полностью подтвердил правильность представленных тем анкетных данных.

[Интернет-публикация рыбинским историком-краеведом В.И.Рябым документов личного дела Ю.В.Андропова, ранее – до передачи в РГАНИ – хранившихся в Государственном архиве Ярославской области и скопированных в 1966–1971 годах Б.А.Ястребовым, тогдашним директором Рыбинского речного училища].

² Ларионов скандально погорел в 1960-м на дуте невыполнении мясо-молочного плана возглавлявшейся им Рязанской области.

³ «Наводить порядок» в комсомоле Г.П.Громов (1903–1973) был направлен с поста заместителя заведующего отделом руководящих партийных органов ЦК ВКП (б) после смещения и ареста (ноябрь 1938 г.) первого секретаря ЦК ВЛКСМ А.В.Косарева (1903–1939). В 1950–1952 годы Громов возглавлял ключевой в аппарате ЦК ВКП (б) административный отдел.

⁴ Личный фонд Ю.В.Андропова.

⁵ В январе 1943 года переименован в Ставропольский край.

КАРЬЕРНЫЕ СТРАДАНИЯ МОЛОДОГО АНДРОПОВА

В результате были признаны полностью достоверными чрезвычайно лапидарные, а местами неясные, если не сказать, путанные сведения Андропова об отце. Согласно им, Владимир Константинович Андропов происходил из донских казаков; получив среднее образование, учился какое-то время в Институте путей сообщения, откуда «был исключен за пьянство»; затем вдруг оказался на станции Нагутская Владикавказской железной дороги, исправляя сначала должность дежурного по станции, а потом и начальника. Здесь же, как утверждал Юрий Андропов, он и родился 2 (15) июня 1914 года⁶, а «в 1915 (или 16) году» отец вместе с семьей «переезжает на станцию Беслан (в двухстах верстах южнее Нагутской. – Г.К.), где работает ревизором (или контролером) движения»⁷ и где, не пережив революционного лихолетья, умер от сыпного тифа в 1919 году.

Если на основе известных фактов продолжить далее реконструкцию биографии Андропова, то выстраивается следующая канва событий. Овдовев, его мать, Евгения Карловна, в 1921 году вновь вступила в брак и тогда же родила второго ребенка – дочь Валентину. Новым главой семьи стал помощник паровозного машиниста Виктор Александрович Федоров, который, в отличие от первого мужа Евгении, оказался, судя

⁶ Факт появления Ю.В.Андропова на свет был впервые официально подтвержден только спустя восемнадцать лет, 17 марта 1932 года. Тогда, очевидно, с его слов Моздокский горсовет рабочих, крестьянских и казачьих депутатов Терского округа выписал ему «Свидетельство о рождении №68». В нем официально подтверждалось, что Андропов является обладателем двойного имени «Юрий-Григорий». Не исключено, что в таком не соответствовавшем русской традиции именованию проявилась немецкая протестантская культура, царившая в семье его матери (об этом ниже). «Рудименты» этого влияния прослеживаются и в двух других сохранившихся документах. Первый – выписанное ранее (26 июня 1931 г.) удостоверение, гласившее, что «предъявитель сего Андропов Григорий Владимирович... обучался с 1923 года по 1931 год в Моздокской фаб[рично]-зав[одской] семилетке и окончил полный курс в 1931 году». А второй – заявление «Андропова Юрия-Григория» от 22 марта 1932 года о приеме в Рыбинский речной техникум за подписью «Андропов Юрий». Анализ этих текстов позволяет предположить: будущий председатель КГБ СССР и генеральный секретарь ЦК КПСС сначала преимущественно именовался Григорием, но окончательный выбор сделал в пользу Юрия (Личный фонд Ю.В.Андропова).

⁷ В автобиографии от 28 января 1938 года Ю.В.Андропов утверждает, что его отец с 1916 года работал на станции Беслан помощником ревизора движения участка (Личный фонд Ю.В.Андропова).

по сохранившимся о нем сведениям, человеком достаточно позитивным, ответственным и непьющим. Заботясь о благосостоянии вновь обретенной семьи, он в 1923 году перевозит ее из Беслана в более крупный и экономически развитый Моздок. Одновременно отчим Андропова вынужден был бросить заочную учебу во владикавказском техникуме путей сообщения. В поисках лучшего заработка он сменил несколько мест работы, пока не устроился в железнодорожную фабрично-заводскую школу-семилетку, где вел уроки слесарного дела и черчения. Там же подвизалась преподавательницей музыки и Евгения. В этой же школе учился и ее сын Юрий-Григорий, который в тогдашних документах проходил как Андропов-Федоров.



Слева: в Моздокской семилетке. Справа: Юрий-Григорий Андропов-Федоров с семьей

И эта двойная фамилия нашего героя, и документально зафиксированные неоднократные (но тщетные) попытки Виктора Федорова наладить с Юрием личный контакт (резко оборвавшийся с отъездом последнего весной 1932 года на учебу в речной техникум в Рыбинск⁸) свидетельствуют о том, что отчим испытывал к пасынку почти родственную привязанность, переживая за его дальнейшую судьбу. Однако в ответ тот выказывал явную, если не сказать демонстративную, антипатию.

⁸ Сохранились заявления В.А.Федорова директору Рыбинского речного техникума от 13 августа 1933-го и 5 июля 1934 года, в которых высказывалась обеспоеченность полным отсутствием писем от Юрия Андропова и содержались просьбы сообщить его адрес и общую информацию об учебе (Личный фонд Ю.В.Андропова).

КАРЬЕРНЫЕ СТРАДАНИЯ МОЛОДОГО АНДРОПОВА

Еще находясь в Моздоке, Юрий Андропов сбежал из дома и только спустя два месяца был водворен обратно сотрудниками местного управления ОГПУ. Да и от второй, «приставной» фамилии Андропов постарался избавиться, как только уехал из Моздока. Потом он объяснял, что «в Рыбинск попал по незнанию географии – думал, что последний гораздо ближе к Северному Кавказу»⁹. Однако похоже, что на самом деле он так далеко уехал от много знавших о нем родных, друзей и знакомых только потому, что принял хорошо обдуманное решение раз и навсегда порвать со всеми, кто мог бы скомпрометировать его своим «буржуазным» прошлым и тем самым заказать ему «светлый путь» в советское номенклатурное будущее.

По сути, это была решительная попытка рано повзрослевшего молодого человека экзистенциально дистанцироваться, причем даже не столько от нелюбимого отчима, сколько от «непролетарского» происхождения матери. Но и после ее преждевременной кончины от туберкулеза в 1931 году это семейное проклятие еще долго тяготело над ним, грозя в любой момент разрушить его честолюбивые планы. Между тем в ту послереволюционную эпоху, когда вместе с бурной модернизацией страны на полную мощь заработали социальные лифты, настрой молодежи на самоутверждение в новой жизни и максимальные достижения во всех сферах (науке, технике, искусстве, власти и



Студент Рыбинского речного техникума. 1936 год

⁹ Цит. по: Млечин Л.М. *Детство Юрия и другие тайны Председателя*. С.32. – В действительности Андропов не был таким наивным, как потом, очевидно, хотел казаться. Прочитав о наборе студентов в «Комсомольской правде», он стал готовиться к поступлению в Рыбинский речной техникум очень серьезно и тщательно, собрав огромное количество справок и рекомендаций. При этом, конечно, вполне осознавал, что ему предстоит неблизкий путь до нового места учебы, что подтверждается следующей фразой из заявления, отправленного им почтой в Рыбинск в марте 1932 года: «Прошу ввиду дальнего расстояния точно сообщить то время, когда я должен буду прибыть в техникум» (Личный фонд Ю.В.Андропова).

т.п.) был главным веянием времени. Совершить стремительный карьерный взлет, претерпев ту кардинальную статусную метаморфозу, о которой бытовало едкое присловье «из грязи да в князи», тогда в России было проще, чем когда-либо прежде. Не воспользоваться такой соблазнительной, но вполне реальной возможностью самолюбивый и амбициозный Андропов не мог. Свое длинное восхождение вверх этот советский Жюльен Сорель начал со вступления в комсомол. Случилось это относительно поздно, в 1930 году, когда Андропову уже исполнилось шестнадцать лет и когда после предпринятого Сталиным «великого перелома» многим стало ясно, что реставрации капитализма не будет, а советская власть всерьез и надолго.

Именно тогда ему, видимо, впервые пришлось немало поволноваться, отвечая на вопросы о «классовом» происхождении матери. Не исключено, что карьерные соображения сыграли определенную роль и в первой женитьбе Андропова, состоявшейся в 1935 году. Думается, не случайно его избранницей оказалась однокашница Нина Ивановна Енгальчева – не просто симпатичная и приятная в общении девушка, но и отличница учебы, комсомольская активистка и капитан волейбольной команды техникума. Будто, как по заказу, она, в отличие от Андропова, имела безупречные анкетные данные, так обозначенные им в одной из служебных автобиографий: жена – «дочь рабочего, член ВЛКСМ, [ее] отец сапожник, счетовод... член ВКП (б)», который, как только потом уточнял Андропов, «сейчас управляющий Череповецким отделением Госбанка»¹⁰.



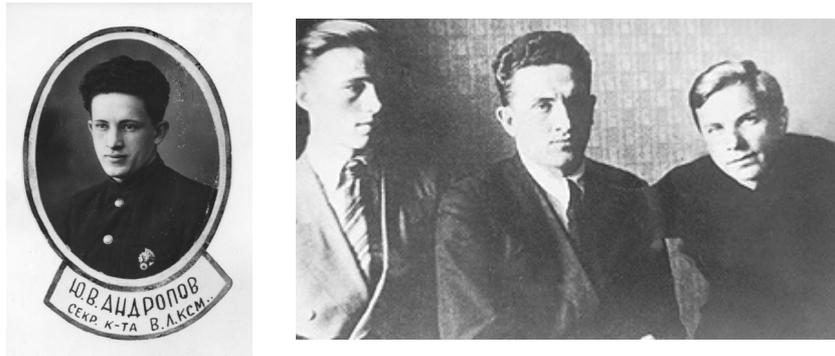
С первой женой Ниной Енгальчевой

Довольно высокое номенклатурно-материальное положение этого нового родственника, несомненно, стало важным для Андропова подспорьем в дальнейшем карьерном продвижении. Будучи еще в 1933 году избранным секретарем комитета комсомола Рыбинского речного техникума, он вскоре по его окончании был повышен в ноябре 1936-го до комсорга ЦК ВЛКСМ и направлен на городскую судостроительную верфь им. В.Володарского.

Довольно высокое номенклатурно-материальное положение этого нового родственника, несомненно, стало важным для Андропова подспорьем в дальнейшем карьерном продвижении. Будучи еще в 1933 году избранным секретарем комитета комсомола Рыбинского речного техникума, он вскоре по его окончании был повышен в ноябре 1936-го до комсорга ЦК ВЛКСМ и направлен на городскую судостроительную верфь им. В.Володарского.

¹⁰ Личный фонд Ю.В.Андропова.

КАРЬЕРНЫЕ СТРАДАНИЯ МОЛОДОГО АНДРОПОВА



Слева: На судовой им. В.Володарского.
Справа: Первый секретарь Ярославского обкома ВЛКСМ (в центре).

С началом «большого террора» на Андропова как из рога изобилия посыпались новые все более высокие должности и назначения: сентябрь 1937-го – завотделом пионеров и член бюро Рыбинского горкома комсомола; спустя две недели – завотделом учащейся молодежи Ярославского обкома комсомола; октябрь 1937-го – исполняющий обязанности третьего секретаря обкома (был кооптирован, скорей всего, вместо репрессированного предшественника!); и, наконец, декабрь 1938-го – описанное выше избрание первым секретарем Ярославского обкома ВЛКСМ.

Так что, возвращаясь к сюжету с ревизией инструктором ЦК ВЛКСМ Капустиной сведений о социальном происхождении Андропова, есть все основания полагать, что он, резко взбравшийся по карьерной лестнице вследствие благоволения областного партийного руководства, представлял собой довольно «крепкий орешек». Тем не менее Капустина, возвратившись в конце 1938 года в Москву, самолично занялась самым «острым» моментом в прошлом Андропова – прояснением слухов о его загадочной купеческой родне по линии матери Евгении Карловны, носившей, как оказалось, в девичестве фамилию Флекенштейн¹¹. Первым делом вездливая функционерка встретила с ее при-

¹¹ Флекенштейн Е.К. (1896–1931): годы жизни определены ориентировочно, так как в своих служебных автобиографиях Ю.В.Андропов точно не обозначил соответствующие

емной матерью, Евдокией Михайловной Флекенштейн, которая в основном подтвердила то, что об обстоятельствах своего рождения Юрий Андропов рассказал Капустиной еще в Ярославле, в присутствии Шахурина и Ларионова. Однако, разговоровшись, приемная бабушка Андропова поведала важной чиновнице еще и о том, как она и ее муж Карл Францевич Флекенштейн удочерили подброшенную им младенцем мать Юрия, Евгению¹². Евдокия Михайловна не стала также скрывать, что ее умерший в 1915 году супруг был выходцем из Финляндии и, торгуя часами и ювелирными изделиями, являлся купцом второй гильдии. Услышав такую пикантную подробность, Капустина не могла не насторожиться, поскольку она вразрез шла с тем, что Андропов ранее официально сообщал о Флекенштейне (был «часовых дел мастером» и «ремесленником»). Об этом своем открытии чиновница молодежного ведомства немедленно уведомила Г.П.Громова: «...тов. Андропов дал неправильные сведения о социальном происхождении своей матери. Считаю необходимым потребовать у тов. Андропова объяснение причин, побудивших его дать эти неверные сведения»¹³.

Громов, в свою очередь, сделал соответствующее внушение Ларионову, исполнявшему обязанности первого секретаря Ярославского обкома партии¹⁴. И тому не оставалось ничего другого, как обязать Андропова срочно подготовить подробную записку с уточненными и документально подтвержденными официальными данными о родителях, ближайших родственниках и детских годах жизни. Не на шутку встревоженный неожиданной угрозой разоблачения, областной комсомольский лидер спешно выехал в столицу, где, обратившись в Моссовет, получил справку о том, что в действовавшем до начала 1937 года списке столичных жителей, лишенных избирательных прав, Е.М.Флекенштейн не значилась. Безусловно понимая, что это своеобразное свидетельство

хронологические параметры, датируя, скажем, кончину матери во временном диапазоне от 1928 до 1931 года.

¹² *Эта загадочная история с обретением младенца происходила в сохранившемся до сих пор доме №26 на Большой Лубянке. Первоначально он являлся владением Товарищества часовых магазинов (Вся Москва. Адресная и справочная книга на 1901 год. М., 1901. С.469; далее – Вся Москва), а потом был выкуплен К.Ф.Флекенштейном в частную собственность (Вся Москва – 1914 год. С.695).*

¹³ *Личный фонд Ю.В.Андропова.*

¹⁴ *Прежний глава Ярославской области Шахурин был назначен в январе 1939 года первым секретарем Горьковского обкома ВКП (б).*

КАРЬЕРНЫЕ СТРАДАНИЯ МОЛОДОГО АНДРОПОВА

благонадежности приемной бабушки (не числилась среди «лишенцев»!) сможет лишь частично нейтрализовать ее признание в принадлежности к дореволюционному «эксплуататорскому классу», Андропов ради пущей надежности представил дело так, будто ничего не знал о том, что его мать воспитывалась в купеческой семье. В письменном объяснении от 10 января 1939 года он заверял начальство, что ничего подобного прежде не слышал от своих родственников: ни от отчима, ни от той же приемной бабушки, ни от няни Анастасии Васильевны Журжалиной. Это послание Ларионову Андропов завершил пафосным сокрушением: «Вот все, что мог я сообщить. Прошу только как можно скорее решать обо мне вопрос. Я чувствую ответственность за организацию и вижу гору дел. Решаю эти дела. Но эта проклятая биография прямо мешает мне работать»¹⁵.

Несмотря на то, что оправдания Андропова выглядели явно неубедительно, партийные руководители Ярославской области, отлично осознававшие, что круговая корпоративная порука – главный гарант их собственной безопасности, вполне ими удовлетворились. Более того, они поддержали своего молодого выдвиженца, тем более что тогда происходило свертывание кампании кровавых кадровых чисток. Новый первый секретарь Ярославского обкома Н.С.Патоличев (1908–1989) даже распорядился досрочно принять Андропова в партию – уже в феврале 1939 года, то есть за два месяца до окончания обязательного двухгодичного кандидатского стажа. Благодаря тому же Патоличеву избрание Андропова областным комсомольским лидером было без осложнений «проведено» через бюро Ярославского обкома партии. Произошло это 19 апреля 1939 года, а 27 сентября данное положительное решение утвердило Оргбюро ЦК ВКП (б). И хотя

Автобиография 8 I
Я родился в 1914 году в отапанской
поселке Северо-Кавказском
низинном дорге. Отец мой
происходит из дорганской
поселки от от. Дорганская
станицы по отапанской.
В 1915 году его перевели в от.
Бессман (Сев. Кавк. тес дорге), где
и работал конструктором
вспомогательных. Отец учился в отапанской
школе с отапанскими сообщениями, но в отапанской
школе окончил за два года.
Вспер отец в 1919 году окончил отапанскую
школа. Затем в отапанской в отапанской
а школе в 1921 году.
Мой отчим - помещик паробути
вспомогательных. В 1923 (или в 1921) отчим

Фрагмент собственноручной
автобиографии Ю. Андропова

¹⁵ Личный фонд Ю.В. Андропова.

эта высшая санкция была получена с большой задержкой, тем не менее она окончательно похерила выявление в прошлом Андропова «родимых пятен» капитализма. «Дело», инициированное дотошной Капустиной, благополучно прикрыли. Может быть, поэтому ни она, ни другие аппаратные контролеры так и не опросили упоминавшуюся няню Андропова, хотя та, как никто другой, знала всю подноготную о нем, проживая вместе с ним чуть ли ни с момента рождения.

С тех пор истина об обстоятельствах появления Юрия Андропова на свет, первых годах жизни и родителях оказалась за столь плотной завесой тайны, что до сих пор остается не раскрытой. На эту тему существуют лишь различные спекуляции и предположения, которые во множестве стали появляться с отменой цензуры на излете горбачевской перестройки. Носят они по преимуществу остро политизированный характер, так как нацелены на дискредитацию Андропова как антагониста русского национального возрождения и разоблачение его «тайной связи» с еврейством¹⁶.

Наряду с этим появились и публикации, в которых можно увидеть стремление к более или менее нейтральному осмыслению истории жизни и деятельности этого советского лидера. Важно, что авторы некоторых из них опирались на вновь рассекреченные архивы советского режима. Используя эти наработки, а также другую новую фактографию, пишущий эти строки попытался по возможности непредвзято и объективно проанализировать все известное ныне о детстве Юрия Андропова, представив ниже свою версию его ретроспективной реконструкции.

БЫЛА ЛИ МАТЬ ПОДКИДЫШЕМ?

Итак, упоминавшаяся Евдокия Михайловна Флекенштейн не стала в конце 1930-х годов скрывать от властей своего бывшего купечества. И хотя тем самым она компрометировала как себя самое, так и приемного внука Юрия Андропова, нет оснований сомневаться в том, что это ее показание было правдивым. Однако того же нельзя сказать о сделанном ею одновременно заявлении о том, что ее приемная дочь Евгения Флекенштейн (мать Андропова) «была подкинута грудным ребенком» в дом ее мужа, состоятельного часовщика Карла Флекенштейна. Не случайно Евдокия Михайловна предпочла не вдаваться в конкретные обстоятельства этой представляющей до-

¹⁶ См., например: Семанов С.Н. Андропов. Семь тайн генсека. М.: Вече, 2001.

КАРЬЕРНЫЕ СТРАДАНИЯ МОЛОДОГО АНДРОПОВА

вольно сомнительной истории. В нее трудно поверить, имея в виду, что в Москве начала 1890-х годов (примерно тогда родилась мать Андропова) куда проще было легально сдать нежелательного младенца в Императорский Воспитательный дом или в один из многочисленных благотворительных приютов, чем подбросить в частное жилище, к тому же на такой хорошо охранявшейся полицией центральной улице, как Большая Лубянка. И если подкидыш все же оказывался в таком доме и тем более усыновлялся его хозяевами, то подобное чаще всего являлось следствием отнюдь не случайных обстоятельств.



Дом Карла Флекенштейна (Большая Лубянка, 26)

Из показаний самого Андропова, данных в ходе проверки конца 1930-х годов, следует, что его настоящая бабушка по матери была родом из Рязани, откуда приехала в Москву на заработки, подражаясь прислугой в богатые дома¹⁷. Не исключено, что она когда-то служила горничной и в доме купца Флекенштейна. Вполне можно допустить и то, что эта тогда еще молодая, но материально зависимая женщина сошлась с хозяином (как это нередко бывало в таких ситуациях), в результате чего и появился на свет внебрачный ребенок, названный Евгенией и ставший потом матерью Юрия Андропова. Развивая далее

¹⁷ Личный фонд Ю.В.Андропова.

эту версию, логично предположить, что во избежание скандала, могущего навредить репутации и бизнесу Флекенштейна, его бездетная жена, Евдокия Михайловна, дабы покрыть грех мужа, вынуждена была согласиться на удочерение им этого ребенка (благо в нем текла его кровь). Но, будучи унижена как женщина, она могла и потребовать от мужа немедленно избавиться от «падшей» горничной, чтобы та никогда впредь не общалась с дочерью.



Евгения Карловна Флекенштейн

Впрочем, если таковое табу и существовало на самом деле, то с большой долей уверенности можно констатировать, что оно не было соблюдено. Ибо со слов Андропова известно, что его няня Анастасия Журжалина, взятая в дом Флекенштейнов (скорей всего, как кормилица) в 1915 году, не только знала его родную бабушку, но и, подобно ей, зарабатывала на жизнь в качестве прислуги¹⁸. Более того, Андропов называл няню тетей, считая ее мужа родственником матери, Евгении Флекенштейн. Значит, по логике вещей, тот был связан кровными узами и с родной бабушкой будущего генсека (был ее сыном?). Нетрудно догадаться, что только благодаря тайному содействию этой своей товарки и свойственницы Журжалина смогла и стать няней маленького Гриши-Юры, и, как тот утверждал, познакомиться в 1910 году с его матерью. Разумеется, устраиваясь к Флекенштейнам, Журжалина предусмотрительно скрыла от них, что явилась с подачи бывшей любовницы хозяина дома и родственно с нею связана. Вот почему спустя годы Евдокия Флекенштейн решительно опровергла в беседе с инструктором ЦК ВЛКСМ Капустиной утверждение Андропова о том, что Журжалина приходится ему тетей¹⁹.

¹⁸ В частности, Журжалина служила в «нумерах» в Марьиной Роце, где тогда, возможно, работала и родная бабушка Андропова. Здание этой гостиницы по адресу 1-й Выше-славцев пер., д.6 сохранилось до сих пор, хотя и в радикально перестроенном виде.

¹⁹ В конце 1930-х годов Капустина так описала этот момент: «По словам приемной бабки Андропова Флекенштейн, у Андропова живет не тетка (А.В.Журжалина. – Г.К.), а

КАРЬЕРНЫЕ СТРАДАНИЯ МОЛОДОГО АНДРОПОВА



1-й Вышеславцев пер., д. 6. Здесь работала бабушка Андропова

ВНУК ВЫКРЕСТА?

Определение этнического происхождения Юрия Андропова напрямую связано с ответом на вопрос, была ли его мать, Евгения Флекенштейн, родной дочерью купца Карла Флекенштейна или нет? Из изложенного выше материала следует, что с большей долей вероятности она таковой все же была. Учитывая это, а также тот не вызывающий сомнений факт, что ее мать была русской, можно констатировать, что Андропов как минимум на четверть был евреем. Об этом свидетельствуют и такие пусть зыбкие аргументы, как данное ему, скорей всего, при рождении имя Григорий, весьма популярное со вто-

его няня, что никаких сведений о родной бабке Андропова они (Флекенштейны. – Г.К.) не имели и не знают, кто она» (Личный фонд Ю.В.Андропова).

рой половины XIX века в семьях ассимилированных российских евреев, и характерные левантийские черты лица.

Поскольку в силу царивших в номенклатурной сфере антисемитских нравов Андропов решительно отрицал какую-либо родственную причастность к еврейству, он очень болезненно относился к попыткам представителей так называемой «Русской партии» «докопаться до истины» в его биографии. Тем более, что те, дабы политически дискредитировать этого, по их ироническому определению, «верховного борца с русизмом», муссировали и тогда и потом нелепые вымыслы о том, что его мать звали Геней Файнштейн, а отец был Либерманом, «переименовавшимся» после революции в Андропова²⁰.

Уже будучи генсеком, Юрий Владимирович однажды в беседе с Е.И.Чазовым – начальником 4 главного управления при Минздраве СССР (знаменитой «Кремлевки») – поведал ему доверительно: «Недавно мои люди вышли в Ростове на одного человека, который ездил по Северному Кавказу – местам, где я родился и где жили мои родители, и собирал о них сведения. Мою мать, сироту, младенцем взял к себе в дом богатый купец, еврей. Так даже на этом эти люди хотели сыграть, распространяя слухи, что я скрываю свое истинное происхождение»²¹.

Как видим, Андропов сам считал Карла Флекенштейна евреем. Между тем фамилия, которую носил этот более чем вероятный дедушка советского генсека и которая лингвистически является немецкой (в оригинальной транскрипции пишется как *Fleckenstein*²²), носили и носят как немцы, так и ашкеназские евреи. При этом он никак не мог быть иудеем, поскольку прозывался Карлом Францевичем²³, то

²⁰ Легостаев В.М. Гебист магнетический (заметки о Ю.В.Андропове) // *Завтра*. 2004. 4 февраля. №6 (533); Семанов С.Н. Указ. соч. С.16–17; Тешкин Ю.А. Андропов и другие: [Докум.-худож.] роман: В 2 ч. Ярославль: Верхняя Волга, 1998.

²¹ Чазов Е.И. Здоровье и власть. Воспоминания «кремлевского» врача. – М.: Новости, 1992. С.179.

²² Эта фамилия часто воспроизводилась в русской транскрипции и как «Флекенштейн», поскольку при оригинальном ее написании буквосочетание «ск» произносится как долгий звук «к». Именно с учетом этой фонетической особенности сообщала о себе в одном из дореволюционных справочников приемная бабушка Андропова Евдокия Михайловна (Вся Москва – 1917 год. С.512).

²³ В обыденной жизни К.Ф.Флекенштейн предпочитал называться Карлом Александровичем. Во всяком случае, под таким именем-отчеством он проходит по некоторым городским справочникам (Вся Москва – 1914 год. С.695; Вся Москва – 1915 год. С.517).

есть на типично христианско-немецкий манер. Скорей всего, он являлся лютеранином, так как прибыл в Москву из преимущественно протестантского Великого княжества Финляндского. В связи с этим нелишне напомнить, что в этих двух регионах селиться иудеям по законам Российской империи не дозволялось. Правда, в Москве этот запрет не распространялся на иудеев из числа купцов первой гильдии, но эта привилегия даже гипотетически не могла распространяться на Флекенштейна, имевшего более низкий торгово-сословный ранг. К сожалению, принадлежность этого купца второй гильдии к протестантской общине московских немцев обернулась для него жизненной катастрофой. Дело в том, что принадлежавшие ему ювелирно-часовой магазин и мастерская стали 28–29 мая 1915 года объектами нападения и разграбления в ходе печально знаменитого «патриотического» немецкого погрома в центре Москвы.

В результате исторических исследований выяснилось, что этот замешанный на этноксенофобии пароксизм массового вандализма отнюдь не был лишь стихийным выплеском агрессивной энергии, накопившейся в городском населении вследствие порожденных Первой мировой войной глубоких военно-политических потрясений и социальных проблем²⁴.

Существует немало доказательств того, что погром был заранее спланирован, причем как политическая акция, призванная продемонстрировать верхам «гнев народа против потворства властями предержавными немецкому засилью и могуществу» в торговле и промышленности второй столицы. И хотя предпринятое постфактум сенатское расследование так и не выявило конкретных организаторов (лиц и партий) погромных эксцессов, однако, если исходить из классической формулы *qui prodest?* («кому выгодно?»), то подозрение падает прежде всего на «патриотическую» бизнес-элиту, которая в условиях

²⁴ Прорыв австро-германских войск в Галиции в начале мая 1915 года, спекулятивное взвинчивание цен на продукты первой необходимости, обнищание большого количества малообеспеченных москвичей и т.п. (Подробно см.: Дённингхаус В. Немцы в общественной жизни Москвы: симбиоз и конфликт (1494–1941). М.: РОССПЭН, 2004. С.327–366; Гатагова Л.С. «Хроника бесчинств». Немецкие погромы в Москве в 1915 г. // Россия и Германия в XX веке. В 3-х т. М.: АИРО-XXI, 2010. Т.1. Обольщение властью. Россия и Германия в Первой и Второй мировых войнах / Под ред. К.Аймермахера, Г.А.Бордюгова, А.Фельперт. С.851–872).

усиливавшегося экономического кризиса сделала ставку на радикальное устранение с рынка «немецких конкурентов». Показательно, что закоперщиками погрома выступили рабочие крупных московских предприятий (Прохоровской Трехгорной мануфактуры и др.). На первых порах их вожакам удавалось концентрировать разрушительный энтузиазм этих команд исключительно на собственности германо-австрийских подданных, а также россиян немецкого происхождения. Однако уже через несколько часов к этим сотням организованных «патриотов» спонтанно примкнули многие тысячи любителей легкой наживы всех мастей: от «добропорядочной» «чистой публики» до маргинально-криминальных обитателей трущоб знаменитой Хитровки. После чего наступила вакханалия огульного разграбления имущества (магазинов, мастерских, предприятий, квартир) всех без разбора состоятельных горожан с нерусскими фамилиями.

Беспрецедентный со времен революции 1905 года размах насилия и хаоса в городе был спровоцирован не только расхищением винных складов и спиртовых хранилищ (аптечного товарищества В.К.Феррейна и др.), но и, главным образом, почти двухдневным отказом московских властей от силового наведения порядка, воспринятым громадами как негласное одобрение их бесчинств.

Варварский разгром, которому подверглись ювелирный магазин и часовая мастерская Карла Флекенштейна на Большой Лубянке, так сильно потряс этого уже престарелого человека, что он вскоре умер. Об этих драматических моментах своей семейной истории Андропов поведал потом начальству с предельной лаконичностью: «...Флекенштейн был часовой мастер... В 1915 году, во время еврейского погрома, мастерская его была разгромлена, а сам он умер»²⁵.

Когда Андропов писал это, то, конечно, знал (и от матери, и из рассказов других родственников), что его «приемный дед» не пережил именно упомянутые антинемецкие буйства в Москве. Тем не менее он предпочел представить его жертвой «еврейского погрома»... Такая подмена вполне объяснима, если иметь в виду, что советская пропаганда в 1930-е годы еще всячески сочувствовала дискриминируемому царизмом еврейству. И напротив, советские этнические немцы, превратившись после установления гитлеровской диктатуры в Германии в одно из самых подозрительных и гонимых нацмень-

²⁵ *Личный фонд Ю.В.Андропова.*

КАРЬЕРНЫЕ СТРАДАНИЯ МОЛОДОГО АНДРОПОВА

шинств, подвергались со стороны государства массированным репрессиям и депортациям²⁶. Не исключено и то, что Андропов назвал этот погром еврейским еще и потому, что от него пострадало много московских евреев²⁷, главным образом тех, которые как Карл Флекенштейн исповедовали протестантизм – немецкую в глазах тогдашних русских обывателей религию.

ТАЙНА РОЖДЕНИЯ

Возвращаясь к московским событиям 1915 года и исполненной драматизма кончине Карла Флекенштейна, важно отметить, что его вдова, Евдокия Михайловна, вскоре смогла, пусть и по минимуму, восстановить дело покойного мужа, поддерживая художественно на плаву его бизнес еще около полутора лет. Однако, когда к концу 1916 года все отчетливей стало ощущаться назревание новых революционных потрясений, чреватых тогда кровавыми социально-этническими конфликтами и эксцессами, она, уже пережившая недавно нечто подобное, решила, видимо, больше не рисковать. Тогда эта предпринимательница не только полностью отказалась от коммерческой деятельности, но и, продав свою недвижимость в политически взрывоопасном центре города, переехала в окраинную и более спокойную Марьину Рошу²⁸, поселившись в доме №9/1 на Александровской площади (ныне площадь Борьбы). Вместе с ней туда же, очевидно, переехала и ее приемная дочь Евгения Флекенштейн, причем не одна, а вместе с двухгодовалым сыном Григорием-Юрием и его няней Анастасией Журжалиной.

²⁶ Только в 1937–1938 годах по так называемой немецкой линии в СССР были арестованы более 55 тыс. человек, из которых расстреляли почти 42 тыс. (См.: Охотин Н., Рогинский А. Из истории «немецкой операции» НКВД 1937–1938 гг. URL: <http://www.memo.ru/history/nem/Chapter2.htm>).

²⁷ О том, что погромщики зачастую спонтанно выбирали объекты для нападений, свидетельствует следующий описанный очевидцем характерный эпизод: «...В толпе, собравшейся у магазина Левинсона, шли горячие споры, кто такой Левинсон – еврей или немец. Убедившись, что он еврей, толпа проходила мимо, но подходила новая манифестация, и все начиналось сначала...» (Из заявления ассистента кафедры зоологии Московского университета В.С.Муралевича городскому голове М.В.Челнокову. – Цит. по: Дённингхаус В. Указ. соч. С.352).

²⁸ В Марьиной Роше, между прочим, даже тогда проживало достаточно много евреев.



Дом Флекенштейнов на бывш. Александровской площади

То, что все это могло быть именно так, явствует из предшествующих событий и моментов в жизни матери Андропова. Скажем, известно, что в 1913 году она семнадцатилетней была взята учителем музыки в частную женскую гимназию в 1-м Басманном переулке. Ее владелицей была этническая немка Фелица Францевна Мансбах²⁹, что косвенным образом свидетельствует в пользу протестантской конфессиональности как самой Евгении, так и удочерившего ее Карла Флекенштейна. Не исключено, что до этого она училась в данном образовательном учреждении. В последующие (1914–1916) годы Евгения Флекенштейн, согласно соответствующим адресно-телефонным справочникам, также проживала в Москве (Большая Лубянка, 26)³⁰. Однако она, если верить официальной биографии Ю.В.Андропова, должна была летом 1914 года родить его на северокавказской железнодорож-

²⁹ *Вся Москва – 1914 год. С.695.*

³⁰ *Там же; Вся Москва – 1915 год. С.517; Вся Москва – 1916 год. С.526.*

ной станции Нагутская, то есть находясь за много верст от Москвы. Такого, конечно, не могло быть на самом деле. И не только ввиду того, что это противоречит упомянутым данным московских справочников, но еще и потому, что в них Евгения фигурирует под девичьей фамилией. А это, в свою очередь, по сути, означает, что ее первенец появился на свет вне брака. В противном случае она в соответствии с тогдашним российским гражданско-церковным законодательством должна была носить фамилию мужа.

Был ли железнодорожный служащий Владимир Андропов действительно отцом будущего лидера СССР, остается только гадать. Очевидно только то, что Евгения Флекенштейн вышла замуж, уже имея на руках «незаконнорожденного» ребенка. Произошло это, по всей вероятности, в 1916 году в связи с отнюдь не случайным ее переездом в Марьину Рошу, где, как упоминалось, предположительно жила ее родная мать. Здесь же Евгения как раз и могла познакомиться с Владимиром Андроповым, который учился в Императорском Московском институте путей сообщения, находившемся на Бахметьевской улице (ныне ул. Образцова), то есть буквально в двух шагах от ее нового местожительства на Александровской площади. Возможно даже, что этот иногородний студент квартировал у Флекенштейнов, которые, свернув торговлю часами и ювелирными изделиями, скорей всего, вынуждены были сдавать в своем доме комнаты внаем.

Очевидно, какое-то время будущие супруги находились, что называется, в свободных отношениях. Однако вскоре Владимира, имевшего пагубное пристрастие к спиртному, исключили из института, после чего он уже не мог рассчитывать на вспомоществование, которое наверняка регулярно получал от отца на учебу. Чтобы не оказаться на финансовой мели, этот бывший студент должен был возвратиться в Ростов-на-Дону, где можно было заручиться поддержкой родных в устройстве дальнейшей жизни. Возможно, незадолго до отъезда домой Владимир Андропов и предложил Евгении Флекенштейн обвенчаться, чтобы та смогла на законных основаниях отправиться вместе с ним, представ перед его родственниками в качестве жены. Разумеется, эта женщина, которая должна была заботиться о будущем малолетнего сына и которую уже мало что удерживало в Москве (после печальной кончины отца и утраты былого материального благополучия), не могла ответить отказом. Вскоре новообразованная семья, включавшая в себя помимо Владимира, Евгении и маленького Григория-Юрия Андроповых также няню Анастасию Журжалину, прибыла

в Ростов. Там они задержались на то время, которое потребовалось Владимиру Андропову, чтобы по протекции братьев отца поступить на службу по ведомству путей сообщения и оформить направление на одну из станций Владикавказской железной дороги. Была ли это Нагутская? Вряд ли. Анализ фактов и научная интуиция подсказывают, что отец Юрия Андропова получил первое служебное назначение отнюдь не туда, а сразу на станцию Беслан, куда и прибыл с семьей ориентировочно в конце 1916 – начале 1917 года.

Похоже, что «рождение на станции Нагутская» – не более чем биографическая легенда Ю.В.Андропова, созданная ради прикрытия нежелательного для советской карьеры реального факта появления на свет в среде московского купечества. Почему именно на Нагутскую пал его выбор, определить теперь невозможно. Очевидно, она «подошла» потому, что эту железнодорожную станцию обслуживал очень немногочисленный контингент служащих, чьи семьи существовали во многом обособленно, практически не соприкасаясь с администрацией и жителями близлежащего села Солуно-Дмитриевское. К тому же смерч гражданской войны на Северном Кавказе, с яростными схватками между красными и белыми, с обостренной классово-борьбой, включавшей в себя и расказачивание, так основательно прошелся по этому и другим глухим тамошним местечкам, что в них практически ничего не осталось от дореволюционного прошлого, включая церковные метрические книги и прочие архивные документы с информацией о рождениях, крещениях и других актах гражданского состояния местного населения. Так что соответствующие официальные справки выдавались потом зачастую «со слов заявителей», со всеми вытекающими из этого последствиями. И еще, чтобы отсутствие документов и свидетельств, подтверждавших факт его рождения в Нагутской, выглядело правдоподобней и убедительней, проживание там своей семьи Андропов постфактум предусмотрительно ограничил очень небольшим одногодичным периодом («плюс-минус» несколько месяцев). Так в его в анкетах и автобиографиях появилось название мало кому известной железнодорожной станции.

Подобные фальсификации были отнюдь не редким явлением в первые послереволюционные десятилетия, даже в среде высшей советской номенклатуры. Одиозный предшественник Андропова на посту главы политической полиции Н.И.Ежов написал в официальной анкете, что имеет «незаконченное низшее образование», родился в Санкт-Петербурге в бедной семье рабочего-литейщика. Однако после

КАРЬЕРНЫЕ СТРАДАНИЯ МОЛОДОГО АНДРОПОВА

его ареста в апреле 1939 года выяснилось, что он не лукавил только в отношении своего образования, а все остальное – «липа». Оказалось, что бывший нарком на самом деле родился в Мариямполе Сувальской губернии (ныне Литва), а его отец был не потомственным питерским пролетарием-металлистом, а «подавшимся в город» тульским крестьянином, содержавшим одно время под видом чайной публичный дом. Скрывал Ежов и небезопасную в 1930-е гг. литовскую национальность своей матери³¹.

...Зная теперь более или менее определенно, что Юрий Андропов появился на свет не в провинциальном захолустье, а во второй столице Российской империи, приходится тем не менее с сожалением констатировать, что если завесу тайны, сокрывшую историческую правду о его родителях, этническом происхождении и детских годах жизни, и удалось приподнять, то лишь незначительно. Истинная биография этого советского лидера остается уравнением со многими неизвестными. При его «раскодировании» возникает целый ряд конкретных вопросов. Например, о его дедушке (родном или приемном?) Карле Флекенштейне. Перешел ли он в христианство самостоятельно как выкрест, или наследовал протестантизм от родителей? Были ли Евгения Флекенштейн и ее сын Юрий Андропов соответственно родной(ым) или приемной(ым) дочерью (внуком) Карла Флекенштейна? Кто являлся биологическим отцом Юрия Андропова? Некто неизвестный (мифический Либерман не в счет) или все же В.К.Андропов (если допустить его продолжительное внебрачное сожителство с Евгенией Флекенштейн)?

Хочется надеяться, что когда-нибудь на все эти вопросы будут получены четкие и научно обоснованные ответы. Впрочем, эфемерность человеческой памяти заставляет пессимистично полагать, что существенный прорыв в тайны биографии Андропова уже невозможен и в истории Юрию Владимировичу уготован образ мистического сфинкса власти, исполненного вечной загадки о себе самом.

Поскольку задачи исследования исчерпаны, на этом вроде бы можно поставить точку. Однако для полного его завершения необходимо, думается, еще один штрих в виде следующего небольшого эпилога.

³¹ Петров Н., Янсен М. «Сталинский питомец» – Николай Ежов. М.: РОССПЭН, 2008. С.10–11.

КАРЕЛЬСКАЯ РАЗВЯЗКА

Итак, выйдя победителем из боя с собственным прошлым и став в конце 1930-х гг. главой обкома ВЛКСМ Ярославской области, Андропов тем не менее пережил

тогда немало мучительных страхов и волнений. Однако это первое в его карьере крупное испытание помогло ему психологически закалиться, точнее душевно очерстветь, превратившись в политика суровой сталинской школы. Он окончательно избавился от прежних юношеских романтических иллюзий и многих человеческих, в том числе и родственных, привязанностей – в общем, от всего, что стало ненужным и даже опасным в его новом номенклатурном бытии.

В справедливости подобного вывода не приходится сомневаться, зная хотя бы то, как Андропов обошелся со своей семьей, став первым секретарем ЦК ЛКСМ вновь созданной 31 марта 1940 года Карело-Финской ССР. Будучи избран на этот пост в июне того же года, он, отправляясь вскоре в Петрозаводск (столицу этой советской республики), напрочь разорвал отношения с самыми близкими ему людьми: женой Ниной Енгальчевой³², к которой испытывал когда-то пылкие романтические чувства³³, и с их общими детьми – дочерью Евгенией (р.1936) и только что родившимся сыном Владимиром (1940–1975). Покидая их, а также всецело преданную ему Анастасию Журжалину,

³² Н.И.Енгальчева работала тогда в архиве Ярославского областного управления НКВД, умерла в 1994 году.

³³ В 1935 году, когда еще до замужества Н.Енгальчева какое-то время работала по распределению в Ленинграде (в областном управлении НКВД), Ю.Андропов послал ей свою фотографию со следующими трогательными словами на обороте: «На память о том, кто так нежно и страстно тебя любит. Милая, милая, далекая и вечно забываемо близкая Нинурка. В память о далеких, морозных, но полных счастья ночах, в память о вечно сияющей любви посылаю тебе твой хулиган Юрий». Через год, поженившись, они сделали уже совместный снимок, на котором Андропов также запечатлел свои чувства к Нине: «Если вам когда-нибудь будет скучно, если вы хоть на минуту почувствуете себя несчастной, то взгляните на эту фотографию и вспомните, что в мире существуют два счастливых существа. Счастье заразительно. Оно вместе с воздухом проникает к вам в душу и в одно мгновение может сделать то, что не в состоянии сделать годы. Нина и Юра. 1/III-36» (Зенькович Н.А. Самые секретные родственники. Энциклопедия биографий. М.: ОЛМА-ПРЕСС; Звездный мир, 2005. С.9).

КАРЬЕРНЫЕ СТРАДАНИЯ МОЛОДОГО АНДРОПОВА

Андропов, обладавший уже немалым номенклатурным статусом, сослался на явно надуманную причину, будто бы его одиночный отъезд вызван отказом в жилье по новому месту работы. На что бывшая няня, уловившая, очевидно, фальшь в голосе любимого воспитанника, сказала ему с грустью: «Ты уезжаешь навсегда. Ты уже не вернешься...»³⁴

Эта женщина, умудренная сложной и длинной жизнью, оказалась провидицей. Уехав в Карелию, Андропов много месяцев вообще никак не общался с семьей в Ярославле³⁵. Потом вдруг прислал Нине Енгальчевой письмо, в котором потребовал согласия на развод. Та, наверняка поняв, что ее амбициозный супруг твердо намерен поставить крест на прошлой жизни и на новом месте начать все с «чистого листа», возражать не стала. Добившись желаемого, Андропов женился на Татьяне Филипповне Лебедевой (?–1991) – скромной комсомолке, дочери бойца Чапаевской дивизии с безупречными анкетными данными. Если его семейные отношения с первой женой строились на равных (совместную жизнь начали, будучи оба студентами), то со второй он, преуспев в карьере, уже позиционировал себя как безусловный лидер. И такая брачная модель, конечно, была для него предпочтительней. Причем, как представляется, не столько из-за того, что Андропов являлся традиционалистом в браке (подобно подавляющему большинству тогдашних мужчин в СССР), сколько потому, что психологически был «заточен» под корпоративно-иерархическую систему бюрократической власти. Только благодаря полной приверженности ей он был рекомендован протежировавшим ему Патоличевым на новую должность в Карело-Финской ССР. А оказавшись там, стал в духе безусловной лояльности к вышестоящему начальству демонстрировать наибольший пиетет перед первым секретарем ЦК КП (б) этой союзной республики Геннадием Николаевичем Куприяновым. Впрочем, это уже другая история.

³⁴ Млечин Л.М. *Детство Юрия и другие тайны из жизни Председателя*. С.34.

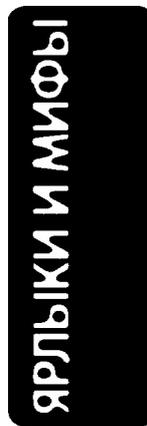
³⁵ До этого он так же поступил с отчимом и сестрой, когда переехал из Моздока в Рыбинск.



Владимир Дегоев

ШЕЙХ-МАНСУР С РАССТОЯНИЯ ВЕКОВ

РАЗМЫШЛЕНИЯ ИСТОРИКА



УДК
316.423

The article revisits the image of Sheikh-Mansour one of the most enigmatic figures of the Chechen history, who by the close of the 18-th century, to quote John Baddeley, “dropped, as it were, from the clouds full grown, a warrior, preacher and prophet” to lead the resistance movement against Russia. The mere fact that Mansour gave an armed response to the advent of the Russians serves for many scholars an irresistible temptation to cast him both as a precursor of the 19-th century Caucasus War and a typological predecessor of the renowned Imam Shamyl. The author of this essay argues against what seems to him a far-fetched comparison between the two mountaineers’ leaders belonging to different epochs and having different kinds of perception of their political, ideological, and military missions.

Ключевые слова: политика России на Северном Кавказе в XVIII веке; социальный строй Чечни, Шейх-Мансур; братья Г.А. и П.С.Потемкины; внутренние проблемы Кабарды; русско-турецкая война 1787–1791 гг.

Key words: Russian policy in the North Caucasus in the 18th c.; patterns of social life in Chechnya; Sheikh-Mansour; the Potemkin brothers; domestic problems in Kabarda; Russo-Turkish War of 1787–1791.

E-mail: degoev2013@yandex.ru

Что ни пиши о людях, подобных Шейх-Мансуру, не угодишь никому. Это совершенно нормальное явление, ибо речь идет об исторической фигуре, едва различимой на более чем двухвековом расстоянии, в плотном тумане мифов и легенд, образовавшемся от резкого перепада между высокой температурой наших идеологических страстей и низкой температурой наших крайне скудных позитивных знаний.

Мы далеки от намерения полемизировать как с теми, кто полагает, что история Северного Кавказа бедна именами собственными, достойными славы и права на долгую память потомков, так и с теми, для кого она является пантеоном великих, богоподобных, безгрешных героев. Нет нужды разубеждать исследователей, которые пытаются исправить «несправедливость» истории, оставившей многих персонажей народных преданий, боровшихся за «свободу и независимость» против «колониально-захватнических» устремлений России, под спудом тьмы и безвестности.

Однако какими бы мифотворческими ни выглядели попытки искусственно увеличить естественный исторический масштаб той или иной личности или события, к которому она причастна, в них есть и своеобразное конструктивное начало. Нынешние баснописцы от истории, предпочитающие научным методам исследования сказительские приемы, невольно заставляют задуматься, по крайней мере, над одним вопросом: а не в том ли и заключается, в конечном счете, высшая справедливость, что о каждом своем персонаже история оставляет ровно такое количество документального материала, которое он заслуживает?

Может, это относится и к Шейх-Мансуру – одному из наиболее таинственных героев кавказской старины, продолжающему и сегодня, в начале XXI века, будоражить страсти, мысли, фантазию?

Автор настоящего очерка абсолютно осознанно отказался от традиционного структурного атрибута большинства научных произведений – постановки проблемы, позволив себе уйти в область более или менее свободного размышления над вопросами, которые с помощью других способов, как показывает историографический опыт, решаются в пользу того или иного идеологического клише или мифа.

Именно с постановки мифа (что упорно именуется «постановкой проблемы») начинаются практически все современные работы о Шейх-Мансуре. Следовать такому подходу – априорно обрекать себя на бесконечное вращение в порочном круге воображаемого и недоказуемого. И заведомо лишаться возможности перейти на другую орбиту познания,

где, возможно, окажется больше шансов приблизиться к тому очень условному образу прошлого, в котором Леопольд фон Ранке, быть может, слишком самонадеянно, пытался разглядеть «подлинную историческую реальность».

СМУТА СО СТРАННОЙ ПРЕЛЮДИЕЙ

В начале зимы 1785 года среди чеченцев пополз слух, что в ауле Алды живет бедный молодой пастух по имени Ушурма (вскоре взявший себе имя Мансур), объявивший себя про-

роком. Он призывал горцев отказаться от «варварской жизни», от известных «с давнего времени» «дурных обычаев воровать, убивать без всякого сожаления наших ближних, и вообще ничего иного не делать, кроме зла»¹. Мансур признавался, что и сам поступал таким же образом до тех пор, пока не «осветился размышлением» о неминуемом наступлении смертного часа и необходимости держать ответ перед Аллахом «на страшном судилище». Это заставило его устыдиться своих деяний и «покаяться во грехах своих». Тем, кто не последует его примеру и не обратится к свету божественной истины, Мансур грозил гневом господним, от которого не будет спасения никому.

Если говорить просто, то «учение» Мансура требовало от горцев отказаться от несправедливой жизни, основанной, с одной стороны, на нормах адата (обычного права) и, с другой, – на неосведомленности о том, что такое ислам правоверного толка. Одно он собирался искоренить, другое исправить, чтобы вывести народ из заблуждения и преодолеть пороки, многие из которых в языческом обществе таковыми не считались.

Мансур говорил, что грабежи, междоусобицы, убийства, кровомщение губят чеченцев. Он призывал не курить, не пьянствовать, не прелюбодействовать, истребить нечестно накопленное имущество и даже не сеять хлеб, ибо каждый праведник получит все от Аллаха. Тех, кто откажется подчиняться его указаниям и верить в его предсказания, Мансур объявлял грешниками, обещая им кару небесную и земную².

У Мансура появились последователи. Первоначально их круг был невелик, но он быстро расширился – во многом благодаря умению этого одаренного и волевого человека воздействовать на толпу. Арсенал ис-

¹ Дубровин Н. *История войны и владычества русских на Кавказе*. СПб., 1886. Т.2. С.86–97.

² Там же. С.88–89, 91, 94–95.

пользуемых им средств был обычен для соискателей «пророческого» статуса: явление «чудес» с помощью разного рода ухищрений, инсценировок, толкований сновидений. Слава о Мансуре распространилась далеко за пределы Чечни. Алды стали местом паломничества для тех, кто хотел увидеть чудотворца. Но он, как тонкий психолог, редко показывался народу, чем еще больше стужал вокруг себя ореол таинственности.

Как метко заметил русский историк В.А.Потто, «неудовлетворенное любопытство (народа. – В.Д.) заставило сильнее работать воображение»³. Это неотъемлемое свойство человеческой природы получило полную свободу «творчества» 12 февраля 1785 года, когда на Северном Кавказе произошло сильное землетрясение. Оно вызвало у чеченцев суеверный ужас и было воспринято как предсказанное Мансуром наказание за людские грехи. Многие увидели в бедном пастухе божьего избранника, посланного наставить людей на путь истинный, перестали курить табак, пить бузу, простили друг другу обиды. Из самых преданных сторонников Мансура образовалась его личная гвардия (50 человек), находившаяся при учителе неотлучно. Люди дарили ему овец, лошадей, быков, продукты, деньги, но он раздавал все это нуждающимся.

Началось то, что можно назвать неупорядоченным брожением, предвестием смуты. Люди безотчетно ощущали: что-то происходит, но не понимали – что именно. Тревога и ожидание охватили многих так же непроизвольно, как поддаются массы сильным чувствам – восторгу, радости, страху, панике. А что если этот Мансур, творящий нечто невероятное, и есть тот самый тайный имам⁴, пришествие которого возвещено в священных книгах? В таком случае с какой иной миссией мог он явиться на землю, кроме как служить людям, делу их спасения и благоденствия?

От Мансура ожидали многого, разного и прямо противоположного. Это лишало «пророка» той свободы действий, которую требовали его грандиозные замыслы и которую ему могла предоставить только всеобщая и единая воля народа. В таких условиях Мансуру ничего не оставалось, как выбрать конкретную социальную опору, способную обеспе-

³ Потто В. *Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях*. СПб., 1887. Т.1. С.142.

⁴ Общим местом исламской эзотерики являлась идея о поначалу никем не замеченном появлении мессии, который спасет мир.

читать его материальными силами для достижения поставленных целей. Но за этот ресурс нужно будет заплатить недешево – удовлетворением реальных интересов тех, кто станет в ряды пророка, и, соответственно, пойти против столь же реальных интересов других общественных слоев. Жизнь ставила Мансура в положение, когда субъективное стремление сплотить общество объективно обрекало это общество на раскол и трагедию.

Но пока весной 1785 года и «пророку», и растущей массе его почитателей все виделось в более обнадеживающих тонах. Во всяком случае, стремление стать надплеменным, всенародным духовным вождем, объединителем горцев не покидало Мансура.

Воспользовавшись решительным психологическим переломом ситуации после землетрясения в свою пользу, Мансур «официально» провозгласил себя «шейхом» или «имамом»⁵, появление которого предвещал пророк Магомет. Он стал еще настойчивее требовать повиновения к себе и порядка, обещая послушникам «путь к будущему блаженству», а беззаконникам – «в ров погибели». Мансур дошел до кощунства, объявив вовсе не обязательным совершать хадж в Мекку, ибо Мекка отныне там, где находится в данный момент он, Шейх-Мансур.

Это уже переходило всякие границы. Как ни слабы были местные муллы в понимании и толковании тонкостей Корана, они почуяли в действиях Мансура явные расхождения с правилами ислама. В лице мусульманского духовенства, пусть и численно ничтожного, он столкнулся с критическим восприятием его реформ и растущей оппозицией. Видимо, даже их «просвещенности» в делах религии хватало на то, чтобы уличить «пророка» в очевидных нарушениях канона.

Однако среди духовных лиц было немало и тех, кто предпочитал закрывать глаза на мессианские претензии Мансура. Возможно, они шли против своей совести, но отнюдь не против логики. Муллы никогда не пользовались непререкаемым общественным авторитетом и влиянием. Зачастую их сомнительная нравственная репутация попадала под прицел народных анекдотов и язвительных насмешек. При наличии уязвимых моральных тылов вести борьбу с адатами было нелегко. Муллы остро нуждались в одаренном лидере, способном возглавить эту борьбу и поднять их престиж. Кумыкские и аварские служители шариата⁶ при-

⁵ *Весьма близкие, но не тождественные термины, обозначающие высокоавторитетное духовное лицо, получившее этот статус с благословения народа.*

⁶ *Нормы мусульманского права, регламентирующие повседневное поведение человека.*

зывали знать и простонародье Северо-Восточного Кавказа «почитать его (Мансура. – В.Д.) за шиха (шейха. – В.Д.) и имама»⁷, повиноваться его требованиям.

Разные территории и разные социальные элементы отзывались на эти призывы по-разному. Влиятельные кумыкские и отчасти кабардинские владельцы считали Мансура «лжецом», заверяя кизлярского коменданта И.Вишнякова в своей преданности России.

Среди их подвластных были иные настроения. Некоторые отправлялись в Алды удостовериться в том, что Мансур действительно существует. Удостоверившиеся несли к нему подношения «по недостаткам каждого». Других интересовали не столько экстатические откровения «пророка», сколько его способность устраивать практические дела. Для многих из таких «реалистов» куда понятнее всех этих таинств был разосланный шихом (приблизительно конец марта 1785 года) призыв готовиться к походу на Кизляр.

Мансур был слишком умным человеком, чтобы не понимать очевидного: никакие его чудотворческие экзерсисы не смогут возбудить и мобилизовать массы так, как богатства большого купеческого города. На протяжении всей истории русско-кавказских отношений богатый торговый город Кизляр неотразимо приманивал к себе горские набеговые партии. Единственным ограничителем для их безмерных appetitов был боеспособный гарнизон и крепостные пушки, подставляться под внушающий суеверный ужас огонь которых никто не хотел.

Чтобы вволю поживиться в Кизляре, обычного, даже самого дерзкого и искусного, набега было недостаточно. Лишь крупное, хорошо организованное и хорошо управляемое военное предприятие с применением не только набеговой тактики давало шансы на успех. Впрочем, все это можно было проверить только опытным путем, что, собственно, и собирался сделать Мансур. Но прежде он хотел основательно подготовиться, осознавая масштабы и значение этой операции гораздо глубже, чем горцы, жаждавшие выступить поскорее – уже в середине апреля 1785 года.

Планируемый кизлярский поход, с точки зрения его сущности, имел для Мансура и подавляющей массы его сторонников абсолютно разные смыслы. Сгоравшие от нетерпения кумыкские, аварские, чеченские воины мечтали об одном – принять участие в этом «супернабеге», что-

⁷ Юдин П. Лжепророк Ушурма-Ших Мансур (Из истории религиозных движений на Кавказе) // Русский архив. 1914. №10. С.218.

бы вернуться из него с «супердобычей» и желательно без людских потерь. В их промысловом воображении просто не оставалось места для каких-то других устремлений.

Опыт и обычаи предков, тесный, изолированный мир общины не давали горской фантазии разгуляться в, так сказать, военно-политическом, государственно-строительном, эволюционно-созидательном направлении. Набег он и есть набег, и ничего больше. Это «цель в себе и для себя», которая исчезает, когда она достигнута. За ней нет ничего следующего, поступательного, кроме ровно такой же цели, вытекающей, через определенное время, из того же источника, чтобы опять самоисчерпаться.

Любой горец, претендовавший на статус вождя и объединителя, неминуемо становился заложником института набегничества, как бы он к нему ни относился. Мансур не был похож на джигита-промысловика. Однако в условиях, когда другого инструмента массового рекрутирования у Мансура не было, ему пришлось самому придумать идею «великого кизлярского набега» и заняться вопросами организации этого рискованного предприятия.

Отсюда столь долгая, по горским понятиям, подготовка, включавшая не только военно-мобилизационную, но и социально-пропагандистскую, проповедническую работу. Она была направлена против богопротивных народных обычаев и велась в революционном, воинственном стиле.

Поход на Кизляр Мансур задумывал, прежде всего, как средство продемонстрировать духоподъемную силу ислама, способного сокрушать все на своем пути и вознаграждать правоверных по заслугам, в данном случае – беспрецедентно богатой добычей. Сам же имам жаждал для себя совсем иного трофея, нематериального, но бесценного. Он мечтал, чтобы его воинство вернулось из «великого набега» не только с «дарами» купеческих лавок Кизляра, но и с верой, что победы Аллах дарит только тем, кто воюет под знаменами шариата и живет по его законам⁸.

Кто бы и с каким бы энтузиазмом ни готовился к походу, пока оставалось черпать вдохновение из обещаний Мансура, надеясь на благо-склонное будущее. Имам знал, что лишь предъявление самого чудесного чуда – разорение Кизляра и поражение гяуров (неверных) – заставит умолкнуть его оппонентов и скептиков. Покуда же шансов на всеобщую

⁸ Там же.

исламизацию горцев даже у такого харизматического лидера было немного.

Инстинктивное, произвольное сопротивление шариатским реформам оказывали чеченцы, привыкшие жить по законам адата, в которых было много проверенных временем рациональных вещей. Отказ от них граничил с абсурдом. Мансур оказался меж двух огней, и это заставило его быть прагматиком. Он пошел на ряд уступок и недовольному духовенству, и блюстителям народных обычаев. Находившиеся в оппозиции к Мансуну муллы, нащупав слабинку в его теологической компетентности, пытались сыграть на этом в своей политике дискредитации его в глазах горцев.

Имам тотчас принял вызов и пошел в контрнаступление. Его проповеди зазвучали с особой силой, вдохновением, выразительностью. Они сопровождались новыми подвигами чудотворчества, укрепившими его репутацию прорицателя, против которой муллы оказались бессильными. Но самое мощное оружие против врагов и скептиков Мансур нашел в другом. Он поставил перед горцами большую цель, призванную объединить адат и шариат, материальное и идеальное, религию и политику. И тем самым сплотить разноязыкие племена вокруг вождя. Этой целью был газават (или джихад) – священная война против неверных, прежде всего русских, которые пришли покорять правоверных мусульман.

Газават был удобен тем, что освобождал от необходимости ломать голову над премудростями религии и разом решал все проблемы. Привычные для чеченцев и других горцев война и грабеж становились еще и богоугодным делом. Горские воины теперь будут возвращаться домой не только с богатой добычей, но и в ореоле героев, борцов за веру. Еще большее воздаяние ждет шахидов (мучеников, погибших в священной войне): с поля боя они напрямую попадают в рай, где их ждут прекрасные гурии. Свой приз – конечно, не в столь примитивном виде – получает и Мансур. Он приобретает непререкаемый авторитет имама и пророка, огромное моральное влияние на массы и преобразует их в реальную политическую власть над всеми горцами.

Правда, Мансур пока не представлял, как организовать эту власть институционально. Возможно, он, сложись у него все удачнее, нашел бы ответ и на этот вопрос. Перед его глазами были примеры внутреннего устройства дагестанских ханств, в разных их разновидностях. Любой из них сгодился бы для заимствования. Однако Мансур осознавал более важную на тот момент необходимость: для достижения его амбициозных целей нужна в первую очередь военная сила. Приблизительно с

марта 1785 года он сосредоточился именно на этой задаче в рамках подготовки кизлярского похода.

К началу мая Мансур, вероятно, уже располагал военным отрядом в несколько тысяч человек⁹. Что с ними делать, он до поры до времени не знал. С кизлярской экспедицией имам явно не спешил (к неудовольствию заждавшихся горцев): это был очень опасный шаг из категории «ва-банк», начинать с которого он не хотел, ибо первая же неудача в столь крупном деле грозила поставить крест на всех его замыслах.

Детально разработанного генерального плана действий у Мансура не было и позже. Но попытаться проследить общее направление его мыслей все же стоит. В повестку дня он поставил идеологическую экспансию, осуществляемую, в зависимости от степени сопротивления народа, соответствующими, то есть не обязательно военными, средствами. Смысловое ядро проповедей Мансура постепенно наполнялось идеей объединения всех новообращенных мусульман, независимо от этнического происхождения, под его властью. Религия превращалась в политику, политика – в войну.

Мансур как социальное явление рожден целым комплексом факторов, не столько тесно переплетенных, сколько запутанных в тугой, почти гордиев узел. Их природа до сих пор остается во многом непроясненной из-за очевидного дефицита исторической информации. *Восполнить* этот недостаток по объективной причине (исчерпанность документальной базы с точки зрения ее количественных характеристик), похоже, уже не удастся. Но *компенсировать* его можно путем учинения в отношении имеющихся в распоряжении исследователей источников новых «допросов с пристрастием», как выразился бы Марк Блок.

ГИБЕЛЬ ОТРЯДА ПЬЕРИ: УРОК ДЛЯ УСВОЕНИЯ

Русские военные власти в Кизляре и Астрахани поначалу не поняли, что происходит. С декабря 1784 года до конца сентября 1785-го командующий русскими войсками генерал

П.С.Потемкин¹⁰ находился в Петербурге по вызову Екатерины II. Он, по выражению одного современника, «оставил Кавказскую область со всех

⁹ Дубровин Н. Указ. соч. Т.2. С.90, 99.

¹⁰ Тройродный брат фельдмаршала и президента Военной коллегии князя Г.А.Потемкина, могущественного фаворита Екатерины II.

сторон обеспеченную тишиною»¹¹. Замещавший П.С.Потемкина генерал-поручик М.Н.Леонтьев, хотя и получал из Чечни тревожную информацию, всех масштабов опасности, видимо, еще не представлял. Сталкиваться с такой ситуацией доселе не доводилось. Она и в самом деле выглядела необычно: какой-то самозванец, объявивший себя пророком, волнует народ, рассказывая ему небылицы, обещая райскую жизнь...

Похоже, острее других опасность почувствовал находившийся вдалеке от событий П.С.Потемкин. Генерал не знал подлинной природы этого феномена, но смутно догадывался о скрытом в нем взрывоопасном потенциале. Отсюда его приказ – «усмирить волнение в самом начале и не дать самой малой искре произвести пламень»¹².

Глубоко вникать в смысл происходящего не было времени. Что бы ни скрывалось в сути этого явления, требовались контрдействия. Усмирять чеченцев приходилось дважды (1758, 1783), и оба раза применение силы давало быстрый результат. Но тогда причина волнений была другой. Тогда русские войска появились в чеченских аулах для наказания их жителей за обычные грабительские набеги. Теперь же набирало силу социальное движение непонятного происхождения, что заставляло искать адекватный ответ.

Князь Г.А.Потемкин, конечно, не преминул распорядиться о сборе войск, однако новизна момента состояла в том, что он не спешил пускать их в ход. Полковнику Н.Ю.Пьери, через П.С.Потемкина, было приказано «дать знать прельщенным от лжепророка, что единое средство к отвращению предстоящего им бедствия есть выдача сего обманщика, без сомнения, подосланного от противной стороны (нарек на Турцию. – В.Д.), и что в случае упорства (здесь и далее курсив мой. – В.Д.) подвергнут они себя всей тяжести наказания. Весьма желательно, чтобы дело сие было окончено без пролития крови»¹³.

Вина и, возможно, беда Пьери состояла в том, что он не понял или не захотел понять суть данного приказа: произвести операцию психологического устрашения, предполагавшую применение силы лишь после решительного отказа горцев подчиниться. Остается лишь гадать, какие причины (не исключено, что это жажда обрести славу

¹¹ Жизнь Александра Пищевича, им самим описанная // Чтения в Императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1885. Кн.1. С.70.

¹² Дубровин Н. Указ. соч. Т.2. С.100.

¹³ Там же. С.101.

легким и сомнительным путем) побудили полковника обойти вниманием предписание вначале оповестить чеченцев и действовать в зависимости от их ответа.

Вместо этого, Пьери решил застать их врасплох и 4 июля 1785 года начал войсковую операцию. Не дожидаясь подмоги и тем самым нарушив инструкции П.С.Потемкина, Пьери попробовал обойтись малыми силами (одним полком и одним батальоном). Он явно посчитал чеченцев как противников недостойными сил больших. И жестоко поплатился за это.

Вначале все шло по плану. Русский отряд двинулся к резиденции Мансура, аулу Алды (400 дворов). Его жители, для которых это стало полной неожиданностью, бежали вместе со своим предводителем. Село подверглось разорению, и, хотя поймать лжепророка не удалось, все же материал для победной реляции у Пьери имелся. Скорее всего, главным козырем полковника могло бы стать предположение, что воспоминаний об этом жесте устрашения чеченцам хватит надолго.

С этими мыслями Пьери пустился в обратный путь. Это была та же лесная дорога, по которой он прошел днем ранее без особых проблем. С «одной лишь» разницей: там теперь его поджидали превосходящие силы чеченцев, засевшие в чаще деревьев и кустарников. Фактор внезапности был на их стороне. «Оживший» лес стал полной и фатальной неожиданностью для Пьери. На колонну, широко растянувшуюся на узкой тропе, обрушились яростные атаки горцев. Впрочем, особой нужды атаковать у них в принципе не было. Как удачно заметил В.А.Потто, «невидимый враг бил из густой чащи на выбор»¹⁴. Организовать эффективное сопротивление в таких условиях не представлялось возможным. Почти весь отряд, включая командира, был уничтожен.

Поражения уже после решенной боевой задачи становились печальной традицией для русской армии, болезнью, против которой пока не было противоядия. Да его, похоже, и не искали, надеясь, что уж в следующий раз такое не повторится. Уроки конца XVI – начала XVII века (в шамхальстве Тарковском, где русские войска потерпели два тяжелых поражения, и чеченской экспедиции 1783 года) не пошли впрок.

Узнав об этом деле, князь Г.А.Потемкин написал своему брату (4 августа 1785 года): «Мне жаль Пиерия (Пьери. – В.Д.), но не столько,

¹⁴ Потто В.А. *Исторический очерк кавказских войн от их начала до присоединения Грузии*. Тифлис, 1899. С.169.

как людей, ибо вся потеря произошла от его безрассудной запальчивости. Да притом еще Чеченцы правы: им в силу моего предписания не было объявлено, чтобы выдали бродягу, а пришли (войска Пьери в Алды. – *В.Д.*) прямо воровски; но как же им не обороняться от разорителей? Я нетерпеливо желаю твоего на месте пребывания. Постарайся произвести в Чеченцах раскаяние. В то же время можно им дать чувствовать, что сие дело исполнено было своевольным предприятием, а не по повелению»¹⁵.

Это очень красноречивый документ во всех отношениях. Из него явствует, прежде всего, что приказ, повлекший трагические последствия, был отдан князем Г.А.Потемкиным. Пьери грубо отступил от его буквы и духа, и в этом смысле основная вина вроде бы ложилась на него. Но дело в том, что Пьери в какой-то степени искупил ее своей смертью, которая, впрочем, служила для фельдмаршала слабым утешением. Г.А.Потемкин прекрасно осознавал, что, в конечном счете, вся ответственность за происшедшее – на нем. Во всяком случае – перед императрицей. Как будет выглядеть эта прискорбная история в глазах Екатерины Алексеевны? Вот вопрос, беспокоивший фаворита едва ли не в первую очередь. Ему мучительно не хотелось расстраивать государыню горькой правдой.

Такая мотивация, разумеется, не была чужда и Павлу Сергеевичу, но для него, находившегося не так близко к трону, она не имела столь определяющего значения. Кроме того, экспедиция Пьери случилась в его отсутствие, что позволяло П.С.Потемкину назвать вещи своими именами. Вероятно, поэтому он это и сделал в своем докладе в Военную коллегию.

Светлейшему князю эта откровенность крайне не понравилась. В письме к брату от 16 октября 1785 года он сердито вопрошал: «Долго ли будем придавать Пиериеву делу титул несчастливому», как будто «вся уже армия (кавказская. – *В.Д.*) ... истреблена?» И далее: «Недоволен я был, что и вы... придали Алдинскому делу плачевное название. Прошу сие впредь называть глупым делом»¹⁶. Морально оправдывая чеченцев, которым не оставили никакого выбора, как защищаться, князь Потемкин фактически оправдывал самого себя, отдавшего распоряжение – заранее честно предупредить алдинцев о последствиях невыдачи Ман-

¹⁵ Письма к графу П.С.Потемкину // Русский архив. 1879. №8. С.432.

¹⁶ Там же. С.432–433.

сура, что подразумевало ожидание ответа. И в этом оправдании имелся смысл.

Куда меньше его было в предписании фельдмаршала принести чеченцам, по сути, извинение в форме извещения их о том, что Пьери совершил «своевольное предприятие». Освоить такую логику горская психология была не в силах. Какой толк могла найти она в этих пояснениях после того, как русские войска разорили Алды дотла? Горцам нужны были не извинения, а отмщение. Эту «моральную» категорию они понимали хорошо. Те же оправдания, которые им собирались предложить, воспринялись бы, особенно теперь, после их триумфальной мести, как трусливое заискивание перед героями-победителями. В свою очередь, для понимания такого рода вещей была непригодна «великодушно-имперская» логика князя Г.А.Потемкина, часто увлекавшегося предположением, что горцы мыслят так же, как он.

Между тем «светлейший» быстро потерял интерес к вопросу «кто виноват?». Его больше волновал тот факт, что на Северном Кавказе «все в расстройке», даже в умах военных. К такому выводу его привело не только поражение от Мансура, но и неспособность должностных лиц «ясно описать обстоятельства» этого происшествия: «все основано на слухах и гаданиях». После унижительного фиаско Пьери князь Г.А.Потемкин ускорил запланированное ранее укрупнение полков и произвел некоторую структурную реорганизацию в кавказских войсках, призванную усилить их маневренность и более эффективно распределить между ними зоны ответственности.

Справедливости ради нелишне заметить, что среди русского офицерства было немало и тех, кто остро ощущал необходимость учиться умению вести эту странную горную войну. Учиться на собственном опыте и во многом по наитию, ибо военные учебники далеко не всегда годились «для отыскания чего-либо сходного». Иначе говоря, опираться на прецеденты из мировой стратегической практики было, как правило, бесполезно. Каждая боевая ситуация в горах имела свои коварные особенности. На микроуровне эта учеба имела особое значение, она была вопросом жизни и смерти. Поэтому командиры мелких подразделений осваивали науку выживания быстрее и успешнее генералов, которым, впрочем, тоже приходилось радикально пересматривать свои представления и приноравливаться к «другой войне».

**ЧТО ДЕЛАТЬ С ПОБЕДОЙ
НАД РУССКИМИ?**

Ничто не могло бы подействовать на воображение чеченцев сильнее, чем «чудо из чудес», продемонстрированное Мансуром. Русская неудача, как писал С.М.Броневский, «про-

славленная и увеличенная в горах, привела горские народы в высокоумие и тем вяще утвердила доверенность их к Шаху Мансуру (так в тексте. – В.Д.). Разнеслось предубеждение, что при нем магометане будут непобедимы и даже ядра российские вредить им не смогут»¹⁷.

Пророческий статус и авторитет Мансура упрочились настолько, что их не смогла затмить следом проведенная операция возмездия, в ходе которой горцы понесли существенный урон в живой силе (не менее двухсот человек). Мансура признали своим вождем почти все чеченские общества. Мало кто осмеливался критиковать его распоряжения и вводимые им нормы жизни, даже самые несуразные и противоречившие духу ислама.

Мансур все яснее осознавал, что путь к политической власти пролегал не только через проповедь, но и через достойное материальное вознаграждение сподвижников за приверженность вождю и его учению. Идеальным источником такого вознаграждения был богатый Кизляр, о предстоящем и столь долгожданном походе на который Мансур торжественно возвестил сразу после победы над Пьери. Но Кизляр был не только торговым городом, где имелось чем поживиться, но и крепостью с гарнизоном, способным оказать сопротивление. «Пророк» понимал: одно дело нанести поражение окруженному в лесу русскому отряду, используя партизанские методы, другое – атаковать укрепленную крепость по всем правилам военного искусства. Поэтому он решил прежде выбрать уязвимые места, чтобы не рисковать, ставя на карту свою полководческую репутацию.

В июле 1785 года Мансур напал на маленький Каргинский редут, верстах в пяти от Кизляра. Поскольку, несмотря на огромное численное превосходство, овладеть редутом горцам не удалось, они подожгли его. Взорвавшийся в результате пороховой погреб уничтожил укрепление. Отряд, посланный из Кизляра, где узнали об этом деле случайно, подоспел поздно, но тут же ударил по чеченскому воинству, посеял среди них

¹⁷ *Новейшая Известия о Кавказе, собранные и пополненные Семеном Броневским. СПб., 2004. С.345.*

беспорядок и загнал в топкие болота (там Мансур едва не потонул), откуда они с трудом выбрались, чтобы бежать за Терек.

Однако горская молва, не без помощи пропагандистского искусства имама, разнесла не эти подробности, а рассказы о его новой славной победе над нечестивцами. Сам же Мансур понял, что для похода на Кизляр его войско еще недостаточно велико и боеспособно. Вопрос, кем пополнить его, встал остро и срочно.

Имаму пришлось отказаться от своего повелительного тона, который он еще совсем недавно позволял себе в отношении кабардинцев, когда, в ответ на их приглашение приехать к ним, дал понять, что это они должны явиться к нему, а не наоборот. Теперь в свете насущной необходимости в наращивании боевой силы Мансур готов был сам отправиться в Кабарду за подмогой. А это уже напоминало скорее просительный акт, чем требование. Имам унимал свою гордость неспроста. Кабардинцы были широко известны своей великолепной военной организацией и выучкой. В «мирное время» все это растрчивалось на междоусобицы, приближавшие Кабарду к полному политическому распаду. Мансур предложил другую область применения этого исторического капитала – борьбу с Россией, ее пособниками и, вообще, с неверными.

«Пророк» вселил надежду во многих. В нем увидели объединяющую и примиряющую силу, третейского судью, гаранта против произвола князей не только по отношению к своим крестьянам, но и к своим васалам¹⁸. Эти люди многократно жаловались русским властям, но те воздерживались от вмешательства, балансируя между различными социальными силами, дабы сохранить влияние на каждую из них. И такая позиция зачастую не устраивала всех. С точки зрения нейтрализации этих противоречий, Мансур, имя которого обрастало легендами, представлял собой таинственное и поэтому более обнадеживающее явление, в котором каждый додумывал то, что ему было по душе.

В кабардинском обществе, раздираемом усобицами, однозначного отношения к «пророку» быть не могло в принципе. Его воспринимали с настороженностью не только лояльные к России князья. Делиться властью и влиянием на своих «подданных» не хотел никто. Речь могла идти лишь о военно-союзнических отношениях для достижения общей на данный момент цели. Ответ на вопрос, в чем эта общая цель, на первый взгляд, прост – борьба против России. Но без надежды на победу

¹⁸ Узденям – некоему аналогу мелкопоместного служилого дворянства.

любая борьба бессмысленна. Мансур обещает победу, и теперь выбор был за кабардинцами – верить ему или нет.

В отличие от «пророка», кабардинские князья имели долгий исторический опыт общения с Россией и имели более достоверное представление о ее силе. Вполне вероятно, что эти знания заставляли осторожно относиться к рассказам о военных «триумфах» Мансура. При всей объективной заинтересованности кабардинской знати в третьей силе, а кабардинских крестьян – в защитнике от «своих» мироедов нетрудно было предположить, что за услуги Мансура в наведении порядка в расколотом обществе, где не все жаждут этого самого порядка, придется платить. Вопросы «кому, чем и сколько» были далеко не праздными.

Имелось еще одно обстоятельство чрезвычайно деликатного характера. От чужака, претендующего на лидерство, требовались неоспоримые доказательства обоснованности таких претензий. Тем более если учесть, что эти доказательства должен был предъявить какой-то безродный пастух, и не кому-нибудь, а кабардинским князьям, знавшим свои родословные наизусть и отличавшимся особыми манерами, в чем-то похожими на правила поведения западноевропейского рыцарства.

Это было крупным психологическим препятствием на пути распространения харизматической энергии Мансура. Массового, всенародного подъема в Кабарде не произошло, хотя какая-то часть населения (князь Малой Кабарды Дол со своими людьми) присоединилась к имаму, да и то весьма условно, оставляя за собой большую свободу действий.

В конце июля 1785 года Мансур, вместе с примкнувшими к нему кабардинцами, появился около Григориополиса, небольшого редута между Владикавказом и Моздоком (не путать с Григориополисом на Кубани). Используя преимущества местного ландшафта, горцы осадили укрепление и стали готовиться к штурму, открыв сильный ружейный огонь по противнику. Видя бесполезность такой тактики, Мансур велел поджечь окрестные строения, чтобы под прикрытием дымовой завесы атаковать укрепление.

Руководивший обороной подполковник Вреде, знавший нравы противника, ответил своей хитростью. Он стал выпускать из крепости скот мелкими партиями. Горцы, позабыв обо всем, бросились на добычу и попали под артиллерийский огонь, понеся большие потери. Не дав войскам «пророка» опомниться, Вреде предпринял стремительную контратаку и обратил их в бегство. Осада Григориополиса закончилась полным провалом.

Если российские власти рассчитывали на поучительный эффект данного события, то напрасно. Лишь немногие кабардинцы, участвовавшие в предприятии Мансура, принесли русским властям повинную и вернулись в свои села. Социально-политическое напряжение в Кабарде не спадало, а скорее даже усиливалось. Еще больше углубился традиционный раскол между князьями. Одни поддерживали Мансура, другие остались верны России, третьи пребывали в нерешительности, пытаясь сохранить нейтралитет и испытывая противоречивые чувства к обеим сторонам.

Мансур, стремившийся к устранению междоусобного беспорядка на основе объединения горцев под знаменем ислама, добился противоположного. Беспорядок не исчез, а усилился из-за смятения, внесенного в сознание знати и простонародья. Люди плохо понимали, чего именно хочет от них Мансур. Понятым он становился лишь тогда, когда звал грабить русские поселения. Все остальное было слишком сложным, требовало работы мысли, отказа от обычаев предков – то есть радикальных изменений, которые горцам претили.

Если раньше социально-политические противоречия на Северном Кавказе находились в более или менее статичном состоянии, то Мансур, вопреки задуманному, привел их в хаотическое движение. Обычный кавказский беспорядок, относительно стабильный и «гармоничный», приобрел другую динамику. Он распространялся стихийно, как лесной пожар, и в основном в западном направлении – Кабарда, Черкесия.

Каждый князь, каждый вождь племени, каждый уздень старался приноровиться к этому почти броуновскому движению, найти в нем свой интерес. Общего политического знаменателя в этом движении не было. Вставая под флаги Мансура, знать и «чернь» преследовали разные цели. В каком-то смысле можно представить себя на месте тех и других. «Пророк» ведь шел на запад не столько увещевать, сколько подчинять своему «учению» и своей воле. Церемониться со строптивыми он не собирался. Нужно было либо оказывать ему сопротивление, либо покоряться. Для кабардинской знати Мансур был слишком очевидным политическим соперником, который мог нанести чувствительный удар по ее слабым социальным тылам.

Власть князей над зависимыми категориями населения, перед лицом тех проповедей Мансура, в которых порой слышались нотки эгалитарной риторики, оказывалась под угрозой. Для устранения именно этой угрозы знать предпочла присоединиться к пришельцу. А простолюдины, напротив, видели в нем силу, способную решить проблему, в отно-

шении которой Россия проявляла непоследовательность, – освободить их от повинностей, скорее ненавистных, чем непосильных.

Но это лишь грубая, умозрительная схема. В реальной жизни все было далеко не столь однозначно и всегда по-разному – когда сложнее, а когда и проще.

У историка есть все основания задуматься над вопросом, а почему Мансур не стал развивать свою военно-идеологическую экспансию в другом направлении – Кумыкия, Центральный, Приморский и Южный Дагестан? Не потому ли, что в социально-политической текстуре Северного Кавказа он старался нащупать самые слабые места, чтобы управлять беспорядком, поставив его на службу своим планам?

И еще вопрос – а, собственно, что это были за планы? Если они предполагали создание теократического государства (наподобие будущего имамата Шамиля), то это был абсолютно «сырой» проект. В документах, касающихся движения Мансура, нет намека даже на общие контуры идеи строительства такого государства. Это подсказывает гипотезу. Возможно, лояльное отношение кабардинской знати к имаму объяснялось тем «успокаивающим» фактом, что он не располагал институтом организованной власти, способной подчинять общество. Как бы там ни было, чтобы дестабилизировать ситуацию на Северном Кавказе, «политики», проводимой Мансуром, хватало вполне, но для стратегического управления данной ситуацией соответствующих доктринально-политических и личностных ресурсов у него было явно недостаточно.

Искать в этом утешение русские военные власти не могли себе позволить. В конкретной обстановке августа–ноября 1785 года для них не имело никакого значения, носило это движение политический характер или нет. Главное заключалась в том, что с распространением слуха о Мансуре заметно участились набеги горцев на русские поселения Северного Кавказа – набеги, как и прежде, не имевшие никаких иных целей, кроме грабежа, угона скота и пленения людей. Особенно активизировались кабардинцы и закубанские черкесы.

Мансур продолжал обещать горцам большие победы над русскими и большую добычу. Выполнить эти обещания и доказать свою военную состоятельность можно было, лишь захватив Кизляр. После неудачной первой попытки (нападение на Каргинский редут) ничего не оставалось, как предпринять вторую, на этот раз уже прямо нацеленную на Кизляр. Одним лишь объявлением о своем намерении Мансур обеспечил приток в свои ряды самой разношерстной массы, влекомой отнюдь не высокой

исламской эзотерикой, а совершенно земными побуждениями. Кроме чеченцев и кабардинцев, это были люди из лезгинских и кумыкских обществ.

Но Мансуру не удавалось решить проблему управления горцами в рамках хотя бы какой-то организации, достойной иного названия, чем «скопище», обычно употреблявшегося в документах того времени. Чем быстрее шел прирост горского воинства, тем выше становился уровень его дезорганизации. Это ставило перед Мансуром сложнейшие полководческие задачи, справиться с которыми было вне человеческих возможностей. Нападение на Кизляр, наконец-то, после более чем четырехмесячной подготовки, последовавшее в августе 1785 года, – еще одно тому доказательство. Мансур имел почти пятикратное превосходство (10–12 тысяч человек против 2,5 тысяч обороняющихся).

Кизлярский гарнизон еще никогда не стоял лицом к лицу с такой опасностью. Среди гражданского населения началась паника. Парадокс, однако, заключался в том, что численное преимущество горцев оказалось на руку не Мансуру, а русским. Сам он, безусловно понимая, в чем состояли просчеты, допущенные им при атаках на Каргинский редут и Григориополис, рад бы был не повторять их, если бы все зависело от его воли. Но стихия набега подчинялась лишь собственной логике, исключая военно-стратегические и тем более политические задачи. Эта стихия заставляла Мансура, какие бы планы он ни вынашивал, становиться банальным предводителем предприятия, преследующего единственную цель – добычу.

Он пытался внести в действия горцев осмысленность, научить их шире смотреть на вещи, направить внутреннюю энергию общества в реформаторское русло. Но тщетно. Революционный замысел Шейх-Мансура понимали лишь избранные. Да и они схватывали идею скорее интуицией, чем разумом. Даже сам «пророк» не был готов придать ей четкое звучание – ни в теоретическом, ни в практическом плане. Мансур не был великим знатоком Корана, но он обладал исключительным социальным чутьем, подсказавшим ему мысль о необходимости максимально вульгаризировать тонкие духовные материи, чтобы сделать их более или менее доступными массовому восприятию.

По большому счету, нападения на русские крепости и вообще борьба против России были для Мансура не самоцелью, а средством социальной мобилизации горцев для осуществления (как позволительно опять-таки лишь осторожно предполагать) государственно-теократического проекта. Пожалуй, единственное, но зато главное, что различимо в его

смутных контурах, – это принцип надэтнического объединения горцев на основе исламизации и вытеснения адатов. Россия – враг постольку, поскольку она стояла на пути к этой цели и вынашивала совсем другие планы в отношении Северного Кавказа. Мансур воевал с Россией лишь потому, что именно она была основным препятствием к осуществлению мечты. Россию нужно было представить в образе врага и соединить этот образ с материальными стимулами в виде обещания богатой добычи для борцов с неверными: другого способа придать обычной военно-набеговой практике горцев перманентный и целенаправленный характер не существовало.

Этим обусловливался его настойчивый интерес к Кизляру, выразившийся в новой попытке захватить город. Это был объект, достойный его амбициозных военно-политических планов. Но внутренняя сущность этих планов вновь и вновь оказывалась вне пределов понимания тех, кто шел за «пророком». Атаковав окрестности Кизляра (19–20 августа 1785 года), горцы предались грабежу, совершенно потеряв из виду стратегическую цель – овладение крепостью. Это дало обороняющимся выигрыш во времени и возможность правильно подготовиться к контр-наступлению, в результате которого войска Мансура понесли чувствительные потери и «в беспорядке отступили за Терек».

Нападение на Кизляр во второй раз закончилось неудачей. «Пророк» поначалу не стал возвращаться в Чечню, где он потерял поддержку, а скрылся в кумыкских аулах, из которых он, после скитаний, выбрал в качестве места пребывания чеченское село Эндирей. Рядом с ним осталась лишь горстка (девять чеченцев) беззаветно преданных ему людей. На тот момент прежний социальный ресурс Мансура был почти полностью исчерпан. Имам больше не мог рассчитывать на тех, кто на своем скорбном опыте убедился, что его «пророчества», обещанные им победы над русскими и сопутствующее материальное вознаграждение – миф, развеянный под Кизляром, богатства которого служили главным источником боевого вдохновения.

Теперь рекрутская база Мансура, судя по всему, заметно сузилась и еще больше маргинализировалась. Под его знамена, с которых окончательно стерлись «идейные» лозунги, стали стягиваться «толпы бездомников, искателей приключений, вообще людей сомнительного поведения»¹⁹. Мансур, понимая всю бесплодность перспективы превратиться в классического предводителя разбойников и заложника их примитив-

¹⁹ Потто В. Кавказская война... Т.1. С.147. Ср.: Юдин П. Указ. соч. С.219–222.

ных устремлений, начал искать сторонников за пределами Чечни и Дагестана (где ему уже не верили). Ему нужны были не свидетели и не жертвы его поражений, а те, для кого он пока еще оставался легендой. Сохраниться этот легендарный образ мог лишь на приличном удалении от дурнопамятных мест вроде Кизляра. Логика, с которой у Мансура было все в порядке, подсказывала единственный вариант – искать продолжение своей «военно-политической карьеры» на западе от Чечни, то есть в Кабарде и Черкесии.

КАК ВОЗРОДИТЬ УВЯДАЮЩУЮ ЛЕГЕНДУ?

Поражения Мансура не произвели на горцев того впечатления, на которое рассчитывали русские власти. Вместо разочаровавшихся, у него, пусть и не в прежних количествах, появи-

лись новые последователи, еще не имевшие опыта военных неудач под знаменами «пророка». Мансур оставался точкой притяжения для определенной части горцев. Для одних (абсолютное большинство) – по сугубо материальным соображениям, как полководец, обещавший и, возможно, способный организовать крупные промысловые рейды; для других (мизерное меньшинство) – по соображениям духовным, связанным с исканиями новых идеалов и новых основ общественной жизни.

В Эндирей, где поселился Мансур, стали стекаться люди с разными мотивациями – партиями и поодиночке. В начале сентября у него собралось до 500 человек. Это, конечно, не те 10–12 тысяч, что атаковали Кизляр, но зато примечателен сам факт, что новую волну рекрутов составляли горцы, представлявшие географически более обширную, чем прежде, территорию. Это были уже не только чеченцы и кумыки, проживавшие в треугольнике Аксай – Эндирей – Костек, но и люди из аулов Казанищи, Губден, Эрпели, Карабудагкента, Каякента и даже из столицы Аварского ханства Хунзаха.

Даже некоторые обычно лояльные к России кумыкские князья, чтобы не потерять влияние на своих подвластных, были вынуждены принять сторону Мансура. Они вполне искренне оправдывались перед русским начальством безвыходным положением, хотя кое-кто из них, возможно, и сочувствовал «пророку».

Среди сочувствовавших были многие кабардинские князья, по-прежнему недовольные покровительственной политикой России в отношении бежавших от них холопов. Русским властям предъявили соответствующие требования, в случае невыполнения которых князья ос-

тавляли за собой право присоединиться к Мансуру. Вероятнее всего, кабардинская знать, свысока смотревшая на беспородного «пастуха», рассматривала его лишь как идеальную возможность шантажировать Россию. Подчиняться ему она, конечно, и не думала.

Перед Мансуром остро стояла проблема набора в его «армию». Причина не только в трех военных неудачах, оттолкнувших от имама чеченцев – основной костяк его войска. Дело еще и в другом. Замыслы его были слишком аморфны, чтобы широкие массы захотели проникнуться ими. Идея «освобождения от гнета России» являлась совершенно неактуальной, потому что этого гнета никто не ощущал по причине его отсутствия: *во внутреннюю жизнь горцев российская администрация практически не вмешивалась.*

Религиозный мотив объединения против неверных также не имел достаточного консолидирующего потенциала. Тотально доминирующей духовной и социально-организующей силой ислам на Северном Кавказе так и не стал из-за мощного сопротивления адата. Преодолеть его в условиях, когда главный вдохновитель антиадатного движения сам находился в мучительных поисках, было невозможно. Для соединения высокой идеи с реалиями жизни требовалось еще очень много недостающих обстоятельств и объективного, и субъективного характера. Созревание этих обстоятельств представляло собой сложнейший процесс, управлять которым даже выдающаяся личность была не в состоянии. Единственное, что оставалось Мансуру – играть на восприимчивости горцев к материальным стимулам, на не слишком ярко выраженных противоречиях между «верхами» и «низами» общества, а также на антироссийских настроениях определенной части северокавказской знати.

В начале сентября имам опять объявил, что пойдет на Кизляр. Те, кто уже однажды обжегся на этом предприятии (в основном чеченцы), отказывались вновь испытывать судьбу и предлагали совершить набег на другое злочинное место (Калиновскую станицу). Однако вождю требовалась не столько добыча, сколько символ победы над русскими гяурами, как средство привлечения новых приверженцев.

Найти живую силу в количестве, достаточном для решения военно-политических задач, было трудно. Постоянно держать рядом с собой без дела большую массу людей Мансур не мог: ни один аул не согласился бы на такой обременительный постой. Горцы привыкли собираться на короткое время, а после набега расходиться по домам. Для воспитания у них других привычек нужна была огромная преобразовательная работа, а она, в свою очередь, требовала исторически подготовленной социаль-

но-политической почвы. Но именно с этим дела обстояли совсем не так, как хотелось бы имаму, и он был вынужден приспособливаться к такой ситуации.

Поэтому в течение сентября месяца Мансур распустил (а возможно, они разошлись сами) 500 человек, откликнувшихся на его призыв к новому нападению на Кизляр, но которых было для этого явно недостаточно. Рядом с ним осталось человек сто. В их сопровождении он стал объезжать кумыкские аулы, куда приезжали на переговоры и кабардинские князья. Ключевым моментом этой агитационной кампании оставалось обещание взять в Кизляре богатую добычу. Мансур вольно или невольно становился идейным вдохновителем этого нападения, хотя его будущим участникам никакой идеи не требовалось.

Охладевшим к нему чеченцам имам заявил, что публично предаст себя сожжению, если и на этот раз ему не удастся выполнить обещанное. Большинство горцев без энтузиазма выслушало «окружное послание» Мансура и оставило его без ответа.

Активнее реагировали на призывы Мансура некоторые представители кабардинской знати, вновь предложившие ему явиться к ним и руководить военными действиями против России. Тот не решился, зная, что безусловной поддержки в Кабарде у него никогда не будет. Вместо самого «пророка» кабардинцы получили от него знамя и инструкции – тревожить русских на всем протяжении Кавказской линии²⁰, пока он будет атаковать Кизляр.

Поведение кабардинских князей в этот период современники и историки склонны рассматривать как непосредственную реакцию на агитационно-пропагандистскую кампанию Мансура. Если они и правы, то, скорее всего, лишь отчасти. Князья не имели ничего против того, чтобы их просветили в вопросах, касающихся правильного соблюдения мусульманских обрядов и благочестия. Но они не принимали в проповедях имама то, что можно было истолковать как социально-эгалитарные, «антифеодальные» идеи.

Поскольку в идее дагестанско-чечено-кабардинского военного союза против России наличествовал политический подтекст, вопрос о том, кто будет главенствовать в этом объединении и как долго, имел для амбициозных элит Кабарды принципиальное значение. Ведь одно дело – предоставление временных полномочий военному предводителю, спо-

²⁰ Цепь небольших русских укреплений и казачьих станиц, протянувшаяся от устья Терека до верховьев Кубани.

собному направить набеговую стихию в организованное русло с целью причинения России максимального ущерба и принуждения ее к серьезным уступкам. Другое – построение теократического государства, где один будет властвовать, а остальные ему подчиняться. Весьма проблематично, чтобы кабардинские князья, имевшие исторически сложные отношения с кумыками и чеченцами²¹, согласились бы поставить над собой человека, воспитанного не в традициях хабзз²², будь он даже семи пядей во лбу и пройди он все круги премудростей Корана.

Складывалась довольно противоречивая конъюнктура, обусловленная конфликтом интересов. В принципе для кабардинской элиты сближение с господствующим классом Российской империи имело судьбоносное значение. И в этом смысле ей было не по пути с Мансуром, выгоды от союза с которым не шли ни в какое сравнение с преимуществами дружбы с Петербургом. Последний, однако, вызывал сильное недовольство своим нежеланием возвращать князьям их беглых холопов, нашедших приют на Кавказской линии. Выражалось это недовольство как в петициях, так и в отместке (в виде набегов на русские поселения – вовсе не обязательно на те, что укрывали беглецов). И тут сугубо военное взаимодействие с Мансуром и общее волнение, которое он сеял среди горцев, оказывались весьма кстати.

Между тем сам Мансур пока ничего особенного не предпринимал. От нового набега на Кизляр он всячески уклонялся, ссылаясь на желание горцев атаковать более предпочтительные цели, расположенные между станицами Шелкозаводской и Щедринской. Имам, ясно видя, что горцев интересует одно – «разорить селения и отогнать табуны», – вынужден был сообразовываться с этой мотивировкой. Но даже для сравнительно мелких разбойничьих вылазок у него не хватало сил, о чем свидетельствовало неудачное нападение на Каргалинскую станицу. Не солоно хлебавши вернулись и чеченцы (начало октября 1785 г.) из своих самостоятельных рейдов в Наурскую станицу и Моздок.

Популярность Мансура, его авторитет проповедника нельзя отождествлять с реальной властью, установить которую в Чечне никому и никогда не удавалось. Допустимо говорить о той или иной степени влияния имама на определенную часть населения; но силу, характер, досто-

²¹ *Первых они считали своими давними «геополитическими» соперниками, вторых – своими холопами.*

²² *Свод строгих поведенческих норм у кабардинцев, чем-то похожий на западноевропейские средневековые рыцарские кодексы.*

верные объекты этого влияния историкам предстоит выяснять еще долго. Открытым остается и вопрос о причинах резких перепадов уровня восприимчивости людей к призывам Мансура в пределах этнически однородных поселений и даже отдельно взятого аула.

Имам стал пленником своего рационального ума, подсказывавшего: самым активным компонентом в механизме его воздействия на простых горцев является не столько пропаганда правильной, безгрешной жизни, сколько его вождизм промыслового толка, сулящий богатую добычу в набегах. От него ждали не поучений, а умелой организации прежде всего этой стороны «общественной» жизни. Такая ситуация подрывала реформаторские планы Мансура, заставляя перенаправлять его амбиции в другое, более прозаическое русло. Удержать возле себя сколь-нибудь значительное количество горцев в походном состоянии представляло собой задачу неимоверной сложности. Иной объединяющей цели, кроме грабежа, у них не было.

Подавляющее большинство населения Северо-Восточного Кавказа, – вне зависимости от степени интереса к личности Мансура или сочувствия к его учению – присоединиться к нему не решалось. Многие вообще не понимали, чего он хочет. А те, кто понимал, что от них требуют принципиально изменить вековые устои своей жизни, не собирались этого делать. Способность осознать и принять такие дерзкие идеи – всегда удел единиц.

Отдельной проблемой для Мансура были кабардинцы, руководствовавшиеся более сложными мотивами в своем отношении к имаму. Их интересовали набеги не только как традиционный промысел, но и как средство политического давления на Россию, которая своими имперскими планами, с одной стороны, подрывала социальный престиж и ограничивала привилегии кабардинских князей, с другой – становилась объективным препятствием на пути их геополитической экспансии. Именно в экспансии они искали спасение от системного распада Кабарды. Ввиду массового бегства крестьян и холопов на территорию России, князья становились правителями без «подданных». Их высокий социально-политический статус терял смысл. В целях его сохранения они готовы были с остатками челяди переселиться куда угодно. Наиболее предпочтительное направление – Черкесия, где князья к тому же надеялись восполнить то, чего они лишились в Кабарде, – демографический потенциал – за счет некоторых черкесских племен, издавна находившихся в той или иной степени податной зависимости от кабардинской

знати. В каком-то смысле ставилась задача – создать вместо старой, распавшейся и обессиленной Кабарды новую, но на другом месте.

**П.С.ПОТЕМКИН ПЕРЕХОДИТ
В НАСТУПЛЕНИЕ**

П.С.Потемкин хотел понять военные планы Мансура, о которых тот сам не имел точного представления. 12 октября 1785 года имам с отрядом горцев собрался переправиться на левый (северный) берег Терека у станицы Старогладковской, в нескольких десятках верст к западу от Кизляра. Вопрос был в том, куда он предполагал идти дальше – на Кизляр или в сторону Кабарды?

В любом случае перед русскими войсками стояла задача – помешать переправе. Это было легко сделано с помощью всего лишь сотни казаков и одного орудия. После этого «сражения» намерения имама прояснились. Он отказался от нападения на Кизляр и двинулся на запад, вверх по течению Терека, выискивая места для безопасной переправы и уязвимые места в русской обороне на той стороне реки.

Увидев, что Шейх-Мансур находится в походном состоянии – а оно всегда источник притяжения внимания горцев – к нему стали стекаться вооруженные люди (в основном чеченцы, кумыки, лезгины), и к концу месяца численность их, судя по донесениям русских военных, приблизилась к 20 тысячам. Даже если верить этой цифре, то она скорее создавала проблемы для Мансура, чем решала их. Долго удерживать эту массу возле себя он не мог, ибо ее нужно было продовольствовать, что являлось задачей невероятной сложности. Иначе войско начинало расходиться по домам или жить по своим законам. Единственное, что оставалось имаму, – занимать горцев постоянным движением, мелкими стычками с русскими, грабежами. Впрочем, на южном берегу Терека грабить было некого – разве что своих соплеменников – чеченцев. Отсюда стремление Мансура перебраться на северную сторону: зажиточные казачьи поселения располагались там. Но это было совсем не просто. По левому берегу Терека, параллельно войскам имама, двигались русские войска, не давая неприятелю скрыться из виду.

24 октября 1785 года Мансур, которому, видимо, показалось, что он ушел от преследования, решил совершить переправу у станицы Червленной. Однако туда вовремя подоспел отряд полковника Лунина и несколькими залпами из орудий сорвал планы противника.

Горское войско несколько дней стояло на месте. Двигаться на отощавших лошадях было невозможно. Не хватало еды и для людей. Продовольственный вопрос становился критическим. Частично эту проблему Мансур решил за счет жителей Брагун. Имам послал в аул реквизиционный отряд (26 октября), силой забравший оттуда скот и муку, а также разоривший армянскую общину в «Горячих колодцах».

Поскольку этого оказалось недостаточно, Мансур обратился к князьям Малой Кабарды с просьбой о срочной помощи и, похоже, получил ее. Приведя свою «интендантскую» часть в относительный порядок, он возобновил движение на запад.

Теперь у П.С.Потемкина не оставалось никаких сомнений, что противник хочет соединиться с кабардинцами и атаковать русские позиции. Появилась четкая цель – не допустить этого соединения и навязать Мансуру «генеральное сражение», которого он всегда избегал, прекрасно понимая, что не в этом его сила. В соответствии с изменившейся обстановкой П.С.Потемкин быстро перегруппировал силы так, чтобы не допустить проникновения противника в Большую Кабарду и, тем более, дальше на запад, в Черкесию. Учитывая возможность присоединения к нему кабардинских князей с их боевыми дружинами, П.С.Потемкин сконцентрировал около Моздока двухтысячное войско под командованием полковника Л.Т.Нагеля – пехоту, конницу, казачьи сотни, артиллерию. Сам же наместник возглавил более крупную группировку – 5 700 человек, – ставшую лагерем на реке Малка. Скорее всего, он взял на себя стратегическую задачу – не допустить прорыва Мансура на запад, если тому удастся ускользнуть от Нагеля или, того хуже, одолеть его.

Общая ситуация, со всех точек зрения (военной, социально-психологической, внешнеполитической и даже климатической – поздняя осень на Северном Кавказе непредсказуема), была крайне неопределенной. П.С.Потемкину сложно было судить о подлинном военном потенциале Мансура и его конкретных тактических планах. За последние три–четыре дня октября имам стремительно преодолел расстояние от станицы Червленной до слияния Терека и Уруха, то есть приблизительно сто верст, через всю Малую Кабарду. На этом марше он мог получить существенное прибавление к своим войскам за счет враждебно настроенных к России кабардинцев. Что представляли собой его силы к началу ноября, Павел Сергеевич не знал.

Ясно было одно: нельзя терять время, отдавая инициативу в руки неприятеля. В конце октября 1785 года отряд Нагеля выступил из Моз-

дока и направился на юг в поисках противника. По мере приближения к Кавказскому хребту, полковник, по оставленным и сожженным селам, понимал, что его заманивают в горы, где готовится «теплая» встреча. Задача Нагеля состояла в том, чтобы нанести решающий удар по противнику на открытой местности, до того как тот окажется в привычном для себя горно-лесистом ландшафте: там преимущество будет на стороне «неправильных», партизанских методов ведения боевых действий.

Мансур, видя, что русские это понимают и не дадут заманить себя в ловушку, решил рискнуть, поскольку отряд Нагеля и так уже углубился в предгорную местность. На рассвете 30 октября 1785 года войско имама, имея многократное численное преимущество, окружило русских в большой излучине Терека, южнее Моздока, и атаковало их со всех сторон. После пятичасовой рукопашной схватки, в которой «обе стороны сражались с одинаковою храбростью», атака была отбита. Нападающие отступили на исходные позиции, засев в мелких лесистых ущельях, откуда они открыли беглый огонь по противнику. Нагель приказал выбить горцев из укрытий, что и было сделано в результате «самого ожесточенного боя». Мансур, как сообщают источники²³, понес тяжелые потери. Имама это не остановило. Он сообщил князю Долу, что русские окружены и дело лишь за тем, чтобы добить их. Но для этого ему потребуется помощь кабардинцев.

Возможно, эта помощь была бы предоставлена, если бы П.С.Потемкин заранее не учел данного обстоятельства и не отрядил часть своих войск для наступления на Большую Кабарду с северо-западной стороны, с линии реки Малка. Это в какой-то степени охладило и Мансура, и кабардинских князей, собиравшихся примкнуть к нему.

Однако положение Нагеля вселяло тревогу. Горцы имели заметное численное превосходство и не отказывались от намерения нанести ему поражение. Действовал имам не без выдумки. Запрудив мелкие речки, обеспечивавшие лагерь Нагеля водой, Мансур заставил русских переместиться еще ближе к горам, к местечку Татартуп²⁴. Здесь атаковать неприятеля горцам было сподручнее. Кроме того, свертывание лагеря было ими принято за отступление, а это означало еще и то, что вступало в силу правило: горцам показывать спину нельзя.

2 ноября около семи часов утра отряд Нагеля подвергся стремительному нападению войск Мансура. Они были организованы по этниче-

²³ См.: Дубровин Н. Указ. соч. Т.2. С.128–129.

²⁴ Между современными станцией Змейской и селом Эльхотово, что в Северной Осетии.

скому принципу. И этот же принцип использовался в тактике боя. С правого фланга действовали «лучшие кабардинские наездники под руководством князя Дола», с левого – аварцы, с тыла – «кумыки под начальством самого Мансура» и, наконец, «с фронта – главное скопище, состоящее из чеченцев и прочих мелких племен»²⁵. Любопытен и не вполне понятен тот факт, что Мансур возглавил не своих соплеменников, а кумыков. Именно с ними он пошел в решающую атаку, используя очень хитроумные приспособления для защиты от артиллерийского огня.

Это, однако, не помогло. Нагель, сдержав ожесточенный натиск, ответил контрнаступлением, применяя в основном штыковые атаки, в результате которых горцы обратились в бегство. П.С.Потемкин доносил князю Потемкину, что «число убитых у злодеев весьма велико». О русских потерях не сообщалось. Пожалуй, единственное, что может констатировать историк, имея на руках такую «статистику», это факт поражения Мансура. Что касается материального и морального ущерба, понесенного имамом, то о размерах его свидетельствуют рапорты подчиненных П.С.Потемкина, от капрала до полковника, поданные в течение недели после события. Все они сходятся в одном: неприятель был вынужден бежать без оглядки, оставив «все свое имущество» и знамена²⁶.

Бегство сопровождалось полным разложением и деморализацией войска, от которого фактически ничего не осталось. Среди тех, кого уже смело можно было называть бывшими сторонниками Мансура, начались жестокие раздоры, растворившие в крови последние остатки общей идеи, если она вообще существовала. Лезгины и чеченцы устроили между собой резню. Многие горцы, лишившись всего, не решались возвращаться в свои родные аулы с позором. У тех, у кого оставались конь и оружие, продавали их за бесценок, чтобы купить немного хлеба. Некоторые обменивали на еду даже свою одежду.

В горах, быть может, самым страшным и унижительным испокон веков являлся статус лишенца, вырванного из защитной социальной оболочки (в виде родового аула или сильной фамилии) и неспособного постоять за себя. С точки зрения тогдашней и тамошней ментальности, это уже не субъект, а объект отношений между «полноценными» людьми. Иначе говоря – пленник и живой товар. Именно в таком качестве и

²⁵ Дубровин Н. Указ. соч. Т.2. С.129.

²⁶ Там же. С.130; Потто В. Кавказская война... Т.1. С.149.

воспринимались сунженскими чеченцами обнищавшие и полураздетые скитальцы, брошенные на произвол судьбы участники кабардинского похода Мансура, искавшие прибежища и спасения от голодной смерти на любых условиях. Чеченцы обращали этих уже безоружных «бездомников» в рабство или продавали на невольничьих рынках, в том числе туркам.

Нагель, конечно, понимал, что он победил, но судить о последствиях поражения противника полковник поначалу не спешил. Победа далась ему нелегко. Почти неделю (с конца октября по 2 ноября) его отряд был в состоянии повышенной боеготовности, двигаясь от Моздока до Татартупа (приблизительно 60 верст) по пересеченной, незнакомой местности, подвергаясь постоянной опасности нападения, испытывая нехватку фуража. Два трудных боя с горцами (30 октября и 2 ноября) изнурили войска до крайности. Преследовать противника на некормленных лошадях Нагель не решился, тем более что он ничего не знал о ближайших военных планах Шейх-Мансура.

Уже имевшийся исторический опыт сражений с горцами говорил о необходимости соблюдения осторожности, даже когда они побеждены и «рассеяны». Именно в таких ситуациях выясняется, что у них припасены неприятные сюрпризы для тех, кто посчитал, что их песня спета. До того, как стало очевидно, что это не тот случай, Нагель принял решение, во избежание подобных сюрпризов, не только не углубляться в горы в поисках противника, но и отойти поближе к Моздоку, чтобы не растягивать коммуникационную линию. Только некоторое время спустя появились основания полагать, что от нанесенного удара Мансур оправится не скоро – ни физически, ни морально.

Вера в имама была сильно подорвана. Жители аула Алды во главе со своим кадием явились к Мансуру с такими словами: «Ты много прежде обещал нам, но ничего не исполнил и подверг только нас мщению русских. Что теперь ты нам скажешь: оставаться ли нам на зиму в деревне или разойтись и скрыться в горах?» «Я не князь ваш, – ответил Мансур, – делайте, что хотите»²⁷. Возмущенные таким ответом, алдинцы чуть было не накинулись на своего знаменитого односельца, но кадий²⁸ остановил их.

²⁷ Дубровин Н. Указ. соч. Т.2. С.132.

²⁸ Судья, занимавшийся производством уголовных и гражданских дел по нормам шариата.

Чеченцы и дагестанцы поняли, что «пророк» снял с себя всякую ответственность за свою «паству» и отныне те, кто не без причины опасался возмездия со стороны русских, должны сами позаботиться о своем спасении. Одни стали уходить в горы, другие (как, к примеру, жители Эндирея) – обносить свои аулы рвом и строить оборонительные сооружения.

Мансур, видимо, потерял желание затевать что-либо с воинством, у которого инстинкт грабежа был настолько силен, что парализовал все остальное, в том числе решение элементарной, с точки зрения логики и тактики боя, задачи – для начала хотя бы реализовать численное превосходство над противником, чтобы добиться победы, а уже потом пожинать ее плоды. После разгрома Мансур вернулся в Алды, но, поскольку и в родном ауле он не чувствовал себя в безопасности, ему пришлось бежать в горы, в аул Шали, к брату своей жены.

Для русских властей самым важным военным и политическим последствием поражения Мансура явилось пресечение наиболее опасной тенденции – развития движения в направлении Кабарды и Черкесии, где он мог бы мобилизовать новые ресурсы для продолжения борьбы против тех, кто был основным препятствием на его пути, – России и ее местных приспешников. Татартуп произвел отрезвляющее воздействие на кабардинцев.

В военно-политических планах Петербурга в то время Кабарда занимала особое место именно потому, что такую же роль она играла в планах Мансура. Иمامу, исчерпавшему себя на Северо-Восточном Кавказе, как воздух необходим был прорыв туда, где он мог начать все заново.

Чечня оказалась ему не по силам ввиду своего неукротимого безначалия, помноженного на патриархальный консерватизм. Дагестан – из-за своих государственно-политических институций²⁹, показавших достаточный запас прочности, чтобы выдержать натиск революционно-реформаторских идей, тем более весьма аморфного толка. Но самое главное – те края стали свидетелями впечатляющих военных поражений Мансура, вождя, поднявшегося над массой во многом благодаря обещаниям сокрушить Россию и обеспечить победителей богатой добычей.

²⁹ *Шамхальство, ханства, уцмийства, майсумства и т.д.*

Имаму требовалось новое, более перспективное поприще для приложения его идей и талантов. В этом плане Кабарда, даже при ее раздробленности и междоусобицах, представляла интерес и как военная организация со славной исторической репутацией, и как дорога на Северо-Западный Кавказ. Там, в условиях близости османских владений, открывался простор для деятельности совсем другого, международного масштаба.

Полному удовлетворению П.С.Потемкина от кампании 1785 года мешал тот факт, что Мансур остался на свободе и мог начать все сначала. Приблизительно в середине ноября 1785 года наместник сформировал довольно сильный отряд для учинения поисков «лжепророка» с последующим его арестом. Готовилась не карательная экспедиция, а демонстрация силы. Чтобы изолировать Мансура от тех горячих голов, которые вновь захотят попытать счастья под его знаменами, гарантировалась неприкосновенность горцам, решившим больше не поднимать оружия против русских.

Однако приближающаяся зима и недостаток продовольствия заставили П.С.Потемкина отложить экспедицию. Это была не совсем та нота, на которой генерал планировал завершить 1785 год. Но никаких причин ожидать драматического поворота событий вспять он не видел. Настроение П.С.Потемкину подняло также полученное им в конце года сообщение о том, что горцы покинули Мансура и он скрылся в отдаленном горном ауле Шали, где собирался построить дом и поселиться навсегда в качестве частного лица.

Задавался ли Мансур вопросом о том, каковы объективные результаты его стремления заставить чеченцев и дагестанцев жить по-иному? Стоило оно тех несчастий, которые обрушились на головы простых горцев? Достаточно ли хорошо чувствовал он социально-культурную среду, превращенную им в поле для эксперимента? Мучился ли имам угрызениями совести?

Мы этого не знаем. Известно только, что за веру в обещания «пророка» избавить их от пороков прежней греховной жизни эти несчастные горцы расплатились избавлением от всего, что они в той жизни имели, включая родной очаг. Их поход в райское царство свободы от «гяуров-притеснителей» закончился либо на том свете, либо в рабовладельческих хозяйствах Кавказа и Турции, где воины ислама стали живым инвентарем и собственностью своих правоверных собратьев.

* * *

Где и как найти точный инструмент для измерения подлинных, немифологизированных масштабов событий, связанных с восточно-кавказским этапом движения Мансура? И, вообще, существует ли он для тех, кто не склонен увлекаться баснословием?

Документы, направлявшиеся в Петербург русскими военными властями на Северном Кавказе, зачастую открывают перед историком противоречивую, а порой просто странную картину. Вроде бы нет оснований не доверять сообщениям 1785 года о тревожном состоянии края, о «крайнем замешательстве» и «полном расстройстве дел». Но, когда начинаешь анализировать отчеты о сугубо боевых операциях, видишь, за редкими исключениями, ничтожность их масштабов. В военных сводках фигурируют преимущественно события, которые язык не поворачивается назвать «сражениями». К примеру: «отогнали партию, покушавшуюся впасть в наши пределы». Или: «собравшееся у переправы через Терек скопище было рассеяно», «воровская шайка, завидев приближение наших войск, обратилась в бегство». Иначе говоря, речь идет о банальнейших ситуациях, характерных для трехвековой истории не всегда добрососедских отношений между Россией и Северным Кавказом.

Возникает вопрос: почему военно-политические и оперативно-стратегические оценки обстановки подчас столь явно не совпадают с реальными фактами?

Одного ответа, скорее всего, нет. Возможно, первое обстоятельство, над которым стоит задуматься, связано с общим характером отношений между центральными властями (в лице императрицы и ее ближайших сановников) и военной администрацией на Северном Кавказе. Лишь на первый взгляд они выглядят просто: есть официальные установки Петербурга, а выполнение их – дело наместника и его подчиненных. В реальности же не было изначальной статичности ни в правительственном курсе, ни в способах его осуществления на местах.

Из зачастую противоречивых информационных сигналов, шедших снизу (и не только от П.С.Потемкина), в Петербурге пытались составить цельную картину, не всегда, быть может, осознавая до конца, что эта цельность образуема не иначе как из мозаики противоречий.

Процесс принятия принципиальных стратегических решений обуславливался взаимодействием между Петербургом, со всей его сложной бюрократической механикой, и Кавказским наместником, опиравшимся не только на собственное видение ситуации, но и на мнение своих гене-

ралов, соприкасавшихся с горами непосредственно. Трудно найти точное, математическое соотношение степеней влияния друг на друга двух элементов в рамках вертикали «центр – периферия». Что в Петербурге не могли обойтись без фактического и концептуального материала, содержавшегося в донесениях с Кавказа, нет сомнений. Сомнения, однако, вполне правомерны в отношении качества анализа и синтеза, то есть сугубо интеллектуальных процедур, которым подвергался этот материал.

Какой бы ни была реальная сила этого движения Мансура, П.С.Потемкин не усматривал для себя никакой выгоды в том, чтобы преуменьшать его значение. Поэтому оставалось одно – преувеличивать, поскольку за рутинную борьбу против горских «шалостей» наград не дают. Наместник объективно был заинтересован в использовании момента для создания впечатления, будто на Кавказе идут масштабные боевые действия. И чем красочнее они будут представлены, тем выше цена русских побед.

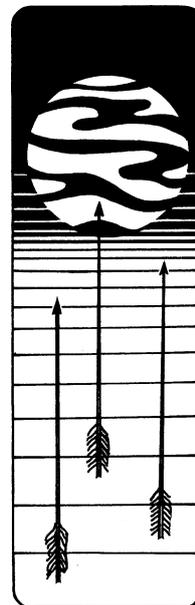
Одним словом, желательно было бы поднять северокавказские события до уровня, подпадающего под определение «война». Это не значит, что в докладах в Петербург черное именовалось белым и наоборот. Вместе с тем П.С.Потемкину вовсе не хотелось, чтобы там думали, будто он занят лишь будничной административно-хозяйственной работой, нацеленной на приобщение местных народов к цивилизованному образу жизни. Похоже, именно этим объясняется наличие гипертрофированных элементов в имеющейся в распоряжении историков общей картине движения Мансура – картине, главным средством воссоздания которой до сих пор остаются русские источники.

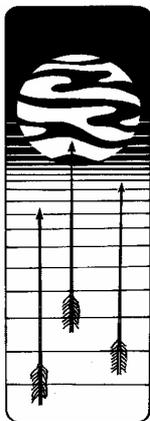
(Продолжение следует)

Художественное сообщение создает художественную модель какого-либо конкретного явления – художественный язык моделирует универсум в его наиболее общих категориях, которые, будучи наиболее общим содержанием мира, являются для конкретных вещей и явлений формой существования. Таким образом, изучение художественного языка произведений искусства не только дает нам некую индивидуальную норму эстетического общения, но и воспроизводит модель мира в ее самых общих очертаниях. Поэтому с определенных точек зрения информация, заключающаяся в выборе типа художественного языка, представляется наиболее существенной.

Обладая способностью концентрировать огромную информацию на «площади» очень небольшого текста <...> , художественный текст имеет еще одну особенность: он выдает разным читателям различную информацию – каждому в меру его понимания, он же дает читателю язык, на котором можно усвоить следующую порцию сведений при повторном чтении. Он ведет себя как некоторый живой организм, находящийся в обратной связи с читателем и обучающий этого читателя.

Ю.М. Лотман





Андрей Юрганов

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЯЗЫК ДРЕВНЕЙ РУСИ КАК ПРОБЛЕМА

НА ПРИМЕРЕ ЛИЦЕВОГО
ЛЕТОПИСНОГО СВОДА
ИВАНА ГРОЗНОГО¹

ПУТИ ДУХОВНЫХ ИСКАНИИ

УДК
93/94

The author deals with study of ancient Russia miniature pictures contained in the Facial chronicle code of Ivan the Terrible. This is the unique memorial of the Russian Middle Ages. In 2004 "Acteon" publishers made the first facsimile publication of the Facial code. Dozens volumes and 16 thousand miniature pictures that illustrate the world and the Russian history were presented and became available in many Russian and foreign libraries. Now access to the first (and subsequent) volumes of the Facial Chronicle Code (in e-version) is possible only by virtue of Internet. It should seem that the publication guarantees knowledge. But it is not so: the sign nature of miniatures is to be in reconstructed for understanding their content. The issue concerns the experience reconstruction of the unknown language specific to the Russian culture. This language has determined the way of text and artistic image "reading". One of the main problems of the article is the study of an ancient Russian artist's horizon of freedom. Whether this artist was not free in his creative work or he was a creator of his own artistic world?

Ключевые слова: Лицевой летописный свод; миниатюры; Иван Грозный; реконструкция; типология знаков.

Kew words: the Facial Chronicle Code; miniature pictures; Ivan the Terrible; reconstruction; typology of signs.

E-mail: iurganov@yandex.ru

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта «Идеологические модели культуры в истории России Средневековья и Раннего Нового времени (исторические и историографические аспекты)» в рамках федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России 2009–2013» и при поддержке программы стратегического развития РГГУ.

Технический прогресс вмешивается и в дела исторической науки: еще недавно изучение Лицевого летописного свода Ивана Грозного (далее – ЛЛС) казалось предприятием почти безнадежным ввиду неслыханно большого объема текста и иллюстраций (миниатюр) и практической недоступности памятника для исследователя. Первое факсимильное издание этого уникального памятника было осуществлено в 2004 году издательством «Актеон» (Москва). Десятки томов древней рукописи, 16 тысяч миниатюр, иллюстрирующих всемирную и русскую историю, увидели свет, стали доступны во многих библиотеках России и за ее пределами. Теперь доступ к первым (и последующим) томам ЛЛС (в электронном виде) возможен через Интернет.

7–9 декабря 2011 года в Баварской библиотеке (Мюнхен, Германия) прошла первая международная научная конференция, посвященная Лицевому летописному своду Ивана Грозного. В знак благодарности за полученный в дар экземпляр изданной рукописи немецкие коллеги организовали конференцию для обсуждения современных проблем изучения этого не только большого, но и загадочного памятника Древней Руси. Были приглашены специалисты из разных стран – Германии, России, США, Франции, Италии, Англии, Белоруссии.

Уже первый день конференции показал, что вопросов гораздо больше, чем ответов.

Первый доклад сделал С.М.Каштанов («О времени и причинах создания Лицевого летописного свода Ивана Грозного»). Он отметил, что вопрос о времени создания памятника – один из самых трудных, и предложил свое объяснение, которое заключается в том, что водяные знаки на листах рукописи относят момент начала работы над этим масштабным проектом царя Ивана Грозного к 40–50-м годам XVI века. С этой датировкой не согласился Б.М.Клосс («К вопросу о датировке Лицевого свода»). Он считает, что работа началась с 1568 года (это самая ранняя датировка), а закончилась в 1576-м. При обсуждении этих двух докладов сразу же обнаружились многие спорные вопросы, которые затрудняют понимание памятника: зачем потребовалось создавать такой монументальный труд, если в эти же годы шла работа над составлением Степенной книги царского родословия, фундаментальной основы в генеалогии царской власти? Зачем понадобилось такое количество книжных миниатюр. На кого этот памятник ориентировался?

В прениях по первым двум докладам с замечаниями и ремарками выступили Г.Лейнхофф, А.И.Филюшкин, А.В.Сиренов, В.Д.Назаров, К.Ю.Ерусалимский, А.Л.Юрганов, Е.В.Уханова и др. Несколько неочи-

данно прозвучало высказывание Е.В.Ухановой, изучившей филигранный Лицевой свод (при подготовке рукописи к изданию), согласно которому датировка по водяным знакам лишь затемняет, но не проясняет вопрос о времени создания памятника, ибо водяные знаки ЛЛС *не имеют аналогов в книжности* середины – второй половины XVI века (если судить по имеющимся справочникам).

Попытки некоторых историков объяснить смысл и значение ЛЛС, исходя из внешнеполитических соображений царя, не были приняты научным сообществом. Искусство древнерусских миниатюристов было символически-знаковым и столь не похожим на европейскую традицию, что вряд ли было бы понято европейцами, привыкшими к образцам ренессансного искусства. Если Степенная книга царского родословия делалась весьма тщательно (напоказ!), то ЛЛС обнаруживает следы недостаточной внимательности книжников, не исправлявших допущенные ошибки. «Степенная книга» – законченное произведение, а Лицевой летописный свод – незаконченное.

В докладах участников конференции большое внимание было уделено текстологическим сюжетам в сравнительном изучении ЛЛС. Наиболее продуктивно оказалось сопоставление свода со Степенной книгой царского родословия. В докладах А.В.Сиренова («Проблема выявления непосредственных источников Лицевого летописного свода», Санкт-Петербург), Г.Ленхофф («Степенная книга и создание Лицевого летописного свода», Лос-Анжелес), К.Ю.Ерусалимского («О ранних следах рецепции ЛЛС», Москва), А.С.Усачева («Памятники книжности эпохи Макария и Лицевой летописный свод», Москва) речь шла о перспективах научного исследования этих двух памятников. Сравнительно-сопоставительный подход в изучении Лицевого летописного свода обнаружил себя также в докладе В.Д.Назарова («"Летописец начала царства" и Лицевой летописный свод – два памятника двух эпох правления Ивана IV», Москва); соотношению памятника и книжного производства в России был посвящен доклад Е.В.Ухановой («Лицевой летописный свод и проблемы исследования книжного производства в России в 40–70-х гг. XVI в.», Москва). Многие выступления были специально посвящены семантике и символике миниатюр ЛЛС. Однако и при изучении знакового содержания древнерусских миниатюр не забывался сравнительно-исторический метод по выявлению топосов и образцов, сближающих русскую и европейскую культурные традиции. Так, Н.Квливидзе сообщила о немецких мировых хрониках, художественные образы которых мог-

ли быть образцами для древнерусских художников («Лицевой свод и немецкие мировые хроники: к проблеме рецепции образцов миниатюристами XVI в.», Москва); Р.Штихель рассматривал межкультурные и межконфессиональные связи в России эпохи создания ЛЛС; И.Граля обратил внимание на возможную связь миниатюры ЛЛС, изображавшей сражение при Орше 1514 г., с художественным произведением ягеллонской иконографии на ту же тему; А.В.Мартынюк увидел историю Балтийского региона в изображениях ЛЛС. В знаковой природе миниатюр исследователи продолжают искать свидетельства внутренней и внешней политики великокняжеской и царской власти. Б.Рахимзянов анализировал изображение Ивана Грозного на свадьбе Симеона Бекбулатовича («Иван Грозный на свадьбе Симеона Бекбулатовича: Насколько адекватно миниатюры Лицевого летописного свода царя Ивана IV Грозного передают внешнеполитические реалии XVI в.?»); А.Клеймола объясняла отражение судеб старицких князей в миниатюрах ЛЛС; Е.В.Шульгина рассказывала о миниатюрах «Царственной книги» ЛЛС, изображающих венчание великого князя Ивана Васильевича на царство в 1547 году; А.И.Алексеев объяснял события церковно-политической истории конца XV в., отраженные в миниатюрах ЛЛС. Семиотике княжеской (царской) власти, ее истории, бытованию в религиозно-политической традиции были посвящены доклады И.Тирет (Кент), Д.Островского (Гарвард), С.Н.Богатырева (Лондон); Р.Фрэтчера (Мюнхен), М.Флайера (Гарвард), Д.Роуланда (Лексингтон). О соотношении слова и образа, летописного текста и миниатюры в ЛЛС говорили Н.Коллман (Станфорд), Е.Крушельницкая (Санкт-Петербург), П.Гоно (Париж). Особый интерес вызвали библейские и агиографические сюжеты в ЛЛС: они привлекли внимание исследователей в связи с проблемой изучения «языка» художников-миниатюристов, – каким образом «читать» и понимать те или иные знаки в изображениях, если их исходные мотивы далеко не всегда очевидны. В докладах Л.И.Журовой («Сказания о явлениях чудотворных икон в структуре Лицевого летописного свода», Новосибирск); М.В.Плюхановой («Богородичная икона на древе», Рим-Перуджиа), Т.Е.Самойловой («Лаборатория библеистики. Фрески цикла "Чудеса Архангела Михаила" Архангельского собора Московского Кремля и миниатюры Лицевого летописного свода», Москва), Т.Даибера (Гессен), Е.И.Серебряковой («Миниатюры Библийских книг в составе Лицевого Летописного свода: иконографические источники и особенности художественной интерпретации текста», Москва), А.Л.Юрганова («Жест рукой как акт символической коммуникации в миниатюрах Лицевого летописного свода», Москва) рассматривались сим-

волицеские значения миниатюр ЛЛС. Бытовым военным сюжетам, отраженным в ЛЛС, был посвящен доклад А.И.Филюшкина («Физиология войны в Лицевом летописном своде: изображение воинов, предметов, вооружения, воинской организации», Санкт-Петербург).

Любая художественность в культуре древней Руси ограничивалась внехудожественными задачами, чаще всего назидательного, поучительного толка, или библейскими мотивами, которые выражали собой конечную (завершенную) истину в мировидении. Некоторые исследователи настаивают на том, что изучать собственно «художественные представления» следует в литературе: ей никак нельзя отказать в том, что она художественна (пусть и в меру, и в собственных границах). Ведь даже в границах богословия древнерусский автор находил *свои способы* художественно выразить тот или иной возвышенный смысл.

Видимо, правы и те, кто утверждает, что в культуре древней Руси нет изолированной художественности, и те, кто полагает, что древнерусской культуре присуща *своя* художественность. Нет парадокса, если переформулировать это так: древнерусская культура *в высшей степени художественна*, но она *не художественная*. Эта проблема становится особенно интересной, актуальной, когда мы обращаемся к Лицевому летописному своду Ивана Грозного.

Изучение миниатюр свода дает уникальную возможность понять, как художественность превращалась в сверхзадачу, какой никогда не было: комментировать библейские и исторические тексты художественными знаками, *специально придуманными* для художественного толкования текста. Здесь культура испытала большое напряжение сил, ибо *не так уж и просто* было решить подобную задачу *привычными средствами*. Проблема заключалась в том, что не всегда можно было найти «традицию» (т.е. принятые, повторяющиеся знаки), чтобы с их помощью изобразить – нет, не ситуацию, как в комиксах, – а смысл текста...

Обратимся к суждениям А.А.Амосова – одного из крупнейших знатоков ЛЛС.

Первое – явно пессимистическое:

...классическими методами описать (а следовательно, и проанализировать) такую систему, как миниатюры Лицевого летописного свода, практически невозможно. Попытки описания этой системы, предпринимавшиеся ранее, были заведомо обречены на неполноту, и, думается,

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЯЗЫК ДРЕВНЕЙ РУСИ КАК ПРОБЛЕМА

авторы их, сознавая невыполнимость задачи в целом, ограничивали себя попытками описания отдельных проявлений этой системы...²

Значит, нужны неклассические методы – и тогда миниатюры ЛЛС можно будет понять, несмотря на их грандиозный объем. Что же понимать под «неклассическими методами»? На этот вопрос Амосов прямого ответа не дал, хотя предложил свой подход к изучению цветовой гаммы миниатюр. В самом деле, можно ли понять символический язык, не зная законов этого языка? Ответ напрашивается сам собой: сначала – азбука, а уж потом – письменность, культура, символы, конвенции.

В этом направлении тональность высказываний Амосова уже оптимистическая:

...необходимым условием этого (понимания. – *А.Ю.*) является, впрочем, проникновение в характер и семантику языка художников-миниатюристов³.

Иначе говоря, весь невероятный объем миниатюр ЛЛС уже не пугает, если найден единый ключ к пониманию языка художников:

Показ отдельного изолированного события (т.е. книжная иллюстрация в современном виде) для древнерусского художника был невозможен, поскольку «вырывание» сюжесекундного действия из контекста (как бы моментальная фотография фрагмента реальности), из предначертанной и уже совершившейся цепи лишало данный фрагмент заданного ему смысла⁴.

В науке еще не было широкого обсуждения вопроса об основах реконструкции символической коммуникации в Лицевом своде; имеются только отдельные сюжеты с их толкованиями. Но они не составляют того знания, которое необходимо для понимания, как двигаться дальше по пути расшифровки художественного «языка» миниатюр Лицевого свода.

Одна из важнейших проблем сегодня – выработка стратегии на пути реконструкции символической коммуникации. Из чего исходить? Каковы те предварительные наблюдения, которые никак не предваряют выводы исследования, но имеют отношение к основаниям комплексного источниковедческого анализа?

² Амосов А.А. *Лицевой летописный свод Ивана Грозного. Комплексное кодикологическое исследование.* СПб., 1998. С.229.

³ Там же.

⁴ Там же. С.230.

Для иллюстрации некоторых методических основ реконструкции обратимся к первым миниатюрам первого тома ЛЛС о творении мира (и до потопа).

Итак, кажется бесспорным факт: Лицевой свод – это свод иллюстративный, направленный на то, чтобы иллюстрировать книжный (приводимый) текст. Отсюда следует, что нужно искать соотношение между изображением и текстом. А.А.Амосов в своей книге показал, как самые первые миниатюры соотносятся с библейскими цитатами. Этот путь – назовем его условно «генетический» – ведет к выявлению необходимой связи текста и миниатюры. Многие исследователи показывали на примерах из разных томов ЛЛС подобные соответствия. Однако меньше обсуждается проблема несоответствия – в нашем случае – даже библейскому тексту.

Специфика реконструкции особенно обнажается как проблема, когда мы обращаемся к первым миниатюрам первого тома ЛЛС, призванным иллюстрировать священные тексты.



Сюжет первый: Каин убивает Авеля (ЛЛС. Т.1. Л.9)

В каноническом библейском тексте ничего не сказано о дьяволе, по наущению которого происходит убийство Авеля. В первом же томе ЛЛС показано, как дьявол шептал Каину на ухо, смущал его сознание и как Каин убивает Авеля. Однако в приводимом (к миниатюре) тексте ЛЛС нет ни слова о том, что Каин убил Авеля «по наущению» нечистого. Что все это значит?

В толкованиях отцов церкви, Иоанна Златоуста и Ефрема Сирина, труды которых почти всегда включались в рукописные сборники, говорится о совершенной полноте ответственности Каина. На этом постулате строится дальнейший библейский текст – раскрывается идея *родовой* ответственности за содеянное. Никаких оправданий в духе каинитской ереси: дескать, это не Каин виноват, это дьявол его смутил!

Каин – человеческое проклятие; его сразу же пытались преодолеть Адам и Ева, просившие у Бога *другого* сына, и он родился, это был Сиф. Так стали различаться две ветви человечества – сифиты и каиниты.

Неужели миниатюристу ближе была каинитская ересь, чем поучение Ефрема Сирина?..

Очевидно, что миниатюрист обладал *творческой свободой* и свою задачу видел не в том, чтобы иллюстрировать текст механически – к каждому отрывку из Бытия приставлять картинку. Нет, он не просто иллюстрировал, а развернуто – при помощи художественных образов – *толковал* текст Библии, и потому его изображения *генетически* восходят к текстам, *комментирующим* Библию – к текстам Толковой Палеи (1494 г.). В ней, собственно, и присутствует этот мотив, который отсутствует в каноническом тексте, – мотив убийства Авеля *по наущению дьявола*, научившего Каина, как убить брата – взять камень и ударить в голову.

На миниатюре изображено, как Каин поднял руку с камнем, а на спине его дьявол; он что-то шепчет на ухо Каину и показывает, что нужно делать... Согласно Палее, дьявол после убийства Авеля сказал: «...и се оуже в большее зло вверх...»⁵. Разумеется, *генетическое* восхождение к Палее еще не означает, что миниатюрист шел таким же путем – от текста Палеи к миниатюре. Этот путь мог быть (и, скорее всего, был) опосредованным – через известные образцы иконописи. Так, после пожара 1547 года в Москве псковскими мастерами были написаны новые иконы с традиционными сюжетами, и в частности икона «Четырехчастная» из Благовещенского собора Кремля, которая содержит в

⁵ Порфирьев И.Я. Апокрифические сказания о ветхозаветных лицах и событиях. По рукописям Соловецкой библиотеки. М., 2006. С.106.

первой, ветхозаветной части изображение убийства Авеля, соотносимое с упомянутым выше толкованием Палеи. На иконе изображено, в соответствии с текстом Палеи, как Адам и Ева хоронят своего сына. Этого изображения, кстати, нет в миниатюрах ЛЛС...

Изображение убийства Авеля в ЛЛС не изолировано, оно *взаимодействует* с другим изображением, логически *предшествуя* ему, – это убийство самого Каина (на семантику изображения не обращали внимание исследователи), которое *также представлено* в Толковой Палее, но прямо никак не отражено в каноническом тексте книги Бытия.



Рече жамеху оном женема . а дднсема
ловсльшнптеглабмон . жемьламехуопыпъ

Сюжет второй: Ламех, убийство Каина (ЛЛС. Т.1. Л.10 об.)

Библейский текст:

...жены Ламеховы! внимайте словам моим: я убил мужа в язву мне и отрока в рану мне. Если за Каина отомстится всемеро, то за Ламеха в семьдесят раз всемеро (Быт. 4, 23).

Это признание Ламеха своим женам загадочное, если не видеть смысловое развитие текста в толкованиях («...если за Каина отмстится всемеро, то за Ламеха в семьдесят раз всемеро»). В библейском тексте на этом все заканчивается (без дополнительных объяснений), в Палее (1477) дается необходимое разъяснение.

Согласно толкованию: Ламех родился слепым «от утробы матери». У него две жены. Бог дал ему дарование – стрелять в животных, быть охотником, даже будучи слепым. Помогал ему юноша, который указывал на животных, и Ламех стрелял. На миниатюре изображен Ламех и юноша (у него нет бороды и усов!); юноша показывает, куда надо стрелять.

Бысть же в един день. Изыде Ламех слепый ловити лов. И наставник его юноша с ним. И бывшема близ юдолия. Рече наставник его юноша. Зрю в юдолии движущееся тростие, и мню яко скотина есть. И рече Ламех к нему. Направи роуку мою. Идеже скотине мниши быти. И направи роуку Ламехову юноша. И стрели Ламех стрелою. И оудари Каина и оуби его не знаа. Яко Каин есть. Разоумевше от оударения стрельного роукою яко человека оудари, и постенав бо Каин горко и издъше. И тако разуме Ламех яко уби Каина...⁶.

Этот рассказ Толковой Палеи (1477) заимствован из иудейской книги Сефер ха-Яшар. Разница между ними только в том, что руководителем Ламеха в русском тексте был юноша, а в Сефер ха-Яшар – сын Ламеха Тувалкаин⁷.

Согласно Толковой Палее (и еврейской книге) Ламех опечалился от того, что убил Каина, и, разведя руками, случайно убил юношу (ведь он был слепой): «И тако разуме Ламех яко оуби Каина и опечалился, и оудари юношу роукою и оуби его. И бяше плача Ламех...»⁸.

⁶ Порфирьев И.Я. Указ соч. С.105.

⁷ *Сефер ха-Яшар*, анонимное сочинение этического содержания, созданное, видимо, в XIII в. Называлось также «Толдот Адам» («История Адама») или «Диврей ха-ямим ха-арох» («Длинная хроника»). Первое печатное издание появилось в Венеции в 1544 г.

⁸ Там же.

На миниатюре мы видим *переосмысление этого сюжета*: Ламех здесь поднимает правую руку с каким-то предметом, левой рукой держит юношу, чтобы не убежал, и убивает его. Происходит жестокая расправа. Вина Ламеха усиливается – это уже мотив художника, его *видение* событий...

Согласно Толковой Палее, образ Ламеха предстает неоднозначным: он убил Каина, нарушил завет Бога, навлек на себя новое проклятие, случайно убил юношу, но *он первым* исповедуется («быв первый образ исповеданию⁹, и прият прощение от Бога, зане самоволен бысть себе запретитель»).

На миниатюре мы видим горестного Ламеха – левой рукой у виска он показывает свое страдание. Но является ли это покаянием, сказать трудно.

Этот пример показывает, что художник выполняет свою работу с *творческим заданием*, с некоей собственной идеей, концепцией, уходит от буквально-механистического иллюстрирования текста, создает свой метарассказ как *свой вариант* толкования.

Библия понималась тогда шире – как «книги»; они не сводились к одному кодексу. Для русского средневекового самосознания это широкий комплекс текстов и комментариев; художник явно не рассматривал канонический текст как единственно возможный – исходный для иллюстрации. Таким образом, «иллюстрация» текста парадоксально отрицает самое себя, ибо она иллюстрирует не только текст Бытия, но и то, *как видит и объясняет* библейские рассказы автор-миниатюрист...

Если считать, что генетический путь исследования, то есть путь от миниатюры к тексту, единственный в изучении Лицевого свода, то с подобным убеждением не трудно оказаться в исследовательском тупике.

Иллюстрируется такой текст:

Роди же Енос

Гаидад, и Гаидад роди Малелеила, и Малелеил роди Мафусала, и Мафусал роди Ламеха, и взял себе Ламех две жены, имя единой Адда, имя вторей Селла.

Итак, мы видим:

Четыре сына Еноса. В ряду.

⁹ Там же. С.106.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЯЗЫК ДРЕВНЕЙ РУСИ КАК ПРОБЛЕМА

Первый – Гаидад (Ирад). Второй – Малелеил (Мехиаэль). Третий – Мафусал. Четвертый – Ламех...



Родн же ено сои гаида. и гаида родн малелеила. и
малелеил родн мафусала. и мафусал родн ламеха.

Сюжет третий: внуки Каина (ЛЛС. Т.1. Л.10)

Страшное потомство: внуки Каина... В истории человечества не было более преступного потомства.

У Гаидада: рукава одежды спущены так сильно, так нарочито, что рук не видно. Художник буквально навязывает зрителю образ человека, у которого руки не случайно спрятаны рукавами одежды.

Малелеил – напротив: обнажает руки, как будто для него естественнее показывать зрителю свои ладони.

Мафусал – что-то «среднее»: правая рука обнажена, левая закрыта рукавом, причем так нарочито, как если бы миниатюрист знал творчество Аркадия Райкина, который в одной из своих миниатюр демонстрировал, как ему хорошо и замечательно сшили костюмчик.

Ламех – повтор одежды Мафусала...

Итак, пойдем привычным путем – «генетическим»: будем искать тексты, которые помогли бы найти разгадку столь странным образам внуков Каина...

Опишем кратко те варианты нахождения исходного текста, которые чаще всего возникают при «узнавании» той или иной миниатюры.

Текст канонический:

У Еноха родился Ирад (Гаидад); Ирад родил Мехиаеля (Малелеила); Мехиаель родил Мафусала, Мафусал родил Ламеха. (Быт. 4, 18)

В текстах Толковой Палеи находим только повтор канонического текста – без каких-либо комментариев. В древнерусских апокрифах – тоже повтор. Без комментариев! И в Книге Юбилеев, и в Книге праведного Еноха нет ничего, что могло бы пролить свет на это загадочное изображение.

Может быть, эта миниатюра, изображающая каинитов, – символ духовного падения человечества? Ведь одежды внуков Каина стремительно спускаются вниз, закрывая собой руки... Иными словами, не является ли это изображение каинитов размышлением художника-миниатюриста о судьбах человечества?

Когда люди начали умножаться на земле и родились у них дочери, Тогда сыны Божии увидели дочерей человеческих, что они красивы, и брали их себе в жены, какую кто избрал. (Быт. 6, 1-2)

Кто такие «сыны Божии»? Существуют два противоположных толкования этого выражения, хотя, как мы увидим, в чем-то они и сходятся.

Первое из них: «сынами Божьими» назывались потомки Сифа, как люди, *соблюдающие Слово Божье и верные Его завету*; а «дочерьми человеческими» назывались женщины из рода Каина. Мы помним, что в его потомстве отступление от Бога дошло до крайнего предела. А среди потомства Сифа были еще праведные люди и даже люди духовные (например, Енох). Основание для такого толкования некоторые видят в самой Библии:

Вы сыны Господа Бога вашего... (Втор. 14, 1)

Обращаясь к тем, кто исполняет заповеди, Бог говорит: «Вы сыны Божьи» – сынами Божьими нарекаются праведники. Заметим, что и каждый человек в каком-то смысле является сыном Божьим; не зря ведь земное родословие Иисуса Христа в Евангелии от Луки возводится прямо к Богу.

Из этого родословия становится понятным, что сынами Божьими именуются в некотором смысле все люди, особенно праведники – на-

пример, тот праведный род, к которому по плоти и принадлежал Иисус. Но и духовные люди, пророки, в Новом Завете называются сынами Божьими: «Ибо все, водимые Духом Божиим, суть сыны Божии» (Рим. 8, 14).

Согласно же другому толкованию, сынами Божьими в Книге Бытия называются ангелы; и это толкование соответствует мнению древнейших авторитетов в области теологии, в том числе некоторых отцов Церкви. Они ссылаются, например, на Книгу Иова, в которой говорится:

И был день, когда пришли сыны Божии предстать пред Господа; между ними пришел и сатана. (Иов. 1, 6).

Сынами Божьими здесь именуется ангелы. В конце Книги Иова сказано о том, что в момент основания земли ангелы радовались:

...Где был ты, когда Я полагал основания земли?..

...При общем ликовании утренних звезд, когда все сыны Божии восклицали от радости? (Иов. 38, 4-7).

Согласно этим словам, когда земля только еще создавалась, уже существовали сыны Божьи, т. е. ангелы, которые радовались и ликовали, наблюдая новое творение.

Слова из Послания Апостола Иуды говорят об «ангелах, не сохранивших своего достоинства» и наказанных «вечными узами» (Иуд. 1, 6). В Книге Еноха содержится подробное описание грехопадения ангелов, ставших злыми духами и использовавших дочерей человеческих для умножения на земле зла:

И случилось, – после того, как сыны человеческие умножились в те дни, у них родились красивые и прелестные дочери.

И ангелы, сыны неба, увидели их, и возжелали их, и сказали друг другу: давайте выберем себе жен среди сынов человеческих и родим себе детей! (Енох. 6, 1-2).

Эта история имеет отношение к существованию двух линий человечества – каинитам и сифитам. В миниатюре Лицевого свода иллюстрируется версия (Ефрема Сирина и др.), согласно которой сыны божьи это не ангелы, а сифиты, дочери же человеческие – это каиниты (ЛЛС. Т.1. Л. 14).

В «вертикальном» движении – от миниатюры к тексту (не важно: апокрифическому или каноническому) – возникает кризис: практически

все возможные тексты, известные исследователям, ничего не дают для атрибуции.

Может быть, речь идет о трудах отцов Церкви?

Наиболее известными и авторитетными толкователями первых глав книги Бытия были Ефрем Сирийский и Иоанн Златоуст. Отрывки из их трудов включались почти во все рукописные сборники.

Ефрем Сирийский в своих комментариях особенно был сосредоточен на судьбе Ламеха и почти ничего не сообщает о других внуках Каина.

Близко к Ефрему Сирийскому трактовал историю каинитов Иоанн Златоуст:

Далее говорится: и позна Каин жену свою, и зачавши роди Еноха. Сделавшись уже смертными, люди, естественно, всячески заботились о рождении детей. Но, может быть, спросит кто: как это, когда Писание нигде не упоминает о другой женщине, Каин имел жену? Не удивляйся этому, возлюбленный: божественное Писание нигде не делает точного исчисления женского пола, но, избегая всего излишнего, вкратце упоминает о мужах, и то не о всех; да и о них очень кратко повествует нам, напр., что такой-то родил сыновей и дочерей, и умер. И в настоящем случае можно полагать, что Ева после Каина и Авеля родила дочь, которую Каин и взял себе в жену. Так как это было вначале, а между тем роду человеческому нужно было размножаться, то и позволено было жениться на сестрах. Поэтому Писание, представляя нам самим дополнять остальное, говорит только: и позна Каин жену свою, и зачавши роди Еноха; и бе зиждай град во имя сына своего, Енох. Смотри, как (люди) уже умудряются мало-по-малу. Так как они сделались смертными, то хотят навсегда сохранить память о себе посредством детей, чрез наименование мест, которым давали прозвища детей. Но по всей справедливости можно сказать, что все это памятники их грехов и потери той славы, которою пользуясь, Адам и Ева ни в чем этом не нуждались, но были выше всего. Родился же Еноху, сказано, Гаидад: и Гаидад роди Малелеила: и Малелеил роди Мавусала. Мавусал же роди Лемеха. *Видишь, как сокращенно представил родословие блаженный Моисей, упомянув только о мужах, и не вспомнив ни об одной женщине* (курсив мой. — А.Ю.). Но, как о Каине сказал, что он познал жену свою, не показав однако нам, откуда он взял жену, так точно и здесь опять говорит: и взя себе Ламех две жены, имя единой Ада; и имя второй Селла. И роди, говорит,

Ада Иовила; сей бяше отец живущих в селениих скотопитателей. И имя брату его, Иувал; сей бяше показавый певницу и гусли (ст. 19-21)¹⁰.

Как видно, и комментарии отцов Церкви ничего не меняют в нашем незнании причин подобного странного изображения внуков Каина.

Может быть, имена потомков Каина подскажут выход из тупика?

У Еноха родился Ирад; Ирад родил Мехиаеля; Мехиаель родил Мафусала; Мафусал родил Ламеха. (Быт. 4, 18)

В оригинале каждое из этих имен значимо: Енох – «воспитанный»;

Ирад – «бодрствующий в нисхождении», от глаголов <ур> – «бодрствовать», и <йарад> – «нисходить», т. е. тот, кто не перестает опускаться, в духовном смысле, все ниже, принося все больше зла.

Мехиаель – от глагола <маха> – «изглаживать», «истреблять», и <Эль> – «Бог»; это можно понять и как «забывший Бога»,

и как «тот, кого Бог вычеркнул, истребил», т. е. «забытый Богом».

Мафусал (Метушаэль) – от <мот> – «смерть» и <шааль> – «просить», т. е. «просящий смерти».

Такова «духовная биография» потомков Каина, запечатленная в их именах. Воспитанник Каина Енох рождает духовно падшего Ирада, а тот – забывшего Бога Мехиаеля. Наконец появляется и желающий смерти (себе и другим?) Мафусал, человек, совершенно оставивший Бога и потому оставленный Богом.

...Мафусал родил Ламеха

Ламех – это имя означает «к слабости», т. е. «предназначенный для слабой, неувержденной жизни»: от глагола <мух> – «приходить в упадок», «слабеть».

И взял себе Ламех две жены: имя одной: Ада, и имя второй: Цилла. (Быт. 4, 19).

Однако упомянутые выше имена отчасти совпадают в двух линиях человечества, и потому совершенно неясно, как мог художник иллюстрировать свое отношение к именам каинитов, игнорируя имена сифитов...

Если мы не находим текста (к миниатюре), то в таком случае просто обязаны доказывать возможность осмысленной эзотерики как *основного мотива* ЛЛС в изобразительной сфере, что само по себе странно для свода, основной задачей которого была, прежде всего, *иллюстрация*

¹⁰ Святитель Иоанн Златоуст. Беседы на книгу Бытия (XX-я беседа).

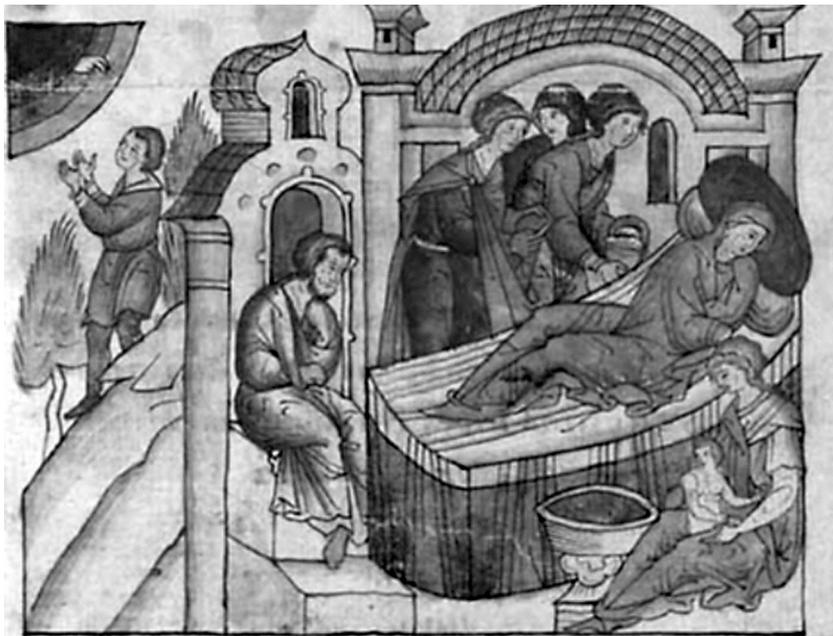
книжного текста. Значит, помимо «вертикали», необходима еще и «горизонталь» (как опыт реконструкции) – *типологический анализ* сходных знаков. Их повторяемость приоткрывает символический «язык» художников. Этот язык нигде, кроме как в типичных, повторяемых знаках, не найти...

Посмотрим на сюжет «внуки Каина» снова.

Все, что говорят об этом сюжете, заключается только в том, что один родил другого...

Что является неожиданным? Закрытые руки.

Но этот знак, если приглядеться, весьма часто повторяется в первом томе ЛЛС! В разных сюжетах он обозначает ... время рождения, что видно по фрагменту миниатюры.



Это время касается и мужчин, и женщин, – такова библейская логика (Авраам родил Исаака; Исаак родил Иакова; Иаков родил Иуду...).

Итак, первая фигура (Ирад) – это время...

Так и сказано: «роди»...

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЯЗЫК ДРЕВНЕЙ РУСИ КАК ПРОБЛЕМА

Вторая фигура (Малелеил) показывает свои руки зрителю. В типологии знаков Лицевого свода это означает «вот я».

Получается: Ирад родил Малелеила (Мехиаэла).

Но как Малелеил передает эстафету? Он наступает левой ногой на правую ногу Мафусала.

То же самое делает Мафусал в отношении Ламеха...

При типологическом сравнении видны повторы, которые помогают понять «язык» художника:



У́АРАЖЕАДРАМЛА, НЕРАЖАШЕЕМОУ. БЪА

Сюжет четвертый: Авраам, Агарь и Сара (ЛЛС. Т.1. Л.49)

Сара и Авраам наступают на ноги Агари, у которой руки в руках глубоко, что символизирует библейский рассказ, когда Авраам должен был «войти» к Агари, чтобы иметь сына...

Те же знаки родства у внуков Каина – наступание на ноги...

В случае с Сарой и Авраамом этот момент виден более отчетливо, и сравнение сюжетов дает основу для верификации смыслов. Кстати, когда беременной стала Сара, – ее художник тоже изобразил с полностью закрытыми руками.

Не зная языка художника, практически невозможно догадаться, кто Сим, кто Хам, кто Иафет, где изображены дети и внуки Ноя. Художник одной деталью дает понять кто есть кто: наступание на ногу. Хам позади Сима, Иафета – и понятно почему!



А́иже сѹть бытіа гѣноу ноевы, сима хам

Сюжет пятый: изображение детей и внуков Ноя (ЛЛС. Т.1. Л.21).

Полное соответствие миниатюры и текста – самое трудное и для художника-миниатюриста, и для зрителя. Как показать, что один мужчина родил другого (и тоже мужчину)? Никакое сколько-нибудь реалистическое изображение не сможет это продемонстрировать без ущерба авторитету текста. Символическое же изображение позволяет придумать систему опознавательных знаков, которые условно обозначают то, что иначе представить невозможно, – ведь требуется проиллюстрировать не столько библейское событие, сколько библейскую мысль! Значит, там, где есть полное соответствие миниатюры тексту (не обязательно в ЛЛС), – там и кроются подчас самые сложные (прежде всего, для иссле-

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЯЗЫК ДРЕВНЕЙ РУСИ КАК ПРОБЛЕМА

дователя) знаки, специально придуманные миниатюристом для более точного перевода библейских рассказов на язык художественных символов.

Возможна ли при этом эзотерика? Как художественный принцип – нет: это противоречило бы замыслу Лицевого свода как иллюстративного. Но поскольку мы не знаем «языка» художника, то не все сюжеты сразу открываются... Они могут быть «эзотерическими», но лишь в силу недостаточной изученности памятника. Они могут и остаться таковыми, если типология не выведет нас на уровень восприятия целостной знаковой системы художника, который ничего не скрывал, но лишь говорил на своем языке (*само собой разумеющемся*), доступном другому художнику и образованному читателю, но недоступном (*не само собой разумеющемся*) для исследователя.



Сюжет шестой: похороны Адама (ЛЛС. Т.1. Л.11 об.)



Сюжет седьмой: похороны Сифа (ЛЛС. Т.1. Л.12)

Казалось бы, похороны (или прощания) – обрядовая (повторяющаяся) ситуация. И художнику остается только трафаретно показать смерть, покойника. Ан нет!

Покойники отличаются, – и здесь вновь «работает» образ скрытых рук, но уже в таком контексте, который пока не поддается верификации.

Адам был похоронен с открытыми ладонями (ЛЛС. Т.1 Л.11 об). Он сам лежит на одре – посередине (и слева, и справа расстояние одинаковое). Сиф был похоронен с ладонями полностью закрытыми; он показан лежащим с некоторым отклонением в правую (от себя) сторону. Как ни странно, но последний вариант более типичный, чем первый. Хотя привычно думать, что образцом во всем был Адам, а не Сиф.

В чем причина такой позиции художника? Очевидно, что он не был склонен давать трафарет таких событий, как похороны. Он всякий раз иллюстрировал историю жизни (не одной и той же!), стараясь найти новые способы передать содержание того текста, который ему был известен (то есть совершенно не обязательно, что он иллюстрировал только тот текст, который включался в ЛЛС!). Почему у Адама так странно

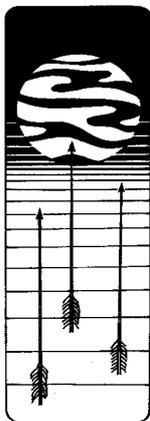
положены руки – на живот? Поскольку других – таких же вариантов – не встречается в библейской части ЛЛС, следует полагать, что миниатюрист хотел показать не просто открытые ладони, но ладони обращенные к животу: в этом, вероятно, и заключался смысл иллюстрации. Согласно апокрифическому «Слову о Адаме от начала и конца и како изгнан из рая», первый человек был болен неизвестной болезнью чрева («и въпаде въ болезнь чревную»). Никто не знал, чем он болен. Перед смертью Адама все люди («от мала и до велика») собрались и обратились к Еве со словами: «О мати наша, ты веси вся его сокровенная и явленная, повеждь нам, что ради отец наш болит». И Ева рассказала о том, как смерть вошла в род человеческий вместе с грехопадением в Раю.

Иначе говоря, болезнь и смерть Адама – ключевой момент в библейской истории до грехопадения и после. Если бы не было вкушения запретного плода, то не было бы и смерти.

Сиф лежит на одре с руками полностью скрытыми одеждой и не посередине, как Адам, а с уклоном в правую сторону. Почему так? Это изображение повторяется – оно более типично, чем похороны Адама. Но что именно типично? Вот вопрос. Следует ли думать, что сокрытие рук – это новое бремя рождения после смерти? Похоже, такая мысль могла быть основой изображения перехода в иной мир. И тогда одновременное изображение беременной жены и смерти Сифа устанавливает вектор художественного смысла – смерти нет! Как ни относиться к такой гипотезе – с сомнением или доверием, – но она лишь гипотеза, без подтверждений, без верификации. Только новые наблюдения могут дать пищу для новых умозаключений. Надо честно признать: в каких-то сюжетах художник вполне мог остаться наедине с самим собой и думать о судьбах мира таким образом, что полного отчета о движении его мысли мы не получим никогда...

Итак, реконструкция символической коммуникации ЛЛС возможна на основе генетического и типологического анализа миниатюр. Но прежде всего типология знаков открывает природу символического языка ЛЛС. Стратегия в изучении миниатюр Лицевого свода – создание своеобразного азбуковника, который мог бы приоткрыть то, что пока сокрыто от глаз исследователя. Новые технические достижения вселяют уверенность, что подобная работа может завершиться успехом.

Открытием неведомого языка культуры.



Андрей Каравашкин

**ДВЕ СТРАТЕГИИ
НАРРАТИВА:**

**УБЕДИТЕЛЬНОСТЬ
И ДОКАЗАТЕЛЬНОСТЬ
В АГИОГРАФИИ ЕПИФАНИЯ
ПРЕМУДРОГО**



УДК
80

The author deals with two strategies of rhetoric narrative in the Russian saints' hagiographies written by Medieval scribe Epiphany the Wise at the turn of the 14th and 15th centuries. The heritage of this Moscow Rus author is considered in the broad context of the literature culture of Medieval and early Modern Russia. Rhetoric poetics has never disappeared. Taking its origins in the antique times it kept to be alive during the Middle Age, in the 18th century, in the epoch when classicism burst into blossom, and in the 20th century literature. The rhetoric poetics is connected with extra-literature purposes and tasks as strongly as no other formation of literary culture is and serves to substantiation and propaganda and clear-cut ideological principles and values.

Ключевые слова: средневековая книжность; Епифаний Премудрый; риторический нарратив Средневековья; историческая поэтика русской литературы.

Key words: the Medieval book culture; Epiphany the Wise; the Medieval rhetoric narrative; historical poetics of the Russian literature.

E-mail: karavash2008@yandex.ru

1. Средневековая книжность должна быть отнесена нами к литературной культуре риторической или традиционалистской эпохи. Как и любая риторика, начиная еще с античных времен, риторика средневековая не могла не апеллировать к двум началам всякой коммуникации – *убедительности* и *доказательности*¹. Ритор всегда обращается к интуитивному эмоциональному воздействию и воздействию логикой, воздействию рациональному, требующему развернутой аргументации. Но природа средневековой риторики такова, что она еще разворачивает свои фигуры и аргументы там, где в современной литературе воздействие ограничивается подчас уровнем образно-речевым и повествовательным, где порой безраздельно господствует вымысел. Художественный нарратив современности в этом отношении отличается от нарратива риторической эпохи, хотя иногда и испытывает его немалое влияние. Мы будем говорить о русском Средневековье, о раннем XV веке. В эту эпоху риторический нарратив достиг в России пика своего влияния, становясь преобладающим, востребованным, актуальным. Речь идет, прежде всего, о так называемом стиле «плетения словес». Но XV век нас будет интересовать не сам по себе, а как часть некоторого контекста, то есть русской литературной культуры Средневековья и раннего Нового времени. Мы постараемся посмотреть на агиографию Епифания Премудрого с точки зрения *исторической поэтики* русской литературы.

Риторический нарратив Средневековья не допускает вымысла, он погружен целиком в историческую среду, ею питается и ей посвящен. Главная его отличительная черта – особый способ отношений автора и героя, что в значительной мере влияет на развитие убедительности и доказательности. В этом смысле, как мы увидим, жития Епифания Премудрого прекрасно иллюстрируют особенности средневекового риторического нарратива. Можно сказать даже, что Епифаний представил наиболее яркие, завершенные и оформившиеся риторические стратегии доказательности и убедительности. Иными словами, агиография Епифания позволяет выявить и реконструировать логику коммуникации в

¹ *Оппозиция «доказательность / убедительность» стала известна во многом благодаря статье М.Л.Гаспарова, где он касается проблем научности и художественности (Гаспаров М.Л. Научность и художественность в творчестве Тынянова // Тыняновский сборник. Четвертые тыняновские чтения. Рига, 1990. С.14–15). Но источником оппозиции является античная риторика, описанию и анализу которой ученый посвятил не одну работу (См., например: Гаспаров М.Л. Античная риторика как система // Гаспаров М.Л. Избранные труды. М., 1997. Т.1. С.556–589).*

русской средневековой книжности как таковой. Точнее, своеобразие этой логики, хотя некоторые русские средневековые книжники склонны к таким приемам коммуникации, которые напоминают современные: переход от части к целому, требование достоверности, обозначение последовательности повествования, выстраивание линейных причинно-следственных связей. Но в этом последнем отношении своеобразие русского Средневековья затушевывается. Нам сейчас интереснее и важнее говорить о случаях, когда современная и средневековая логики не совпадают.

Начнем с оппозиции «автор / герой». Для риторической эпохи это взаимодействие представлено в основном как «аукториальная ситуация», согласно теории исторической поэтики С.Н.Бройтману². «Аукториальная ситуация» предполагает особую активность автора в риторическом нарративе. Ритор комментирует, поучает, исповедуется, кается, сопровождает обширными отступлениями каждый шаг повествования. Такой автор, точнее формы его присутствия, может даже вытеснить нарратив, заменяя развернутый сюжет многочисленными прямыми высказываниями от своего лица, способствуя внеэпическим факторам сюжетной ретардации. И в этом отношении Епифаний Премудрый – прекрасный пример. Тогда в русской литературе и зарождается принцип всезнания автора, его активности, о которых, что хорошо известно, много писал М.М.Бахтин.

Именно на примере риторической эпохи следует говорить об «отделении автора от героя и нарастающих авторских притязаниях на всезнание, дающее ему возможность объективации и завершения героя»³. Только здесь эстетическая вневходимость⁴ не раскрылась в полной мере и как бы подменяется еще всемогуществом м о р а л ь н ы м , то есть чисто волевым, жизненным и мировоззренческим наступлением «авторского контекста»⁵. Автору не нужно скрывать собственные мысли и взгляды, приспособляя их к целому художественной реальности. Отношение автора к истине первично, а художественная реальность еще не стала вполне автономной и самодовлеющей. Проблемы выражения мысли и словесного творчества находятся в непосредственной зависи-

² Бройтман С.Н. *Историческая поэтика*. М., 2001. С.154.

³ Там же.

⁴ Бахтин М.М. *Автор и герой: К философским основам гуманитарных наук*. СПб., 2000. С.41.

⁵ Волошинов В.Н. [Бахтин М.М.] *Марксизм и философия языка*. М., 1993. С.131.

мости от богословского дискурса, который привязан к апофатизму, к обсуждению невыразимости запредельного божественного начала. Это центральный момент средневековой риторики, ее смысловое ядро.

Таким образом, в риторическую эпоху отдельно взятые усилия творца всегда оцениваются по отношению к объективно существующему запредельному и непознаваемому центру. Здесь коренятся и эстетические, и этические предпосылки риторики, поскольку она всегда полагает некую меру или систему оценивания, проистекающую из примата абсолютных трансцендентных принципов. Все это подробно рассмотрено исследователями риторической культуры, в первую очередь – исследователями византийской риторической теории и многообразных риторических практик⁶.

Связь между потусторонним и посюсторонним обеспечивает посредник, медиатор, пророк. И в этом смысле он приобретает особо важную роль. Таким посредником становится автор. Но он еще и тот, кто обеспечивает связь с традицией в самом широком смысле этого слова. И здесь имеется в виду не только литературная традиция, но и многообразные культурные навыки, в том числе способность давать традиционные нравственные оценки, правильно выстраивать приоритеты, добиваясь отчетливых моральных суждений.

Рассматривая риторические тексты, нетрудно заметить, что все это становится предметом и порой главным содержанием авторских отступлений, комментариев, прямых высказываний, то есть аукториальной ситуации.

Однако у современных теоретиков исторической поэтики отсутствует, на мой взгляд, одно важнейшее наблюдение, которое должно было бы предельно прояснить эту «аукториальную ситуацию». На примере древнерусской литературы, хотя это можно показать и на примере русской литературы XVIII века или даже советской литературы, можно утверждать: в риторическом нарративе автор очень часто не равен герою. Это неравенство априорное, изначальное, фундаментальное. Что на почве религиозного христианского мировоззрения приобрело следующий вид: автор или заведомо *хуже* героя, если этим героем является святой, или заведомо *лучше*, если этим героем является нечестивец. С таким же успехом на место святого можно поставить Петра Великого

⁶ Множество принципиальных и важных для нашей темы суждений сосредоточено в работе С.С.Аверинцева «Византийская риторика» (См.: Аверинцев С.С. Поэтика ранне-византийской литературы. СПб., 2004. С.337–339 и др.).

или Ленина, а на место нечестивца комического персонажа русской сатиры XVIII века или «врага народа»: ситуация будет точно такой же. Предпосылки отмеченного неравенства коренятся во внелитературных факторах, и это вполне понятно. Риторическая поэтика черпает свое вдохновение и свои интуиции из внехудожественной сферы: она обслуживает ценности, обосновывает их. Неравенство автора оды XVIII века и объекта или адресата слишком очевидно, чтобы с этим можно было спорить. Автор ломоносовской оды 1739 года – смиренный раб императрицы Анны Иоанновны, и эта тема заявляет о себе в сильной позиции произведения:

*...Велика Анна, ты доброт
Сияешь светом и щедрот, —
Прости, что раб твой к громкой славе,
Звучит что крепость сил твоих,
Придать дерзнул некрасной стих
В подданства знак твоей державе⁷.*

2. В связи с этим риторический текст, панегирический или обличительный, подпадает под действие одного критерия, который связан с мастерством словотворца, но этим мастерством не исчерпывается. Критерий этот неисчислим, его трудно точно определить, поскольку мерой здесь служит непосредственность лирического чувства. Или, как мы сказали бы, пользуясь бытовой формулировкой, *искренность*, являющаяся синонимом убедительности. Проблемой риторических текстов всегда является эта искренность, недостаток которой способен высушить оду (вот почему с таким энтузиазмом была воспринята современниками «Фелица» Г.Р.Державина, воскресившего непосредственный характер оды, превратившейся к 80-м годам XVIII века в ложно-

⁷ Ломоносов М.В. Сочинения. М., 1987. С.28. – Специфика аукториальной ситуации одического типа в творчестве Ломоносова только подчеркивается сменой героев. Уже в Оде 1746 года поэт противопоставляет темное правление Анны Иоанновны доброму и благополучному правлению Елизаветы Петровны. Анна оказывается в разряде нечестивых деятелей, а Елизавета утверждается в качестве идеальной правительницы. Объект прославления меняется, а принципы поэтики остаются прежними. Автор лучше Анны, поскольку осуждает ее с позиций вечной и неизменной истины, и хуже Елизаветы, поскольку та воплощает собой идеал (Об этом см.: Клейн И. Русская литература в XVIII веке. М., 2010. С.120–121).

пафосную декламацию). В стихотворении «Храповицкому» Державин декларирует:

*Ты сам со временем осудишь
Меня за мгlistый фимиам;
За правду ж чтить меня ты будешь,
Она любезна всем векам;
В ее венце
Светлее царское лице⁸.*

Итак, убедительность – один из столпов и одновременно одно из слабых мест риторики, художественными средствами решающей нехудожественные задачи. (Именно, кстати, Державин вслед за Тредиаковским посвятил оде специальное теоретическое исследование, где отмечал намеренно не только высоту и энтузиазм оды, но и ее связь с риторикой.)

Подобно тому как в XVIII веке риторика завоевала высокие жанры классицизма, укоренившись затем в гражданской прозе русских журналов и публицистике, риторика русского Средневековья из эпидейктического красноречия и гомилетики перекочевала в нарратив. Однако сама рецепция риторических приемов, ораторской стилистики и возвышенного слога не происходила незаметно для некоторых авторов и конкретных коммуникативных ситуаций. Нередко риторизация слога осознавалась как проблема и требовала авторской рефлексии.

Именно русские средневековые жития демонстрируют отмеченную особенность риторического нарратива с исчерпывающей полнотой. Казалось бы, «плетение словес», разнообразные словесные ухищрения «инока списающа» должны выразить полноту многообразной и непостижимой святости. И тому есть немало примеров в «Житии Стефана Пермского». Очень часто «плетение словес» и близкие к нему описательные обороты речи наполнены положительными коннотациями: «Да и азъ... последуя словесемъ похвалений твоих, слово плетуши и слово плодя, и словом почтити мнящи, и от словесъ похваление собирая, и приобретаая, и приплетаая, паки глаголя...» (С.250)⁹; «Аще бо и многая въсхотел бых изъоставити беседу, но обаче любы его влечет мя на похваление и на плетенье словес» (С.258). Итак, причиной «плетения словес» является любовь к святому и его подвигу. Однако в этом же

⁸ Державин Г.Р. *Стихотворения*. Л., 1957. С.198.

⁹ Здесь и далее в тексте статьи номера страниц указываются по изданию: *Святитель Стефан Пермский*. СПб., 1995.

сочинении агиограф сравнивает «плетение словес» с паутиной, снижая тем самым высокий смысл данного словосочетания. Епифаний вдруг замечает, что ему пора остановить извитие словес: «Мне же обаче полезнее еже умлкнуть, нежели пауточная простирати пряденя, аки нити мезгиревых тенет пнутати» (С.260).

Точно так же и «молчание» может оцениваться положительно, если это знак смирения автора, и отрицательно, если это молчание становится выражением духовной беспамятности или равнодушия.

Агиограф боится, что его многословие, на которое он еще недавно рассчитывал, приведет к неубедительности: иногда полезнее доказывать приверженность святости поступками, а не словами. Подлинным выражением благочестия является молчание. Но молчание это и следствие того, что люди вытеснили из своей души уроки подлинного благочестия или просто не смогли их усвоить: «глубине молчанию предати толику ползу» (С.250).

Своеобразие аукториальной ситуации в текстах Епифания заключается именно в том, что неравенство героя и автора разрабатывается в плоскости убедительности и доказательности.

Практически все рассуждения о «плетении словес» тесно связаны у Епифания с этической оценкой: ухищрения словотворца и ритора – свидетельство греховности, духовной несостоятельности, неспособности исполнять предписанное. Оценка себя как языковой личности является у Епифания обратной стороной покаяния: «Боюся, апостолу глаголющу: "Не бо послушници закона прави будуть, но делатели" [Рим. 2, 13] <...> Мне же мнится, яко ниедино слово доволно есть или благопотребно и стройно, но худа суть и грубости полна» (С.260).

Важнейший тезис, с которым мы встречаемся на страницах произведений инока, заключается в том, что автор грешен и неразумен, он всячески отграничен от героя именно по мотивам чисто религиозным. Автор не может вместить святости героя.

Но автор обязан, вынужден рассказывать о святом. Это противоречие, которое автором сознательно не разрешается, поскольку оно и служит, если так можно сказать, источником авторского вдохновения.

В дальнейшем Епифаний приходит к тому, что человеческое слово в принципе плохо приспособлено для выражения Божественной реальности. Автор говорит от лица вечной и неизменной Истины. Это так. Так и обстоит дело в эйдетической или риторической традиции. Но автор и Истина находятся на принципиально разных уровнях. Поэтому весь текст Епифания приобретает характер служения бесспорной Истине и

одновременно постоянного уничтожения. Автор жития и герой жития также находятся на разных уровнях, поскольку герой есть результат воплощения вечной Истины в земном историческом опыте. Конечно, и до Епифания в агиографии уже существовала эта пара: герой и автор. И до Епифания их принципиальное неравенство было осознано и подчеркнуто, стало общим местом житийной жанровой традиции. Но никто этого противоречия не развернул с такой силой, никто, кроме Епифания, не сделал это противоречие ведущим стилеобразующим фактором.

Словотворчество, иными словами, имеет у Епифания внетекстовый, внелитературный источник. Это лишь попытка компенсировать принципиальное неравенство двух реальностей. Таким образом, главной *проблемой* жития становится именно *убедительность*. Епифаний постоянно подчеркивает, что убедительным ему быть трудно, поскольку и человеческое слово, и вся книжная традиция, к которой он обращается, являются лишь бледным подобием высшей сверхчувственной реальности. Не случайно агиограф сравнивает себя с бесплодной смоковницей, которая шумит книжными листьями: «Горе мне, глаголющую и не творящую, учащую и не чующую. Но бесплодная явixся смоковница, «листвие едино токмо» [Мф. 21, 19] имею, листьe книжное токмо обращаю и листьем книжнымъ писаным токмо хвалюся, а плода добродетели не имею» (С.260). Евангельская смоковница, отягощенная листвою, становится символом книжного учения, далекого от праведной жизни. Этот образ служит метафорой духовной слепоты и неубедительности.

Ритор-агиограф не всегда знает, как построить свое произведение. В предисловии к «Житию Сергия Радонежского» (Пространная редакция) духовный писатель признается, что уже 20 лет назад начал собирать сведения о Сергии для себя. В свитках и в тетрадях содержались некоторые главы, но последовательность изложения была перепутана, и поздние события в них предшествовали более ранним: «аще и не по ряду, но предняя назади, а задняя напреди». Возможно, перед нами некий топос, а не автобиографическое признание. Существенно другое. Автор говорит о трудностях изложения, он не знает, как подняться над собранным материалом. Материал есть (в достоверности его агиограф не сомневается). Все дело в том, как объединить части в целое. На практике Епифаний с этим блестяще справляется. Но его авторская самооценка приходит в явное противоречие с результатами писательских усилий. Самооценка содержит в себе ключ к пониманию авторской позиции. Труд завершен, но автор возвращается к моменту, когда житие существовало в виде разрозненных глав. Епифаний передает то состоя-

ние недоумения, растерянности, творческой немоты, которое предшествовало созданию текста. Ведь никто раньше не писал о жизни Сергия. Епифанию предстоит выполнить уникальную задачу. И именно это обстоятельство лишало его возможности приступить к работе. Он несколько лет сомневался: «Пребых убо неколико лет, акы безделень в размышлении, недоумением погружааяся, и печалиу оскорбляаяся, и умом удивляаяся, и желаниемъ побеждааяся. И наиде ми желание несъито еже како и коим образом начатии писати, аки от многа мало, еже о житии преподобнаго старца»¹⁰.

В то же время агиограф возлагает надежду на того безвестного творца, который в будущем сможет завершить то, что когда-то не сумел сделать Епифаний: «Но аще и негораздо некая написана быша, но обаче възможно есть некому добреишему и мудрейшему о Господе построити сия и добре починити, а неудобренная удобрити, и неустроенная построити, и неухищренная ухитрити, и несовершенная накончати» (С.260)¹¹.

Итак, все, что собирается сказать инок, не вызывает сомнений. Главным неразрешенным вопросом остается убедительность, то, *как* именно он намерен поведать о деяниях святого.

- 3.** По ходу повествования Епифаний практически не делает замечаний, относящихся к достоверности передаваемых фактов. Он не обсуждает версий, не строит предположений, не подвергает проверке или критической оценке источники. Тем не менее житийные предисловия у Епифания содержат некоторую информацию, относящуюся к доказательной стороне повествования. Впрочем, значение этих сведений для реконструкций творческого процесса не стоит преувеличивать: они вполне укладываются в границы агиографической топики. Так, в «Житии Стефана Пермского» агиограф отдает предпочтение непосредственному восприятию по сравнению с восприятием опосредованным или мысленными представлениями: «Видение бо есть вернейши слышания...»

¹⁰ Цит. по: Клосс Б.М. *Избранные труды*. М., 1998. Т.1. *Житие Сергия Радонежского*. С.286.

¹¹ На эту особенность авторского отношения к невыразимому в творчестве Епифания обратила внимание Е.Л.Конявская (Конявская Е.Л. *Авторское самосознание древнерусского книжника. (XI – середина XV в.)*. М., 2000. С.164. Ср.: Бычков В.В. *Русская средневековая эстетика*. М., 1991. С.218).

(С.50)¹². В «Житии Сергия Радонежского» автор изредка задается вопросом, откуда стал известен тот или иной факт: «И тако по святом причащении или в самом том причащении вниде в онь и вселися благодать и дарь Святого Духа. Откуда же се бысть ведомо? Прилучиша бо ся неции ту в то время, яко въистину яко неложнии сведетелии...»¹³ Но эта интенция остается у Епифания слабо выраженной. В целом Истина дана в готовом и завершенном виде. Поиск новых фактов, проверка их на достоверность, верификация аргументов не входят в задачу агиографа. Епифания волнует не *о чем*, а *как...* Жизнь святого уже состоялась как факт, она известна Богу, до определенной степени ей даже присуща вневременность, поскольку многие события мировой истории символически возвестили об этой жизни. Жизнь Сергия понята как своеобразный результат священного прошлого. Но в дальнейшем она становится центром смыслового притяжения, она сама выступает в новом качестве пророчества, предсказания, префигурации: «Лепо же бяше и сему младенцу трижды провъзгласити, въ утробе матерне сущу, преже рожения, прознаменуя от сего, яко будет некогда троичный ученикъ, еже и бысть ... <...> Яко и преже рожения его Богъ прознаменаль есть его: не просто бо, ни бездобъ таковое знамение и удивление бывшее преднее, но предпутие есть последи будущим»¹⁴.

Эта концепция готовой Истины не была единственной в средневековой Руси. Если для авторов некоторых житий и поучений главными были достоверные свидетельства очевидцев, то в XVI веке фактическую сторону повествования все чаще проверяют на точность, правдивость, непротиворечивость. Наиболее ярко новое отношение к историческим

¹² Не только Епифаний подчеркивал важность непосредственного восприятия. Например, в XV веке иноку Фоме важно подчеркнуть, что он, не отступая от «апостольских заповедей», основывается на непосредственном знании, на том, что видел сам, а потому его сочинение в высшей степени достоверно. Тверской книжник даже противопоставлял свой труд трудам летописцев прошлого, располагавших лишь слухами о своих героях, но не имевших возможности наблюдать их подвиги: «Но и мнози же писаши летописци, а ничтоже сами видевь, а токьмо слышавь... <...> Но азъ же самовидецъ сый и святому тому делу, но еже хошу вамъ поведати, не от инехъ слышавъ, но самъ сый вся си видевь» (Библиотека литературы Древней Руси. СПб., 1999. Т.7. С.104). И все-таки автору отведена лишь посредническая роль. Он не сочиняет, не изобретает, а передает, и неважно, идет ли речь о готовых образцах или о личном опыте.

¹³ Памятники литературы Древней Руси. XIV – середина XV века. М., 1981. С.300.

¹⁴ Там же. С.274.

фактам заявило о себе в «Степенной книге», памятнике в значительной мере *агиографическом*. Продолжая традиции древних летописных сводов, автор «Степенной книги» стремится восполнить повествование разъяснением его духовного смысла. «Лакуны», имеющиеся в ранних сообщениях, он компенсирует тем же способом, что и летописцы начала XII столетия¹⁵. Однако далеко не все факты ранние летописцы считали необходимым пояснять. Зачастую они ограничивались скухими констатациями.

Составитель «Степенной книги», напротив, избегал недоговоренности. Например, рассказ о небывалом для русской истории крещении костей князей-язычников Ярополка и Олега в 1044 году смутил современника Ивана Грозного. Столкнувшись с казусом, книжник должен был подыскать правдоподобное объяснение. Однако во многих русских летописях, в том числе в Никоновском летописном своде, эпизод «заочного» крещения язычников не истолкован. Автор «Степенной книги» не скрывает недоумения: «Сие же необычное деиство неции дивящееся в зазорь полагаху, инии же разсуждающе глаголаху, яко не безъ Божия промысла сие съдеся, ни безъ воли новопросвещеннаго самодержъжца Ярослава...» (I, 375). С одной стороны, неканоничность акта оправдывается прецедентами. Книжник ссылается на легенду о крещении костей философа Платона, который якобы не утаивал своей веры в единого Бога, предсказывая воплощение Христа; на предание о посмертном крещении трех вавилонских отроков и на рассказ из Иерусалимского патерика (сверхъестественный переход оглашенной из сонма грешников в сонм праведников благодаря крещению, которое произошло после разлучения души с телом)¹⁶. С другой стороны, для Ярополка и Олега

¹⁵ Уже в «Повести временных лет» рассказ о событии предполагает в некоторых случаях заключительный комментарий богословского характера, основанный на поиске прецедентов.

¹⁶ Подробный анализ этого эпизода предложила еще В.Г.Брюсова. Однако ее версия основывается на том, что в XVI веке не было никакой необходимости оправдывать крещение костей язычников. Речь идет, таким образом, о древнейшем сказании, которое восходит еще к первым записям о крещении Руси в эпоху Ярослава Мудрого. Даже если гипотеза Брюсовой верна, требуется объяснить, почему в значительном корпусе летописных сообщений заочное крещение Ярополка и Олега не вызывает никакого интереса, а в 1560–1563 гг. оно стало актуально. Какими бы источниками ни пользовался составитель «Степенной книги», сам отбор материала свидетельствует в пользу определенного авторского проекта, замысла. Построения Брюсовой полностью игнорируют контекст

делается исключение: нарушение общепринятых установлений интерпретируется как чудо, возможное благодаря содействию Св. Ольги, которая еще при жизни желала обратить в христианство своих внуков, но этому мешал твердый в своих языческих предпочтениях Святослав. Таким образом, «заочное» крещение становится дополнительным аргументом в пользу богоизбранности всей династии¹⁷. Летописное сообщение со слабым статусом, темное и невразумительное, обретает силу важного исторического свидетельства. Автор «Степенной книги» в полной мере овладел искусством выходить из, казалось бы, безнадежных ситуаций.

В начале XVII века Авраамий Палицын, приступивший к обоснованию легитимности династии Романовых, также нуждается уже во внутренней аргументации. Он создает свою систему доказательств. Правда, эта логика еще покоится на принципах провиденциализма и телеологии исторического процесса. Еще до рождения Михаил Федорович был избран от Бога и «от чрева матерня». Ведь недаром Годунов преследовал род Романовых. Волхвы и звездочетцы предсказали ему, что именно от рода Романовых произойдет истинный царь. Подобно тому, как Платон вещал о воплощении Господа, волхвы указывали своим пророчеством на единственный богоизбранный род¹⁸.

В отличие от названных книжников позднего русского Средневековья Епифаний почти не видит фактических неточностей или противоречий в своем повествовании¹⁹. Он лишь подчеркивает человеческое несо-

рассматриваемого сообщения в «Степенной книге», а потому являются механистическими (См.: Брюсова В.Г. Когда и где был поставлен митрополит Иларион? // Герменевтика древнерусской литературы. М., 1989. Сб.1. С.46–50. – О религиозном смысле летописной статьи 1044 года см.: Алексеев А.И. Крещение костей (К интерпретации статьи Повести временных лет под 1044 г.) // Древняя Русь. 2003. №1 (11). С.102–106).

¹⁷ Об этом см.: Покровский Н.Н. Исторические концепции Степенной книги царского родословия // Степенная книга царского родословия по древнейшим спискам. М., 2007. Т.1. С.101–102; Ленхофф Г.Д. Степенная книга: замысел, идеология, адресация // Там же. С.138; Усачев А.С. Степенная книга и древнерусская книжность времени митрополита Макария. М.; СПб., 2009. С.103 (Там же – библиография по теме).

¹⁸ Сказание Авраамия Палицына. М.; Л., 1955. С.238.

¹⁹ Следует заметить, что повод для сомнений и поиска внутренней аргументации повествование Епифания Премудрого все-таки дает. Например, на страницах «Жития Стефана Пермского» описана неканоническая акция: «Из текста Епифания недвусмысленно следует, что Стефан, не будучи еще епископом, ставил священников и дьяконов» (Успен-

вершенство агиографа. Это априорная установка риторики, также не нуждающаяся в обосновании и доказательствах. Автор не может быть равен герою. Тем более он не может быть лучше святого. Отсюда проистекают все проблемы, связанные с тяжестью литературного труда, несовершенством слова, необходимостью выражать один и тот же смысл *суггестивно*, с помощью нагромождения многих аргументов, их присоединения друг к другу. В громоздком риторическом инструментарии нуждается не доказательность, но убедительность.

4. Риторичность текстов Епифания предполагала систему прямых высказываний, где сообщалось о намерениях автора. Кроме того, эти прямые высказывания несут важную информацию: Епифаний представляет нам некий образцовый *для агиографии* тип авторского самосознания.

Автор относится к герою и событиям как к объективной данности, которая существует сама по себе и не зависит от чьей-либо точки зрения.

Поэтому нет смысла доказывать достоверность повествования. Довольно отсылка к авторитетным источникам и непосредственному восприятию. Доказательность носит исключительно внешний характер, что отличает тексты Епифания от более поздних памятников исторического повествования, создатели которых обращались и к внутренним доказательствам, совершенствуя аргументацию и логику изложения, преодолевая лакуны и противоречия источников.

Епифаний задается другим вопросом: его волнует убедительность нарратива, то есть способность автора передать готовую Истину, которая остается до некоторой степени невыраженной, поскольку слово не способно вместить в себя всю полноту сокрытого смысла.

Агиограф не исключает того, что кто-то может справиться с этой задачей лучше. Задача, так и не решенная автором, потенциально может быть решена. Но в авторском настоящем нет никакой удовлетворенности сделанным. Автор признается в том, что потерпел поражение. Однако эта неопределенность констатируется в системе прямых высказываний: на деле житие отличается композиционной стройностью и словесным совершенством. Писатель как бы соревнуется сам с собой, оценивает самого себя. При этом он оставляет простор для дальнейших изменений текста, заранее соглашается с тем, что житие может быть

ский Б.А., Успенский Ф.Б. Неканоническое поведение святого в агиографических источниках // Факты и знаки. Исследования по семиотике истории. М., 2010. Вып.2. С.13).

объектом последующих дополнений и переработок. Текст одновременно завершен и не завершен. Он является и вещью, и процессом. В текстах Елифания заявляет о себе, хотя бы теоретически, установка художественной модальности. Но это лишь тенденция, имеющая отношение к средневековой практике переделки текстов, их редактирования. Пока эта установка проистекает из традиционного средневекового принципа внелитературной мотивации творческого процесса, покоится на религиозном принципе смирения и аскезы.

Только в литературе Нового времени художественная модальность восторжествует: жизнь будет понята как процесс, текст – как совокупность правил, создающихся во время игры, неопределенность и незавершенность – как признак открытости произведения. В литературной культуре Нового времени главным станет не достигнутая истина, а развитие познавательных возможностей, сам ход ее достижения, когда знания о мире формируются по мере развертывания текста. Ничего заранее не предрешено и не известно. Художественная модальность не декларируется, но становится внутренне присущей произведению. Автор перестает быть намеренным интерпретатором своих текстов, он сохраняет их принципиальную эстетическую открытость. Истина становится возможностью (одной из возможностей), а не данностью.

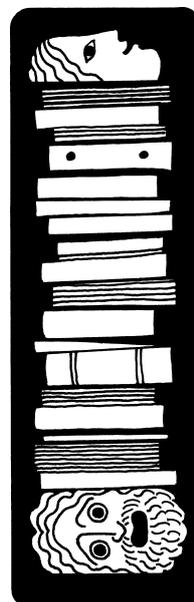
Дипломатия – это вопрос выживания
в будущем столетии.

Политика – вопрос выживания
до следующей пятницы.

Джонатан Линн и Энтони Джей

Мы живем в такое время, когда три державы мира признают только единственный фактор – грубую силу. Человечество живет под постоянной угрозой катастрофы.

Энтони Иден





Виктор Мальков

**«ТОЛЬКО ЛИЧНО
И
КОНФИДЕНЦИАЛЬНО»:**

**АМЕРИКАНСКИЕ ДИПЛОМАТЫ
ОБ ИСТОКАХ И ТАЙНЫХ ПРУЖИНАХ
МИРОВОЙ КАТАСТРОФЫ
1938–1939 годов**



УДК
327

The article and publication of some unknown documents from a private correspondence of American diplomats describe the substance of the polemics in modern Russian historiography of the genesis of the WWII.

The author claims that the archival sources of special origin – personal diaries, letters of professional American diplomats to their colleagues, their highly confidential in governments' offices, newspapermen and family friends provide an upright overview of events in dramatic history of Europe in 1938–1939 which proves that the “traditional” school of historical research is more close in general to the correct interpretations of the international relations in the 1930s including the Molotov–Ribbentrop Pact.

Ключевые слова: европейский кризис; мюнхенская капитуляция; пакт Молотова–Риббентропа; коллективная безопасность; Черчилль; Гитлер; Сталин.

Key words: European crisis; Munich capitulation; Molotov–Ribbentrop Pact; collective security; Churchill; Hitler; Stalin.

E-mail: vic.malkov@mail.ru

Вторая мировая война в своей подготовительной стадии предстает как психологический триллер, населенный по всем законам фильма ужасов персонажами, практикующими государственный терроризм и массовые боины, устраивающими заговоры и малые войны друг против друга. Все они прикрывались дипломатией умиротворения, которую Ллойд-Джордж в порыве откровения в конце 1937 года назвал «воровской сделкой с агрессорами». Проработавший в должности посла США в Германии четыре «окайнных» года (1933–1937), вогнавших его в глубокую депрессию, замечательный американский историк-демократ Уильям Эдвард Додд в одной из последних, «итоговых» записей своего знаменитого дневника сразу после Мюнхена в отчаянии написал: «Повсюду мы видим поразительное непонимание того, что происходит!»¹ Как это ни парадоксально, но в ходе идущей у нас на глазах дискуссии о происхождении Второй мировой войны, вине и ответственности сторон возникает сильное желание сказать то же самое, когда слышишь эмоционально-патетические заявления представителей новой ортодоксии, с азартом меняющих «кожу» и находящих все новые и новые «нюансы» в советской стратегии расшатывания миропорядка и развязывания новой Большой войны². А главное, решительно отступающих от изображения истории межвоенных десятилетий (1918–1939) как целостной картины жизни во всех ее проявлениях (Ф.Бродель) и предлагающих ее только в виде «избранных» мест из дипломатической истории. Разумеется, для критиков, отчаянно комплексующих по поводу ошибок во внешней политике СССР, вне всякой конкуренции таким «избранным» местом стал пакт Молотова–Риббентропа 23 августа 1939 года.

И впрямь складывается впечатление, что «повсюду мы видим поразительное непонимание того, что происходило» не только между Берлином и Москвой, не только в горячих точках мировой политики, но и на ее «периферии». 30-е годы были к тому же перенасыщены идеологическими разногласиями. Они накладывались на любой международный

¹ Додд У. Дневник посла Додда. М., 2005. С.461.

² Важные соображения по этому поводу содержатся в статье Бернда Бонвеча и Сергея Кондрашова «Советский Союз, Сталин и Германия в 1933–1941 гг.», опубликованной в «Вестнике архива президента РФ» (М., 2009. С.13–41). А.С.Синявский и Е.С.Синявская также прослеживают в своем эссе главные тенденции в инверсии исторической памяти о причинах Второй мировой войны и ее последствиях (См.: Синявский А.С., Синявская Е.С. Вторая мировая война и историческая память: образ прошлого в контексте современной геополитики // «Завтра может быть поздно...» М., 2009. С.299–310).

конфликт, затемняя его природу. Ряд историков справедливо указывает на декадентские черты послеверсальского мира, проявившиеся в психопатологии масс и лидеров³. Порой их поведение становилось непредсказуемым. Но это еще не все. Принятие решений – это и учет необычайно возросшей роли военной составляющей, экономики вооружений, данных разведки, идеологических диверсий и различных «специальных» операций. Достаточно напомнить о «ликвидации» канцлера Австрии Э.Дольфуса, убийстве Л.Барту в октябре 1934 г. и приходе ему на смену П.Лавалья, о «миссии Гесса»⁴, человека, который ближе всех стоял к Гитлеру, но, как писал Черчилль, был неврастеником с ущербными умственными способностями.

Хорошо бы еще восстановить в памяти, что с момента нападения Японии на Северо-Восточный Китай в 1931 году не только дипломатические маневры влияли на международную обстановку. Велись реальные военные действия в разных масштабах, разных формах и с разным исходом. «Но тот факт, что мы справедливо отказываемся от вооруженного вмешательства для предотвращения актов агрессии, – говорил Франклин Рузвельт, – не означает, что мы должны действовать, как будто агрессии вообще не существует...»⁵ Эти слова, сказанные в январе 1939 года, нужно уметь правильно понимать. Подтекст этих слов звучит примерно так: наступило время немедленно вооружаться и выстраивать политику в духе военного времени, когда, как писал Черчилль, «становятся хорошими любые возможные средства, которые в мирное время были бы неприемлемыми»⁶.

Тем, кто уверен в том, что Сталин с момента прихода Гитлера к власти изо всех сил и любой ценой добивался сомнительной чести стать верным союзником и партнером фюрера⁷, вероятно, незачем вникать в

³ См.: Carley M.J. 1939. *The Alliance that never was and the Coming of World War II*. Chicago, 1999. P.XVIII.

⁴ У.Черчилль откровенно признал, что Сталин имел основания до конца войны считать перелет Гесса в мае 1941 г. свидетельством продолжающихся тайных переговоров о совместных действиях Англии и Германии (Черчилль У. *Вторая мировая война*. Сокр. пер. с англ. В 3-х книгах. М., 1991. Кн.2. Т.III–IV. С.35).

⁵ *The Public Papers and Addresses of Franklin D. Roosevelt*. 1939. N.Y., 1941. P.1–4.

⁶ Черчилль У. *Указ. соч.* Кн.2. Т.III–IV. С.163.

⁷ См., например: Случ С.З. *Предисловие // СССР, Восточная Европа и Вторая мировая война, 1939–1941: дискуссии, комментарии, размышления / Отв. ред. С.З.Случ. М., 2007. С.14–19; Кантор Ю. СССР и Третий рейх: путь к пакту Молотова–Риббентропа в 1933–*

суть охватившего мир с 1930 года перевооружения и вызванной им военной тревоги. Они могут игнорировать перипетии сложной интриги наведения мостов между СССР и США после фактически совместного антивоенного демарша – соглашения Рузвельт–Литвинов 17 ноября 1933 г.⁸ Не лишне вспомнить и о той помощи, которую СССР оказал Испанской республике в ее борьбе против фашистского нашествия и о настойчивости Москвы в отношении гарантийного договора для Прибалтики и заключения (наперекор противодействию Германии, Англии, стран Прибалтики и Польши) так называемого Восточного пакта о взаимопомощи. Подписание 2 мая 1935 г. франко-советского договора о взаимопомощи и аналогичного договора между СССР и Чехословакией от 16 мая 1935 г. авторами некоторых исторических сочинений принижено (дескать, никто не принимал этого всерьез) или расценено лишь как отвлекающий маневр, как шантаж с целью напугать и побудить Гитлера к сближению с Францией. Совершенно не вписывается в картину «сердечного» идеологического согласия СССР и нацистской Германии оказание Москвой прямой военной помощи Китаю и военный конфликт в 1938, 1939 годах с Японией – главной опорной силой Тройственного пакта в Азии. Хотели бы задобрить Гитлера, признали бы публично «законность» захватов Японией территорий в Китае или Италии в Африке, как это сделала Англия соглашением Крейги–Арита 24 июля 1939 г. или признанием ею же захвата Италией Эфиопии. Для оппонентов «традиционных» взглядов на «внешнюю политику СССР в 1939–1941 гг., по-видимому, совсем необязательно помнить и о том, что Советский Союз, как писал летом 1939 г. Э.Бенеш, «решительно и последовательно» поддержал его письменный протест в Лиге Наций против оккупации страны Германией в марте 1939 г. В то же время (цитирую письмо Бенеша И.М.Майскому) «другие державы (включая Польшу. – В.М.) пытались сделать так, чтобы Чехословакия навсегда исчезла с политической сцены»⁹.

1939 гг. // Кантор Ю., Волос М. Треугольник Москва – Варшава – Берлин. Очерки истории советско-польско-германских отношений в 1918–1939 гг. СПб., 2011. С.135–136.

⁸ Формально приезд М.М.Литвинова в США по приглашению Рузвельта имел целью восстановление дипломатических отношений между двумя странами. Однако обе стороны не скрывали, что заинтересованы в противодействии агрессии в Европе и Азии.

⁹ См.: Майский И.М. Дневник дипломата. М., 2006. Кн.1. С. 398–400; Его же. Избранная переписка с иностранными корреспондентами 1916–1975 / Отв. ред. В.С.Мясников. М., 2011. Кн.1. С.435, 442; Марьина В.В. Советский Союз и чехо-словацкий вопрос во время

Забвение исторического контекста во всей его полноте, перевод внимания на «избранное» и восполнение игрой воображения всегда существовавших и вновь возникших «белых пятен» позволили многим историкам-нетрадиционалистам (или новым ортодоксам) легко «дописывать» и додумывать «предлагаемые обстоятельства». Исказить произвольно последовательность событий особенно легко, если искать виновников трагедии в кознях и вероломстве большевиков с момента прихода их к власти в 1917 году. Иногда, по словам известного историка-документалиста Л.А.Безыменского, следует отдать должное мастерству версификатора, «которому легче выдумать документ, чем его найти...»¹⁰ Так или иначе, многие посчитали важным для себя «соответствовать» новым веяниям, полагая, что внесут ясность, если скажут, что война была развязана двумя диктаторами, открывшими друг другу объятия благодаря сходству нравственного облика, психического склада, авторитарных методов управления и тождеству геополитических помыслов¹¹. Мало кто утруждал себя добыванием первоисточников и «копанием» в них, процедурой их перепроверки, сопоставления (что самое важное) и критики. Многие перестали видеть различие между порциями обычной дипломатической почты, рассчитанной на то, чтобы отложиться навечно в истории (после многоступенчатой цензуры, с оглядкой на реакцию вышестоящего начальства), и сугубо частной перепиской дипломатов, заметками «не для протокола» и записями в личных дневниках, достоверными в своей прямоте, бесхитростности и независимости от служебной субординации. Эта категория источников с полным основанием может быть названа первичной, хотя им и присущи черты субъективизма и небеспристрастность.

Второй мировой войны. 1939–1945. М., 2007. Кн.1. С.56–60, 100–101.

¹⁰ Безыменский Л. *Тайный фронт против второго фронта. М., 1987. С.15.* – Достаточно подробный разбор формирования «нового знания» в перестроечное и постсоветское время в русле интересующей нас проблематики проведен в книге: *Научное сообщество историков России: 20 лет перемен / Под ред. Г.Бордюгова. М., 2011.*

¹¹ См.: Дашичев В.И. *Из истории сталинской дипломатии // История и сталинизм / Сост. А.Н.Мерцалов. М., 1991. С.227–247;* Семиряга М.И. *Сговор двух диктаторов // Там же. С.209;* Его же. *Советско-германские отношения в период предвоенного кризиса // Ежегодник германской истории. М., 1991. С.190–208.* – С целым компендиумом подобных утверждений можно познакомиться в книге: *СССР, Восточная Европа и Вторая мировая война, 1939–1941.*

Трудности в доступе к источникам из частной переписки, дефицит их в научном обороте и подмена чисто «логическими рассуждениями» приводят к серьезному искажению картины «вскармливания фашистского зверя», как выразился И.М.Майский в 1963 году, говоря об уроках Мюнхенского соглашения 1938 г.¹² Подготовка соглашения имела последовательный, хотя и дискретный, прерывистый характер, порождавший, разумеется, в западном общественном мнении двойное к себе отношение – недоверие и надежду. Версальский мир вызывал к себе враждебное отношение.

Идея последней жертвы ради всеобщего успокоения сняла стресс и заставила поверить в искренность Н.Чемберлена и П.Даладьё в их желании пробудить миролюбие у Гитлера и не попасть в зависимость от позиции Москвы и русских «казаков». В исторических штудиях в наше время она обернулась пересмотром роли Невилла Чемберлена в событиях (жертва коварства и вероломства Гитлера) и попреками в адрес советской историографии за ее якобы чрезмерную критику политики умиротворения западных держав¹³.

Злая ирония или стремление ударить по историографии советского времени «побольнее», объявив ее вообще вне науки, бывают иногда представлены в абсолютно обнаженном виде. Некоторые даже объявляют ее «едва ли не исключительно инструментом советской пропаганды»¹⁴. Но как быть с Д.Ллойд-Джорджем, сказавшим в письме И.М.Майскому (3 июля 1938 г.), что английское правительство «ведет себя позорно, а французское правительство – низко и трусливо»? Или с его же крайне негативной характеристикой Н.Чемберлена как «друга испанских фашистов» – в другом письме Майскому (21 ноября 1938 г.)¹⁵ Как быть с У.Черчиллем, назвавшим в своем заявлении для печати (21 сентября 1938 г.) «расчленение Чехословакии под нажимом Англии и Франции» роковым заблуждением? По его мнению, прояв-

¹² Майский И.М. *Дневник дипломата. Кн.1. С.251; Его же. Избранная переписка с иностранными корреспондентами 1916–1975. М., 2012. Кн.2. 1942–1975. С.798.*

¹³ СССР, *Восточная Европа и Вторая мировая война 1939–1941. С.328; Наринский М.М. Международно-политический кризис кануна Второй мировой войны // «Завтра может быть поздно...» С.29; Дембски С. Польша, Советский Союз, кризис Версальской системы и причины начала Второй мировой войны // Там же. С.54, 55 и др.*

¹⁴ Кантор Ю., Волос М. *Указ. соч. С.8.*

¹⁵ Майский И.М. *Избранная переписка с иностранными корреспондентами. Кн.1. С.331, 363.*

ленные Чемберленом и Даладье пренебрежение и презрение к СССР, «которые запомнились Сталину», вывели Запад на «тропу войны». С нее было уже не свернуть, альтернативы после «мюнхенской зимы», как считал Черчилль, уже не просматривалось¹⁶.

Исчезновение «чехословацкого вопроса» в связи с оккупацией чешских земель Германией в марте 1939 г. привело огромное число англичан психологически и морально в состояние «бешенства, злобы и отвращения» к политике умиротворения¹⁷. Черчилль, назвав триумф Чемберлена «полным безоговорочным бедствием», решительно отверг любые попытки ее реабилитации даже под предлогом реальной угрозы со стороны большевизма¹⁸. Отсюда видно, как далеко могут завести в дебри ложных истин напускной морализм, чисто «логические размышления» и стремление оставить без внимания выводы исторических деятелей, таких как Черчилль или Бенеш, и издевки над их «неосведомленностью».

Итак, мы сталкиваемся с новым историографическим каноном. В кратком виде он выглядит следующим образом. Неконтролируемый процесс не оставлял иного выхода, кроме пассивного выжидания или ухода западных демократий от прямой конфронтации с агрессором во имя спасения доставшегося дорогой ценой мира и «модернизации Версальской системы». Крайне отрицательная репутация большевизма и внутренняя нестабильность в Советском Союзе негативно сказались на его союзоспособности. Мюнхен – всего-навсего плод недооценки агрессивности гитлеровского режима и попытка заменить «версальские экспромты» новым стабильным международным порядком. Саботаж и срыв Москвой англо-франко-советских переговоров летом 1939 года с неотвратимостью привел к роковому шагу – подписанию советско-германского пакта о ненападении 23 августа 1939 г., сделавшего неизбежной Вторую мировую войну. Советский Союз после 1 сентября 1939 г. выступал как агрессор и потому наряду с Германией несет одинаковую с ней ответственность за последствия отказа от сотрудничества с Западом. Заключение соглашения с Гитлером позволило Сталину заняться реализацией долгосрочных геополитических планов – восстановлением территориальной целостности Российской империи. Этот перечень можно было бы продолжить...

¹⁶ Черчилль У. *Вторая мировая война*. Кн.1. Т.1–II. С.139–141, 149–153.

¹⁷ Майский И.М. *Избранная переписка с иностранными корреспондентами*. Кн.1. С.385.

¹⁸ Марьина В. *1939: советская внешняя политика в восприятии современников // Россия XXI*. 2009. №5. С.40, 41; Роуз Н. *Черчилль. Бурная жизнь*. Пер. с англ. М., 2003. С.310–313.

В зарубежной историографии наблюдаются примерно те же явления и тенденции. Известный канадский историк профессор Майкл Карлей в своей последней статье указывает на огромный разброс мнений в отношении предвоенного кризиса и вовлеченности в него Советского Союза¹⁹. Сам же он, основываясь на обширном документальном материале, придерживается той точки зрения, что СССР мог бы стать надежным союзником Запада в отражении агрессии держав «оси», если бы западные демократии сами отказались от пренебрежения и проявили настойчивость, достаточную для того, чтобы растопить лед подозрительности Сталина и тем самым предотвратить приезд Риббентропа в Москву и подписание пакта 23 августа 1939 г. Историки продолжают спорить, дало ли это Сталину выигрыш во времени и чем он обернулся – тактическим успехом или стратегическим поражением²⁰. Но подчас даже лучшие из них, отмеченные премиями и завоевавшие высокий научный авторитет, увязывают начало Второй мировой войны исключительно с пактом Молотова–Риббентропа в отрыве от той самоубийственной игры в нацистскую рулетку, которую после прихода Гитлера к власти затеяла западная дипломатия, спасаясь от реванша. Последний пример – новая книга американца Джона Гэддиса «Джордж Ф.Кеннан – американская жизнь»²¹.

Хочется сказать, что нелепо отказывать советскому руководству (при всей его идейной прямолинейности и вождизме) в праве на осуществление *Realpolitik* в условиях капитуляции Запада перед грандиозной военной машиной Германии. Особенно после отклонения Лондоном и Парижем советского предложения от 17 апреля о заключении тройственного союза СССР–Англия–Франция и срыва военных англо-франко-советских переговоров (Москва, август 1939 г.). Пакт Молотова–Риббентропа в этих условиях становился столь же необходимым, сколь и вынужденным. «Невозможно сказать, – говорит У.Черчилль, – кому он внушал большее отвращение – Гитлеру или Сталину. Оба сознавали, что это могло быть только временной мерой, продиктованной обстоятельствами». Трудно найти более точную и исчерпывающую формулу.

¹⁹ Карлей М.Дж. «Только СССР имел чистые руки»: Советский Союз, коллективная безопасность в Европе и судьба Чехословакии (1934–1938 годы) // *Новая и новейшая история*. 2012. №1. С.44, 45.

²⁰ См.: Смирнов В.П. Мюнхенская конференция и советско-германский пакт о ненападении в дискуссиях российских историков // «Завтра может быть поздно...». С. 185–203.

²¹ Gaddis J.L. *George F. Kennan. An American Life*. N.Y., 2011. P.129.

И дальше: «Тот факт, что такое соглашение оказалось возможным, знаменует всю глубину провала английской и французской политики и дипломатии за несколько лет»²². Следовало бы добавить – и американской тоже. Американский журналист Уильям Ширер провел в сентябре 1939 г. специальное исследование и нашел, что нацисты вообще не принимают Америку в расчет²³.

Мы возвращаемся вновь к проблеме источников. И конкретно тех, которые так или иначе оказывались в частных собраниях документов американских государственных деятелей, дипломатов, военных, журналистов и бизнесменов. Они попадали, в конечном счете, в хранилища рукописей, порой минуя процедуры перлюстрации и архивного отбора.

²² Черчилль У. *Вторая мировая война. Кн.1. Т.1–II. С.179–180.* Мы увидим дальше, что чутье подсказывало американским дипломатам ровно такой же ход мыслей, что и тот, который породил реакцию Черчилля. Пределы и цели советско-германского соглашения не были ясны дипломатам. Скорее всего, на их взгляд, речь шла о мерах предосторожности, предполагающих скорый крах всех договоренностей августа–сентября 1939 г. Когда эти предположения оправдались, первым, кто откликнулся на этот поворот, был Джордж Фрост Кеннан. Через два дня после нападения Германии на Советский Союз 24 июня 1941 года он отослал из Берлина в Госдепартамент США частное письмо бывшему коллеге по работе в посольстве США в Москве Лою Гендерсону, который был заместителем руководителя европейского департамента, отвечающего за «русское направление». В нем Джордж Кеннан, в то время фактически временный поверенный в делах США в Германии, писал по поводу пакта Молотова–Риббентропа, что СССР думал не об экспансии, «а пытался безуспешно купить себе безопасность компромиссом с Германией...» (Кеннан G.F. *Memoirs 1925–1950.* Boston, 1967. P.133). Итак, на первом плане стояла безопасность, а затем все остальное. Уже в наше время, протестуя против пересмотра истории в духе Суворова-Резуна, израильский историк Габриэль Городецкий, в сущности, повторяет мысль Джорджа Кеннана: «...Пакт (Молотова–Риббентропа. – В.М.) был подписан из-за относительной слабости Советского Союза» (Городецкий Г. Миф «Ледокола»: накануне войны. М., 1995. С.346). Аналогичной позиции придерживался германский дипломат и переводчик Густав Хильгер, находившийся в самой гуще событий, связанных с советско-германскими отношениями накануне и в годы Второй мировой войны (Хильгер Г., Мейер А. *Россия и Германия. Союзники или враги? Пер с англ. М., 2008. С.351 и др.*). Во всех упомянутых случаях речь идет не об обоюдовыгодной сделке, а о самосохранении СССР перед лицом смертельной опасности. Страх оказаться в кольце западных держав, по словам Хильгера, следовал тенью за кремлевским вождем.

²³ См.: Ширер У. *Берлинский дневник. Европа накануне Второй мировой войны глазами американского корреспондента. Пер. с англ. М., 2002. С.188.*

Как показывает их содержание, эти материалы, ничуть не претендуя на академическую скрупулезность, являются носителями ценной информации, отражая спонтанную эмоциональную реакцию на те или иные события, на услышанное и увиденное в критический период предвоенного мира. Именно они лучше всего передают дух времени и настроения реальных свидетелей событий – от подавленности, пессимизма до робкого предчувствия и надежды на преодоление полосы катастроф. Эти материалы все еще остаются не в полной мере востребованными историками разных стран, хотя известен ряд случаев, когда подобного рода «сырье» послужило созданию лучших образцов биографий, мемуаров, эпистолярных сборников и т.д.²⁴

Автор настоящей публикации ставит перед собой строго ограниченную цель. А именно: в рамках своих возможностей познакомить читателей с некоторыми материалами (преимущественно из личной переписки видных американских дипломатов), не вошедшими ни в какие официальные каталоги, документальные издания или опубликованные мемуары. То есть так, как это случилось с письмом Дж.Кеннана Л.Гендерсону от 24 июня 1941 г. (см. выше), внезапно «воскресшим» после многолетнего забвения. Мы даем лишь «точечную» выборку документов, которые, однако, отражают нечто большее, чем суждения отдельных авторов, передавая их тревожные ожидания и прогнозы. Они по сути своей являются голосом минувшей эпохи, записанным на стандартных листах машинописи, а то и от руки. Разумеется, предложенные вниманию читателя документы неравноценны в содержательном отношении, а также в силу особенностей позиции и почерков их авторов. Можно усмотреть также отличия по глубине суждений и широте охвата событий. Но можно говорить и о сходстве. Находившиеся фактически в гуще европейской жизни американские дипломаты тем не менее были отделены от нее жестким законодательством США о нейтралитете. И таким образом волей-неволей могли судить о драматических перипетиях европейской

²⁴ Назовем только несколько изданий, вышедших в разное время: Майский И.М. *Избранная переписка с иностранными корреспондентами 1916–1975. Кн.1–2*; Hilger G., Meyer A.G. *The Incompatible Allies: a Memoir – History of German-Soviet Relations, 1918–1941*. N.Y., 1953; Hill L.E. *Die Weizsäcker – Papiere, 1933–1950*. Frankfurt, 1974; Bullock A. *Hitler and Stalin: Parallel Lives*. N.Y., 1993; Brand H.W. *Inside the Cold War: Loy Henderson and the Rise of American Empire*. N.Y., 1991; Farnsworth B. *William Bullitt and the Soviet Union*. Bloomington, 1967; Meacham J. *Franklin and Winston. An Intimate Portrait of Epic Friendship*. N.Y., 2003; Gaddis J.L. *George F. Kennan. An American Life*. N.Y., 2011 и др.

политики, о неровном ее пульсе более или менее отстраненно и хладнокровно, не испытывая того ужаса, в котором жила Европа, и ограничиваясь выражением сочувствия и сострадания.

Дипломаты, представленные в публикации, были людьми разных убеждений – от Уильяма Додда, джефферсонского либерала, историка-антифашиста, до Уильяма Буллита, филладельфийского аристократа, поминутно менявшего взгляды на европейские реалии и делавшего ставку на консолидацию антисоветских сил. Однако все они находились как бы над схваткой и, ощущая себя в безопасности, позволяли себе высказываться откровенно и даже цинично как в отношении агрессоров, так и их противников. Впрочем, в большинстве случаев преобладал трезвый взгляд на вещи и расстановку сил на «большой шахматной доске» мировой политики. Мы бы выделили в связи с этим обстоятельную аналитическую записку от 17 октября 1939 г. Джона Купера Вайли – посланника США (до лета 1940 г.) в Латвии и Эстонии, служившего до этого первым советником американского посла в СССР. Самым важным в анализе Вайли было стремление (вполне очевидное) не преувеличивать значения советско-германских договоренностей для судеб Европы и мира, предвидение неминуемого разрыва их в силу конфликта интересов, благоприятный в целом прогноз на сближение СССР и западных демократий и констатация (пожалуй, самая ранняя) гибельности для Третьего рейха дипломатических просчетов клики его руководителей, несмотря на все ухищрения, которые делались с целью сохранения и расширения завоеваний.

Разумеется, нет полной уверенности в том, что введение в научный оборот новых документальных источников способно поколебать укоренившиеся исторические стереотипы на фоне распространения полюбившихся мифов и чисто коммерческих массмедийных сенсаций о лжеоткрытиях и псевдогероях. Такова сила убеждений сторонников «нового прочтения» советского прошлого 1930–1940-х годов XX века в духе деструктивной теории отграничения страны-мутанта – Советского Союза – от в целом линейного и упорядоченного цивилизационного процесса. Едва ли стоит ожидать, что, в принципе отрицая континуитет, сторонники идеи «нехорошей истории» будут вынуждены признать, что война стояла у порога, но никто не был готов ее предотвратить. Как некогда это сделал директор Европейского департамента внешнеполитического ведомства США Дж. Пирпонт Моффат, ежечасно получавший послания от своих сотрудников-дипломатов «первой линии», находившихся в столицах Европы и наблюдавших крушение мира: «Последние

«ТОЛЬКО ЛИЧНО И КОНФИДЕНЦИАЛЬНО»

два дня, – занес он в свой рабочий дневник 24 августа 1939 г., – вызвали у меня ощущение, как будто я сижу в доме, наверху которого кто-то прощается с жизнью...»²⁵

Публикуемые ниже документы из частных коллекций библиотеки Конгресса представлены в хронологическом порядке с сохранением особенностей стиля письма их авторов. В ряде случаев автор публикации посчитал необходимым дать пояснения к тексту документов.

№ 1

Берлин, 11 декабря 1935 г.
Лично и конфиденциально²⁶

Дорогой м-р Дэвис:

Я очень рад, что Вы еще раз пытаетесь предпринять шаги в интересах мира, и я надеюсь, что удастся добиться реального успеха. Однако по многим признакам, которые мы здесь наблюдаем, я боюсь, что все это уже запоздалые усилия. Англичане и французы медлят и торгуются по мелочам по поводу Муссолини и делают это так долго, что скорее всего ничего существенного не произойдет. Если бы две эти страны правильно применили бы санкции, а президент (Рузвельт. – *В.М.*) и госсекретарь Хэлл в то же время заявили бы о поддержке их действий, итальянцы вынуждены были бы прекратить зверства (в Эфиопии)²⁷. Конечно, все знают, что всегда имеют место внезапно возникшие трудности, но европейские государственные деятели, несмотря на все бедствия, которые происходят у них на глазах, думается, не извлекли уроков из прошлого. В

²⁵ Цит. no: Dallek R. *Franklin D. Roosevelt and American Foreign Policy, 1932–1945*. N.Y., 1979. P. 197.

²⁶ *Library of Congress. William E. Dodd Papers. Box 46. Dodd to Norman C. Davis. December 11, 1935.*

²⁷ 4 октября 1935 г. Италия предприняла неспровоцированную агрессию в Эфиопии. Так началась итало-эфиопская война, которая длилась до 1938 г. Реакция западных демократий и Лиги Наций была необычайно вялой. Англия и Франция, мотивируя свою позицию нежеланием обострять европейские конфликты, ограничились поддержкой очень мягких санкций Лиги Наций в отношении Италии. 4 июля 1936 г. Лига Наций постановила вообще отказаться от дальнейшего применения санкций (См.: Наумов А. *Дипломатическая борьба в Европе накануне Второй мировой войны*. М., 2007. С.222; Наджафов Д.Г. *Нейтралитет США, 1935–1941*. М., 1990. С.35–37).

случае с Италией, если бы она была остановлена, это бы наложило серьезные ограничения, а может быть, и оказало бы всестороннее воздействие на одну из тоталитарных стран. Такое воздействие, в свою очередь, стало бы примером эффективного применения мирных методов. Эффект в Европе был бы ошеломляющим...

Разумеется, морская ситуация достаточно сложна, но она становится еще более сложной из-за последних событий. Я убежден, что между Германией и Японией существует альянс. Повидимому, у Вас имеются на этот счет еще более очевидные факты, но то, что мы здесь знаем в связи с этим делом, мне кажется абсолютно убедительным. Вы прочтете телеграмму, отосланную Вам вчера. Эта договоренность Германии с Японией базируется на выводе, что Германии придется воевать с Россией. В официальных кругах здесь, в Берлине, существует абсолютная уверенность в этом отношении, и мы совсем недавно получили убедительное доказательство того, что могущественные стальные и оружейные олигархи так же очень заинтересованы в том же самом. Я мог бы даже сообщить Вам имена этих людей. Это отношение к России является прямым результатом программы, изложенной в последних четырех главах книги Гитлера «Майн кампф», в которой много лет назад он изложил то, что считает базисной политикой своей страны, которую он называет Третьим рейхом. Его партия осуществляет безоговорочный контроль над страной, хотя и сталкивается с финансовыми трудностями. Прежде всего партийные вожди полагают, что Германия должна расширяться именно в восточном направлении, что же касается людей, живущих на этой территории, то их следует просто переместить дальше на восток. Вторым достижением было бы установление перманентного господства Германии над Средней Европой или, возможно, над всей Европой. Очень много чрезвычайно влиятельных поборников такого рода господства входит в непосредственное окружение фюрера. Я беседовал со многими из них. И самый заметный из этой группы постоянно ссылался на Фридриха Барбароссу в качестве образца для нынешнего германского правительства. Это выглядело бы даже немного романтично, если бы руководство всей правящей партии здесь не думало бы точно так же. Я остановился на изложенных выше двух важных моментах, потому что они являются базовыми и потому что именно с Германией Япония находится в состоянии сотрудничества.

Конечно же, если подобная программа будет осуществлена на Дальнем Востоке, то своим результатом она будет иметь столь же агрессивную политику в Китае и вообще в азиатской части мира. Если оба направления будут осуществляться синхронно, я не знаю, что с этим смогут сделать Соединенные Штаты без сотрудничества с Англией и Голландией. Голландия с точки зрения вооружения не столь уж важна, но интересы ее народа идентичны интересам народов Англии и США.

Это довольно-таки грустная картина, а ведь именно такого рода поведение двух держав В. Вильсон именовал империализмом. Имея в виду политику экспансии и господства Германии и Японии, Англия и США будут вынуждены создать такой прочный союз, о котором сегодня не могут и подумать простые англичане и американцы. Коммерческие и промышленные разногласия (этих стран – *В.М.*) будут иметь второстепенное значение, а их богатство достаточно велико, чтобы позволить им по крайней мере сдерживать империалистические поползновения других держав. Однако я опасаюсь, что создание большого флота Германией и Японией – дело уже решенное. Это никак не может ободряюще подействовать на любого человека, который знает, какой может быть цена еще одной мировой войны. Если Франция расширит свой кругозор чуть дальше, чем это она делала в прошлом, Ваша конференция может стать успешной, а если оказать в скором же времени экономический нажим на Италию, то Вам почти наверняка удастся одержать победу. Если Вы сейчас и в самом деле успешно завершите конференцию, это будет настоящим чудом.

Я позволю себе выслать Вам экземпляр текста моего выступления, которое я произнес в День благодарения. В нем Вы встретите ряд мыслей, которые я выразил в данном письме.

Искренне Ваш
Уильям Додд

Высокопочтимуому Норману Дэвису²⁸,
Морская делегация США Американское посольство Лондон

²⁸ Дэвис Норман (1878–1944) – банкир и известный дипломат вильсоновской «школы». По поручению президента Рузвельта представлял США на Лондонской конференции по морским вооружениям с участием США, Англии, Франции, Италии и Японии (1935, 1936 гг). Последние две страны отказались поставить свои подписи под Лондонским соглашением 1936 г. о морских вооружениях.

№ 2

Берлин, 5 ноября 1936 г.
Вашингтон²⁹

Конфиденциально для
государственного секретаря

Информация, полученная из трех разных источников, приводит меня к заключению, что германские корпорации, такие как И.Г.Фарбен, и американские корпорации, имеющие филиалы в Германии, начинают реализовывать новый план добычи и производства минерального сырья и военных материалов. Посланные вчера секретные инструкции руководителям вышеуказанных объединений показывают, что эти люди получили задание обеспечить, используя кредит, производство необходимых товаров в Соединенных Штатах, а затем переправить их якобы в английские или французские порты, а реально в Гамбург или Бремен. Говорят, что Шахт³⁰ сказал, что это будет продолжаться пять или шесть месяцев, что вполне устраивает Германию.

Из другого источника я слышал вчера, что некоторые материалы недавно были оплачены через кредиты и направлены в Англию, а затем переправлены в Германию. Хотя нет абсолютно точных данных об этом бизнесе, я убежден, что данный способ снабжения Германии уже работает в полную силу. Такие же инструкции, как для И.Г.Фарбен и других компаний по добыче минералов в США, действуют и в отношении аналогичных компаний на территории Мексики, Чили и Бразилии.

Додд

²⁹ *Library of Congress. William E. Dodd Papers. Box 49. Dodd to Cordell Hull. November 5, 1936.*

³⁰ *Шахт Ялмар (1877–1970) – немецкий государственный деятель. В 1933–1938 гг. – президент Рейхсбанка, в 1936–1937 гг. – рейхсминистр экономики Германии.*

№ 3

Помощник государственного секретаря³¹

Вашингтон

1 апреля 1936 г.

Дорогой д-р Додд:

Президент проявил такой большой интерес к Вашему письму от 18 февраля, что он попросил меня переговорить с м-ром Хэллом, что я и хочу сделать после приезда последнего в Вашингтон, т.е. на следующей неделе. Я могу сказать Вам, что м-р Хэлл проявляет внимание ко всем проблемам, о которых Вы упомянули.

Представляется, что ситуация в Европе является исключительно сложной, но я думаю или, лучше сказать, мечтаю, что из всего того, что случилось, может возникнуть итог вполне успокаивающий, если только Гитлер и в самом деле расположен соблюдать общее соглашение об отказе от агрессии. Этим утром один из влиятельных журналистов сказал мне, что он, первое, очень опасается начала в ближайшее время войны между Японией и Советами, когда японская армия будет действовать независимо от японского правительства и, второе, что он верит в тесное взаимопонимание между Германией и Японией, делающее их союзниками в такой войне. Более того, он сказал, что убежден в том, что Германия активизирует подрывную работу в Австрии, а это фактически приведет ее к объединению с Германией. Что же касается Италии, то она не станет оказывать сопротивления этому. Он сказал также, что помимо целей Германии в отношении Австрии она, почти не колеблясь, предпримет шаги к захвату Украины. Но я не хочу углубляться в анализ европейской ситуации, относительно которой Вы располагаете такой секретной информацией, которая делает мои сведения вообще не заслуживающими прочтения.

Р.У.Мур³²

Его превосходительству Уильяму Е. Додду
Посольство США Берлин, Германия

³¹ *Library of Congress. William E. Dodd Papers. Box 49. R. Walton Moore to Dodd. April 1, 1936.*

³² *Мур Роберт Уолтон (1859–1941). В 1933–1937 гг. – помощник госсекретаря США К.Хэлла. С 1937 года – советник государственного департамента США.*

Париж,
19 апреля 1937 г.³³

Дорогой м-р посол:

Благодарю Вас за письмо от 24 марта. Я, так же как и Вы, скептически отношусь к возможности использования нашего влияния для эффективного проведения политики мира в Европе. Президент Рузвельт и госсекретарь Хэлл проделали такую замечательную работу для сближения стран Южной и Северной Америки, что огромное число людей пришло к выводу, что они смогут сделать то же самое и в Европе. Но Вы, так же как и я, знаете, как сейчас ограничено их влияние на европейском континенте. Абсолютно очевидно, что они не могут обещать поддержку американской армией и флотом вмешательству в европейские дела в случае войны, и, поскольку наше вмешательство может быть ограничено только добрыми советами и сотрудничеством в области ограничений вооружений, а также снятием торговых барьеров, следовательно, оно не может быть значительным.

Говоря в целом об американской внешней политике, я не могу изменить ни слова в моем выступлении в Париже 22 февраля 1937 г., по поводу которого Вы прислали свой отклик. Оно представляет взгляды президента и государственного секретаря. Мы не собираемся предпринимать какую-либо инициативу, но, если европейские страны внесут предложения об ограничении вооружений и устранении торговых барьеров, мы изучим эти предложения с целью установления связи и оказания помощи.

Конечно, это может показаться Вам достаточно негативным отношением, но могу Вас заверить, что именно это полностью отражает позицию американского общественного мнения сегодня. Никогда на моей памяти в США не было такого единства мнений в пользу изоляции от Европы. Я обнаружил в Вашингтоне удивительное единство всех членов палаты представителей и сенаторов, не говоря уж о журналистах, в отношении их убежденности, что непоплаченные долги начинают приносить США огромные дивиденды, ибо, оставаясь непоплаченными, они гарантируют то, что

³³ *Library of Congress. William E. Dodd Papers. Box 50. William C. Bullitt to Dodd. April 19, 1937.*

«ТОЛЬКО ЛИЧНО И КОНФИДЕНЦИАЛЬНО»

мы не станем вновь сентиментальными для того, чтобы быть вовлеченными в еще одну войну...

Искренне Ваш
Уильям Буллит³⁴

Высокопочтительному Уильяму Э.Додду
Американскому послу Берлин

№ 5

Берлин, 24 июня 1937 г.³⁵

Секретно
Вашингтон
Государственному секретарю США

Серьезная ситуация в этой стране (Германии. – В.М.) заставила меня сказать фон Нейрату³⁶ во время нашей неформальной встречи в среду после полудня следующее. ЦИТАТА. Мне жаль, что Вы не поедете в Лондон для того, чтобы помочь Комитету по невмешательству урегулировать очень серьезный испанский конфликт. КОНЕЦ ЦИТАТЫ. Он дважды повторил, что он также огорчен и дал понять, что именно Гитлер запретил ему делать это.

Этим утром немецкая пресса сообщила, что английский и французский послы вместе со мной стали объектом внимания парижской и лондонской прессы, так как заявили официальный протест против позиции Германии. Я лично этого не делал, а все, что я сказал Нейрату, изложено выше.

³⁴ Буллит Уильям Кристиан (1891–1967) – американский дипломат и журналист. В качестве советника президента В.Вильсона участвовал в Версальской конференции. В 1919 г. с санкции Вильсона и Ллойд-Джорджа встречался в Москве с Лениным. В 1934–1937 гг. – посол США в СССР. С упорством настаивал на односторонней уплате Советским Союзом долгов царского правительства. В 1937–1940 гг. – посол США во Франции. В годы, непосредственно предшествующие войне и после нее, перешел на позицию жесткого антисоветизма (См.: Carley M.J. *Op. cit.* P.85).

³⁵ Library of Congress. William E. Dodd Papers. Box 51. Dodd to Cordell Hall. June 24, 1937.

³⁶ Фон Нейрат Константин (1873–1956). В 1932–1938 гг. – министр иностранных дел Германии, рейхспротектор Чехии и Моравии в 1939–1943 гг. Осужден Международным военным трибуналом 1945–1946 гг. В 1954 году освобожден из заключения.

Однако я сегодня встретился с английским послом³⁷ с тем, чтобы узнать о его реакции. Он сказал не без удивления. ЦИТАТА. Все это говорит о возобновлении реализации программы Бисмарка по присоединению к Третьему рейху всех германоязычных народов. Мое правительство либо глупо, либо не понимает положения в Европе. Я думаю, Великобритания и Соединенные Штаты должны стать на сторону Германии и позволить ей оккупировать Австрию и такую часть территории Чехословакии, которую она пожелает видеть своей. КОНЕЦ ЦИТАТЫ. Он сказал, что Францию следует оставить в покое, а Испания должна подчиниться Франко. Он полагает, что эти меры стабилизируют Европу. Он добавил, что согласен видеть Англию, ее заморские территории сотрудничающими с Соединенными Штатами в коммерции и торговле. Говорили о многом, но то, что сказано выше, является главным и основным.

Додд

№ 6

Берлин, 1 июля 1937 г.³⁸

Конфиденциально

Мой дорогой сэр Эрик:

Я совершенно не представляю себе, можем ли мы оба что-либо сделать, чтобы уменьшить давление в пользу войны, или наши усилия обречены на провал, но я рискну выразить мое суждение по некоторым вопросам, которым Вы, надеюсь, придадите значение особой секретности.

1. Оказываемое здесь, в Германии, давление с тем, чтобы добиться от Англии одобрения германского контроля, а на самом деле аннексии дунайско-балканской зоны, сейчас более значительно, чем когда-либо за все время моего пребывания в качестве посла в этой стране. Я вижу, что английское общественное мнение предпочитает такой исход риску войны. Ваш посол здесь (Н.Гендерсон. – В.М.) многократно говорил мне, что согласие Англии на «бисмарковскую» экспансию разумно и даже спрашивал, не смогут ли США одобрить

³⁷ Гендерсон Невил (1862–1942) – английский дипломат. В 1937–1939 гг. – посол Великобритании в Германии, сменил на этом посту Эрика Фиппса. Яркий германofil, как его охарактеризовал И.М.Майский (См.: Майский И.М. Дневник дипломата. Кн.1. С.163).

³⁸ Library of Congress. William E. Dodd Papers. Box 51. Dodd to Eric Phipps. July 1, 1937.

эти шаги и не присоединятся ли они сами к моральному тройственному альянсу³⁹. Я отвергаю любой намек на то, что режим Рузвельта мог бы задуматься по поводу этой комбинации, и, как я себе представляю, ни один самый реакционный режим в Соединенных Штатах не смог бы принять это предложение.

2. В дополнение к восточноевропейской ситуации существует и другая – испанская ситуация. Если у Вас есть время, просмотрите статьи в нашем журнале “*Foreign Affairs*”, особенно те из них, где речь идет об Испании, Италии и Латинской Америке. Вы получите должное представление о целях, которые ставит перед собой союз Франко–Муссолини. Безотносительно к жестокостям, которые творят обе стороны в Испании, я не могу не думать, что Англия и ее демократические попутчики по большому счету взвалили на плечи испанцев решение своих проблем. Если Муссолини установит свой контроль на Пиренеях, Гитлер, с почти полной уверенностью можно сказать, захватит Австрию, Чехословакию и Венгрию. Это означает, что фюрер осуществит, по крайней мере наполовину, тот успех, о котором мечтал в 1917 г. Людендорф, когда он настаивал на блокаде подводными лодками Англии. А что будет означать для Англии нацистское господство над Европой?

Вы лучше меня знаете, что Ваше правительство в Лондоне планирует осуществить. Я чувствую, что Англия, Соединенные Штаты, Франция и малые демократические страны Европы могут предотвратить эту великую угрозу, если они найдут путь к сотрудничеству в области коммерции и стабилизируют свои финансы...

Еще раз хочу сказать, что ни я, ни Вы не можем что-либо сделать, но по крайней мере мы можем донести наши взгляды до наших правительств.

Извините за это длинное послание. Шлю Вам лучшие пожелания в тех трудных делах, с которыми Вы сталкиваетесь.

Искренне Ваш
У.Э.Д.

Высокопочтительному Сэру Эрику Фиппсу⁴⁰
Британскому послу Париж, Франция

³⁹ Речь идет об Антиконтинентальном пакте, заключенном 25 ноября 1936 г. между Германией и Японией. В случае, если бы к нему присоединились США, он становился бы пактом трех держав. Посол Гендерсон, по-видимому, не исключал такой возможности.

⁴⁰ Фиппс Эрик Эдмунд (1875–1945) – посол Великобритании в Германии (апрель 1933 –

№ 7

Джордж Мессерсмит
Феликсу Ф. Франкфуртеру⁴¹
6 июля 1937 г.

...Если Лондон и Париж останутся твердыми, тогда худшего можно будет избежать, но позицию наших английских друзей иногда очень трудно понять. Новый английский посол в Берлине (Н.Гендерсон. – В.М.) позволил себе неразумное публичное выступление сразу же после своего прибытия в Берлин и этим опрометчивым шагом еще более обострил сегодняшнюю напряженную ситуацию⁴².

апрель 1937 г.) и во Франции (апрель 1937 – октябрь 1939 г.).

⁴¹ *Library of Congress. Felix Frankfurter Papers. Box 83. G.S.Messersmith to F.Frankfurter. July 6, 1937. – Здесь приводится отрывок из письма помощника государственного секретаря США в 1937–1940 гг. Джорджа Мессерсмита видному соратнику президента Рузвельта Феликсу Франкфуртеру. Мессерсмит так же, как У.Додд и Ф.Франкфуртер, был последовательным противником нацизма. В знак протеста против волны еврейских погромов и репрессий в отношении католиков в Германии он рекомендовал Рузвельту отозвать из Берлина Х.Вильсона, сменившего У.Додда на посту посла США в Берлине, и торгового атташе Д.Миллера. Госдепартамент США вручил германским властям ноту протеста, а дипломаты США оставили столицу Германии. 22 ноября 1938 г. германский посол Дикхоф покинул Вашингтон. Эти события знаменовали собой серьезную перенастройку общественного мнения США после мюнхенской эйфории (См.: Мальков В.Л. Дипломатия США накануне и после Мюнхена // Вопросы истории. 1988. №10. С.26–43; Севостьянов Г.Н. Москва – Вашингтон. Дипломатические отношения, 1933–1936. М., 2002. С.306).*

⁴² *«Красноречие» посла Гендерсона совсем неспроста отозвалось морозом по коже по всей Европе – от Стокгольма до Вены и от Парижа до Москвы. Советский посол в Англии И.М.Майский записал в своем «Дневнике» 1 августа 1937 г.: «...британский посол в Берлине Гендерсон убеждает американского посла в Германии У.Додда помочь устройству совместного англо-американского займа для Гитлера, а также в разговорах с руководителями "наци" вслух высказывает мнение, что Англия легко примирилась бы с присоединением Австрии и Чехословакии к Германии "на федеральных условиях". Вот сукин сын!» (Майский И.М. Дневник дипломата. Кн.1. С.179).*

№ 8

Война из-за самообмана⁴³

17 октября 1939 г.

(Дата написана от руки. – В.М.)

Германская политика агрессии путем невоенного проникновения базировалась на убеждении, что Рейх может достичь взаимопонимания с Великобританией. Такая установка на сохранение британского нейтралитета в случае возникновения любой войны, в которую могла быть вовлечена Германия, должна была обеспечить последней свободу рук на европейском континенте и снижение роли Франции до разряда третьестепенной державы. Советский Союз рассматривался как малозначачий фактор, обреченный играть лишь пассивную роль в событиях.

Германская политика была сформулирована с учетом прежде всего предпосылок психологического характера⁴⁴. Однако ее по-

⁴³ *Library of Congress. Loy Henderson Papers. Box 2. John C. Wiley to Henderson. November 1, 1939. – Текст записки Вайли не был снабжен четким обозначением адресата. Она предназначалась руководителю Европейского отдела госдепартамента Дж.Пирпонту Моффату. Копия записки хранится в архиве Л.Гендерсона.*

⁴⁴ «Психологическая природа внешней политики Гитлера хорошо раскрыта Германом Раушингом в недавно опубликованной им статье под названием "Гитлер не мог остановиться" ("Foreign Affairs", October 1939, p.1), в которой подчеркнут среди прочего уникальный характер гитлеровской стратегии агрессии. В ней обращение к военной силе отнесено ко второй фазе, а победу же предполагается достигнуть опережающим военные операции способом полной деморализации противника применением средств психологического воздействия. В связи с этим Раушинг цитирует соответствующее место из "Майн кампф": "Умный победитель, когда это возможно, выдвигает свои требования перед поверженным противником. Он может быть уверен, что бесхарактерный народ – а к этой категории относятся все народы, которые добровольно отдают себя в подчинение, – не обнаружит побудительных причин для того, чтобы вновь сражаться за отнятую у него ту или иную территорию. Чем больше происходит отторжений этого рода, тем меньше народ проявляет желание воевать, оказавшись жертвой новых актов насилия, внешне изолированных, а в реальности повторяющихся, в особенности, если они сопровождаются бранью и оскорблениями, безропотно сносимыми объектом такого обращения". – Примечание автора аналитической записки.

Раушинг Герман (1887–1982) – видный политик Веймарской Германии. В начале 1930-х годов глава сената «Вольного города» Данцига. Входил в круг лиц, приближенных к Гитле-

следующее осуществление на практике порождало расчеты, исходившие в большей мере из логики самих событий, нежели из психологической мотивации. Было бы трудно опровергнуть убедительную логику германских доводов касательно того, что если Великобритания не оказала сопротивления ремилитаризации Рейнской области, аншлюсу, расчленению и уничтожению Чехословакии, то она не может серьезно отстоять Данциг и коридор⁴⁵. Британское перевооружение и ужесточение реакции британского правительства также можно было объяснить народным недовольством и нападками оппозиции. Таким образом, для Германии было логичным предположить, что британское правительство в своих действиях руководствовалось соображениями, связанными с внутренней политической целесообразностью, и что оно оставалось так же, как и прежде, склонным уклоняться от окончательного решения (польской проблемы. – *В.М.*) военными средствами, тем более, что затронуты были лишь локальные вопросы. Они не касались напрямую Британской империи или ее жизненных интересов. Вот почему, хотя Великобритания и не согласилась искать взаимопонимания с Германией, она тем не менее не переступила черту, за которой мог вспыхнуть общий конфликт по поводу локализованной польской операции немцев.

Еще одним логическим соображением, которое также могло иметь существенное влияние, было следующее. Великобритания находилась под большим давлением в зоне Средиземного моря и на Дальнем Востоке (со стороны Италии и Японии. – *В.М.*), заставлявшим ее избегать риска вмешательства в европейский конфликт. Таким же образом логически оправданное сокращение ее обязательств в рамках политических гарантий и переговоров о «фронте мира» с Советским Союзом было задумано для создания

ру. После конфликта с руководителями данцигских национал-социалистов уехал сначала во Францию, а затем эмигрировал в США. Автор книги о беседах с Гитлером, впрочем, подлинность многих высказываний Гитлера, приводимых в ней, часто подвергается сомнению (См.: Раушинг Г. Говорит Гитлер. Зверь из бездны. М., 1993).

⁴⁵ *Здесь Вайли останавливается на самой острой проблеме в польско-германских отношениях – конфликте вокруг вопроса о возвращении Германии отторгнутого от нее согласно Версальскому мирному договору Данцига, объявленного «Вольным городом», а также узкой полосы балтийского побережья западнее Данцига, обеспечивающего выход Польши к морю и получившего название Данцигского коридора.*

впечатления о теоретическом превосходстве в силе больше с целью упреждающего устрашения, нежели для того, чтобы реально противодействовать военными мерами германской экспансии. Примером может служить невыполнение Англией предоставления эффективной помощи Польше, что, конечно же, не осталось незамеченным в Германии⁴⁶.

Элемент просчета в германской дипломатической калькуляции вытекает преимущественно из факторов, которые, возможно, Германия недооценила и, в частности: 1) кумулятивный эффект влияния на британское общественное мнение возможно успешного германского вторжения; 2) способность британского правительства сознательно расстаться с политикой умиротворения, которая была испытана в полном объеме и обнаружила свою нереалистичность, и 3) медленное осознание в Англии того факта, что безопасность империи окажется под угрозой, если европейская ситуация не будет радикально изменена. Еще одним вводящим в заблуждение элементом, который мог оказать соответствующее воздействие на Германию, оказались традиции антагонистических отношений между Великобританией и Францией. Именно они, возможно, дали толчок преувеличенным надеждам на вбивание клина между ними.

Германская политика по ходу своего развития столкнулась со следующими конкретными проблемами: 1) польский выбор в пользу независимой политики и отказ Варшавы уступить германским требованиям в отношении Данцига и коридора, 2) британские гарантии Польше и другим странам и формирование «фронта мира» и 3) возобновление позитивного курса во внешней политике Советского Союза по отношению к Западу.

⁴⁶ Автор аналитической записки имеет здесь в виду состояние ступора, охватившее Запад после победоносной для немцев «локальной» польской кампании. Фактически ни Англия, ни Франция не предприняли никаких серьезных военных мер в соответствии с обязательствами перед Польшей. Г.Гудериан в своих воспоминаниях писал по этому поводу: «Надеялись мы на то, что та быстрота, с которой мы захватили Польшу, принесет политические плоды и что державы Запада склонятся теперь к заключению мира. Мы считали, что, если этого не произойдет, Гитлер в скором времени примет решение о начале военной кампании на Западе. К сожалению, не произошло ни того, ни другого. Мы вступили в период "drôle de guerre" (странной войны), по выражению Черчилля» (Гудериан Г. Воспоминания немецкого генерала. М., 2005. С.89).

Первая проблема (речь идет о Польше) сейчас снята путем военных действий. В ходе чехословацкого кризиса Польша, оккупировавшая Тешинскую область и заявившая претензии в отношении Закарпатской Украины, оказалась зависима от Германии, а тем временем германская политика осуществлялась скорее в антипольском, нежели в благоприятном для Польши, духе⁴⁷.

Вторая проблема, касающаяся политики в отношении Великобритании, по всей видимости, еще недостаточно четко определена. Британское политическое мышление развивается в соответствии с традиционными стандартами: о Германии судят с обычной предвзятостью. Между двумя странами сохраняется достаточно большой разрыв, который мешает пониманию друг друга. Например, утверждается, что Германия начала войну в 1914 г. только на базе фундаментально ошибочной оценки британской позиции. Полагают, что, если бы британское правительство ясно заявило о своей решимости вмешаться, Германия тотчас же сделала бы выбор в пользу мира. В преддверии сегодняшней войны оба правительства – Британии и Франции – сделали публичные заявления, которые не должны были оставить у Рейха никаких сомнений в отношении их позиции. Но вполне возможно, что германское правительство не придало им заслуживающего значения и что вступление Германии в развернувшуюся борьбу базируется на том же большом самообмане, что и тот, который привел к войне 1914–1918 гг. Германская военная тактика на Западном фронте, где операции носят преимущественно ограниченный характер мелких

⁴⁷ *Весьма прозорливые наблюдения Джона Вайли находят сегодня подтверждение в новейших исследованиях некоторых польских историков. Так, Мариуш Волос пишет, что демонстративно спокойное отношение Польши к ажиотажу Австрии и фактическое его одобрение позволило Варшаве, опираясь на достигнутое взаимопонимание с Гитлером, рассчитывать «на совместные действия Польши и Германии в деле демонтажа Версальской системы» (Волос М. Накануне Второй мировой войны: вокруг политики «равноудаленности» в 1932–1939 гг. // Кантор Ю., Волос М. Указ. соч. С.181). Той же внутренней солидарностью (по большому счету оставшейся без ответа) с Германией вдохновлялась польская дипломатия, когда обеспечила вопреки протестам Франции, Англии и СССР присоединение к Польше Тешинской Силезии, отошедшей по Версальскому мирному договору к Чехословакии, и готовила совместно с Венгрией завершение раздела Закарпатской Украины.*

стычек, вместе с последними мирными инициативами фюрера⁴⁸ говорят о том, что германская политика продолжает оставаться уверенной в том, что все дела с Великобританией и Францией удастся утрясти. Как следствие – еще не принято решение дать на Западе полный ход германской военной машине.

Третья проблема – речь идет о появлении советского фактора – стала полной неожиданностью для Германии. Точное содержание соглашения, достигнутого между Молотовым и Риббентропом в ходе двух визитов, нанесенных последним в Москву, неизвестно⁴⁹. Однако вполне логично предположить, что масштабы советского броска на Балтике не были полностью осознаны германским правительством и что внезапная советская мобилизация и вступление Красной Армии на территорию Польши застали Германию врасплох. Поскольку германская военная стратегия исходит из требования избежать войны на два фронта, германская политика после переоценки Антикоминтерновского пакта была вынуждена выработать новый подход к Советскому Союзу и сделать это как можно осторожнее, по крайней мере, до того момента, пока не изменится обстановка. По-видимому, ни в Германии, ни в Советском Союзе никто не сомневается, что, в случае мирного исхода переговоров на Западе или германской военной победы, Рейх немедленно будет стремиться к радикальному пересмотру ситуации на Востоке⁵⁰.

⁴⁸ 6 октября 1939 г. Гитлер выступил в рейхстаге с речью, в которой он, обращаясь к мировому сообществу, предложил провести встречу главных европейских держав с целью организации мира посредством принятия взаимных гарантий, передачи Германии утраченных ею колоний и решения «еврейского вопроса». Эта очередная «мирная инициатива» Гитлера не могла не быть отвергнутой Лондоном и Парижем. Однако даже У.Ширер, прослушав эту речь фюрера, написал 6 октября в своем дневнике: «Для Парижа и Лондона было бы вполне разумно заключить мир и подождать, пока Германия и Россия не столкнутся в Восточной Европе» (Ширер У. Указ. соч. С.198).

⁴⁹ Фон Риббентроп побывал в Москве дважды – 22, 23 августа 1939 г., когда был подписан Пакт о ненападении, и 27, 28 сентября 1939 г. с целью подписания договора о дружбе и границах.

⁵⁰ «Священная заповедь германской нации в отношении ее внешней политики всегда исходит из следующего постулата: "Никогда не допускать формирование двух континентальных держав в Европе. Рассматривать агрессивным вызовом Германии каждую попытку создать вторую военную державу на германских границах и считать не только правиль-

Германские просчеты в оценке Советского Союза можно значительно легче объяснить, чем ошибки в прогнозах поведения западных стран. Советский Союз только что пережил серию тяжелых чисток⁵¹, которые поразили каждую клетку советского общественного организма. Армия особенно сильно была затронута этими событиями. Есть все основания констатировать, что советская структура была чрезвычайно ослаблена, что не позволяло проводить позитивную политику, включая мобилизационные мероприятия. Более того, отставка Литвинова была интерпретирована в Германии, так же как и везде, в качестве признака поворота советской политики с Запада на Восток, где Советский Союз был целиком поглощен японской угрозой. Что могло быть более логичным и легким для Германии, чем принятие мер к тому, чтобы выключить Кремль из «фронта мира»? Что могло бы более надежно обеспечить еще одну и еще более значительную капитуляцию по образцу Мюнхена со стороны западных демократий?

Ясно, что Рейх не разгадал ни советскую загадку, ни франко-английскую готовность к сопротивлению. В настоящее время, когда Германия и Советский Союз анонсировали программу дружбы по соглашению, анализ их взаимоотношений доставляет им обоим слабое утешение. В дополнение к фундаментальному конфликту славянства и тевтонов возник другой – между возрожденным панславизмом и политикой *Mittleuropa* («Срединная Европа». – *В.М.*). Признаки сродства между двумя режимами создают скорее основу для конкурентной вражды, нежели базы для единения. Наконец, всегда сохраняется германская угроза территориальной экспансии за счет самой России. Эта опасность, конечно же, обостряется благодаря общей границе.

Советская политика в принципе враждебна к внешнему миру, географическая же близость вызывает советское недоверие прежде всего к Рейху. В Германии этот феномен объясняют тем, что советская политика в реальной жизни, будучи направлена против

ним, но и долгом предотвращение любыми средствами, вплоть до применения оружия, создания такого государства или принятие мер к его уничтожению, если оно возникло...» (*Adolf Hitler: Mein Kampf, Part II, Chp.14 – Eastward Orientation vs. Eastern Politics*). – *Примечание автора аналитической записки.*

⁵¹ «В ретроспективе они выглядят как политическая мера предосторожности, принятая в связи с последующей мобилизацией». – *Примечание автора аналитической записки.*

Германии, сохраняет одновременно «оборонительный» характер. Однако, как бы ни обнадеживало такое представление, оно не должно приниматься буквально. Дело в том, что оборонительная политика ничем не ограничена в пределах существующей практики. Даже превентивная война может вполне укладываться в это понятие.

Независимо от того, следует ли считать новую советскую политику по отношению к Германии «оборонительной» или нет, она имеет совершенно очевидный провокационный характер. Германские войска в Польше должны были отступить перед преобладающей советской военной силой и таким образом позволили Советскому Союзу оккупировать стратегически и экономически важные территории. Германия должна была согласиться на потерю общей границы с Румынией, в то время как Советский Союз обеспечил себе общие границы с Венгрией, а также приобрел главную часть нефтяных месторождений в Галиции. В ходе обретения своих новых границ Советский Союз был очень осторожен, стремясь не включать вместе с ними те национальные меньшинства, которые могли бы быть использованы Германией в качестве орудия расчленения России. К тому же Советский Союз теперь заблокировал процесс создания Mitteleuropa. На Балтике советская политика была также позитивной. Германские позиции в прибалтийских странах укреплялись на протяжении семи веков. Они были разрушены в одну ночь. В Восточной Прибалтике Советский Союз теперь будет доминировать в регионе Рижского и Финского заливов. Возможно, также и в районе Ботнического залива. Оборонительные военно-воздушные базы вдоль побережья Балтийского моря, простирающиеся вплоть до территории Мемеля, будут расположены всего в радиусе короткого «оборонительного» перелета до Берлина. Совершенно ясно, что Советский Союз сейчас искусно подготавливает позиции в связи с создавшимся германским соседством, которые бы позволили оказывать помощь или создавать помехи в зависимости от того, что диктуется его (Советского Союза. – В.М.) интересами. Ударение делается на учет национального интереса⁵².

⁵² А.В.Ревякин в опубликованной им пилотной статье (опираясь на неизвестные ранее архивные материалы о настроениях в советских военных кругах после начала войны в Европе) подтверждает через семь десятков лет прогноз Вайли о неизбежном обостре-

Недавнее прошлое продемонстрировало естественность такого хода вещей, когда Германия и Россия могут извлекать большую выгоду от экономического сотрудничества. Такое сотрудничество, однако, может достигнуть существенных масштабов только на долгосрочной основе, оно не предполагает ситуацию, когда во главу угла ставится военная целесообразность. Оно, это сотрудничество, может сложиться только на основе политической стабильности и устранения главных причин возможного конфликта, который сейчас налицо. Важным в этом смысле будет ограничение немецких политических и военных целей. Но ни одно из таких ограничений не может быть незамедлительно и убедительно продемонстрировано путем обычных заверений, торговых соглашений или подписания пактов о ненападении. Только путем медленного процесса, через практические шаги, можно достигнуть *détente*.

Германская политика агрессии рассчитана преимущественно на продолжение экспансии, что в перспективе прямым образом вовлекает в события СССР. В то же время одним из ключевых принципов германской стратегии является стремление оказывать сопротивление заключению Рейха в кольцо враждебного окружения. Советская же оборонительная тактика со всей очевидностью является частью такого окружения, нацеленного на то, чтобы не дать Рейху стяжать плоды возможной победы в Восточной и Юго-Восточной Европе, используя одержанные им победы для создания плацдарма против СССР. С элементами русско-германского конфликта, достаточно прозрачно проявившегося в процессе быстро меняющейся ситуации, очень трудно предвидеть, как отношения взаимодоверия между двумя странами могут быть быстро установлены или как Германия в нынешних обстоятельствах смо-

нии отношений между Германией и СССР и переходом их в военную стадию (См.: Ревякин А.В. Вооруженные силы СССР и поражение Франции в 1940 г. // «Завтра может быть уже поздно...» С.211–224). По всей цепочке общественных связей передавалось ожидание неминуемого военного конфликта с реальным неприятелем, «переставшим быть врагом» после договоров 23 августа и 28 сентября 1939 г., и тревожное предчувствие того, что конфликт перерастет в длительную тяжелейшую войну. В ноябре 1940 г., прибегая к Эзопову языку, Сталин говорил о «скрытых врагах» СССР, к которым относил и Германию (См.: Невежин В.А. Застольные речи Сталина. Документы и материалы. М.: СПб., 2003. С.231–236).

жет спокойно проигнорировать свою восточную границу с тем, чтобы всецело сконцентрироваться на борьбе с Западом.

Возвращаясь к вопросу о главных просчетах при стратегическом планировании германской политики, следует принять во внимание возможность того, что германский стиль осуществления внешней политики только увеличил масштабы ошибок. Проведение внешней политики в Германии оказалось разделено между многими различными учреждениями правительства и партии. В возникшей атмосфере неразберихи и взаимной злобной вражды в связи с несогласованностью задач Министерство иностранных дел было начисто лишено информации о важных дипломатических шагах. И, наконец, существуют признаки того, что герр Гитлер принимал моментальные решения на основе неверных и даже ложных версий о ходе и результатах зарубежных переговоров. Этот феномен сочетается с особыми чертами герра фон Риббентропа. Что будет, если расколотый дом ввяжется в войну?

Ситуация не выглядит обнадеживающей по части достижения мира путем переговоров и по причине того, что воюющие стороны располагают достаточными ресурсами для того, чтобы быстро оказаться в состоянии гражданской или военной дезинтеграции. Отсюда возникает перспектива длительной войны на фоне фигуры Сталина, перемещающегося на место Гитлера как великого мастера невоенного вторжения. Кремль также попытается всеми путями продлить истощающий обе стороны ход войны, потому что сила Советского Союза лежит в слабости других стран.

Советское вступление в войну остается маловероятным до тех пор, пока ситуация внезапно не изменится в духе, напрямую угрожающем безопасности Советского Союза или его жизненным интересам.

Джон К.Вайли

Перевод В.Л.Малькова

Наши авторы

Кургинян Сергей Ервандович

кандидат физико-математических наук, политолог,
Президент Международного общественного фонда
«Экспериментальный творческий центр»,
главный редактор журнала «Россия XXI»,
главный режиссер театра «На досках»

Зимонин Вячеслав Петрович

доктор исторических наук, профессор,
академик РАН, заслуженный деятель науки РФ

Костырченко Геннадий Васильевич

доктор исторических наук,
ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН

Дегоев Владимир Владимирович

доктор исторических наук,
руководитель Центра проблем Кавказа и региональной безопасности,
профессор МГИМО-Университета МИД России

Юрганов Андрей Львович

доктор исторических наук, профессор,
заведующий кафедрой истории России Средневековья
и раннего Нового времени РГГУ

Каравашкин Андрей Витальевич

доктор филологических наук,
профессор кафедры истории России Средневековья
и раннего Нового времени РГГУ

Мальков Виктор Леонидович

доктор исторических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ,
руководитель научного Центра историко-теоретических исследований
Института всеобщей истории РАН

Our authors

Kurginyan Sergey Ervandovich

Ph. D. in physics and mathematics, specialist in political sciences,
President of the International Public Foundation
«Experimental Creative Center», editor-in-chief of «Russia XXI»,
Chief producer of the Theatre «On the Boards»

Zimonin Vyacheslav Petrovich

D.Sci., historian, Professor,
academician of Russian Academy of natural Sciences,
Merited Science Worker of Russia

Kostyrchenko Gennadii Vasil'evich

D.Sci., historian,
leading specialist, Institute of Russian History, RAS

Degoev Vladimir Vladimirovich

D.Sci., historian,
Director of the Center for the Caucasus Problems and Regional Security,
Professor of Moscow State Institute of International Relations–University

Yurganov Andrey L'vovich

D.Sci., historian,
Professor, Chair of Early and Early Modern Russian History,
Russian State University for Humanities

Karavashkin Andrey Vital'evich

D.Sci., philologist,
Professor, Chair of Early and Early Modern Russian History,
Russian State University for Humanities

Mal'kov Victor Leonidovich

D.Sci., historian, Professor, Merited Science Worker of Russia,
Head of Scientific Centre of theoretical research,
Institute of World History, RAS

ЖУРНАЛ МОЖНО КУПИТЬ

в Москве

«Фаланстер», М.Гнездниковский пер., д.12/27, стр.3;
«Циолковский», Политехнический музей, подъезд 7д;
киоск в РГБ, ул. Воздвиженка, д.3/5, 3-ий читательский
подъезд;

в Санкт-Петербурге

магазин «Книжный окоп»,
Тучков пер., 11/5

по всей России

журнал «Россия XXI» можно
заказать с доставкой или купить
в книжном интернет-магазине «Русская деревня».
Адрес: Москва, Глинищевский переулок, дом 6
(за книжным магазином «Москва», под вывеской
«Союз женщин России»)
Телефон: (495) 650-60-31,
сайт www.hamlet.ru

Журнал можно купить в редакции.

Тел. (495)691-74-79

E-mail: russia21@ecc.ru,

ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛ:

Подписные индексы:
39363 – по объединенному каталогу «Пресса России»
83496 – по каталогу Агентства «Роспечать».

Альтернативная подписка:
ООО «ИнтерПочта-2003»
тел. (495)788-00-60, факс (495)225-67-64
ООО Агентство «Артос-Гал» т/ф (495)795-23-00

Для иностранных читателей
подписка проводится
через агентство «МК-Периодика»:
тел. (495) 672-70-12, факс (495)306-37-57
e-mail: export@periodicals.ru

Подписка на электронную версию журнала
оформляется через Научную электронную библиотеку:
www.eibrary.ru

ISSN 0869–8503

Учредитель: Международный общественный фонд
«Экспериментальный творческий центр»
(Центр Кургиняна), МОФ-ЭТЦ

Журнал зарегистрирован 20 января 1993 года.
Регистрационное свидетельство №011074.

© «Россия XXI», 2013.

Цена свободная.

Адрес редакции:

123001, Москва, Садовая-Кудринская, 22/21, стр.1-2

Телефон (495)691-74-79, факс (495)694-17-54

E-mail russia21@ecc.ru

<http://www.russia-21.ru>

Перепечатка допускается по соглашению с редакцией,
ссылка на «Россию XXI» обязательна.

Подписано в печать 14.06.2013. Формат 60x88 1/16.

Печать офсетная. Бумага офсетная №1. Объем 11,5 печ. л.

Тираж 1500 экз (13-д - 1000 экз.). Заказ №

Отпечатано в ГУП Академиздатцентр «Наука» РАН,
ОП «Производственно-издательский комбинат ВИНТИ»–«Наука»,
140014, Московская обл., г. Люберцы, Октябрьский пр-т, д. 403.
Тел./факс: (495) 554-21-86, 554-25-97, 974-69-76.

**Международный общественный фонд
«ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЙ ТВОРЧЕСКИЙ ЦЕНТР»
представляет второе издание
книги Сергея Кургиняна
«СУТЬ ВРЕМЕНИ»
2-томник,
в твердом переплете**

**Философское обоснование мессианских претензий
России в XXI веке. В книге собраны стенограммы
цикла, состоящего из 41 видеолекции автора.
В каждой из них размышления С.Кургиняна о сути
нынешнего времени, его метафизике, диалектике
и их отражении в ключевых аспектах актуальной
российской и глобальной политики.**

**Эту и другие книги фонда можно приобрести
в реакции журнала
«РОССИЯ XXI»**

и в интернет-магазине

«Русская деревня» www.hamlet.ru

**Адрес редакции: 123001, Москва,
Садовая-Кудринская, 22/21 стр.1-2.**

Тел.: (495) 691-74-79, E-mail: russia21@ecc.ru

3. 2013 may-june



Theory and Practice of the Political Games

Sergey Kurginyan

Madness of Asphixy
(or Depleted Resources) _____ **6**



Geopolitics and International Policy Issues

Vyacheslav Zimonin

«Cold» War was Born in «Hot» War _____ **28**



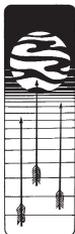
Labels and Myths

Gennadii Kostyrchenko

Young Andropov's Career Agony. How Andropov
«Washed» his Past off _____ **50**

Vladimir Degoev

Sheikh-Mansour: A Glance through the Mist of Ages.
Reflections of a XXI Century Historian _____ **74**



Mentality. Strivings for Cultural Wealth

Andrey Yurganov

Imaginative language of Ancient Rus as a Problem (Facial Chronicle Code of Ivan the Terrible) _____ **110**

Andrey Karavashkin

Two Narrative Strategies. Persuasiveness and Conclusiveness in Hagiography by Epiphany the Wise's _____ **132**



Topical Archive

Victor Mal'kov

«Only Personal and Confidential». American Diplomats on Causes and Secret Springs of the World Catastrophe in 1938–1939 _____ **148**

РОССИЯ XXI